

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

МОСКВА
№ 2 (258)
2026

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

Т. 2 (258), 2026

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS

OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED FIFTY EIGHT

MOSCOW
VOL. 2 (258), 2026

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 the Scientific works of the Free Economic Society of Russia is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have a Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

UDK 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2026
© The Free Economic Society of Russia, 2026

ISBN 978-5-94160-251-3
ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов Вольного экономического общества России

БОДРУНОВ
Сергей
Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов Вольного экономического общества России

АГАНБЕГЯН
Абел
Гезевич

Академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГЛАЗЬЕВ
Сергей
Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, государственный секретарь Союзного государства, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВНИН
Михаил
Юрьевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ГРОМЫКО
Алексей
Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института Европы Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.п.н. (г. Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ
Джеймс К.

Член Международного комитета ВЭО России, иностранный член Российской академии наук, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

ГУТЕНЕВ
Владимир
Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, Первый вице-президент Союза машиностроителей России, д.т.н. (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН
Александр
Александрович

Вице-президент ВЭО России, президент Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КРЮКОВ
Валерий
Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, главный редактор Всероссийского экономического журнала «ЭКО», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

КУЗЫК
Борис
Николаевич

Научный руководитель Института экономических стратегий Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КУЛЕШОВ
Валерий
Владимирович

Научный руководитель Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, заместитель Председателя Сибирского отделения Российской академии наук, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

ЛЕЙН
Дэвид

Профессор Кембриджского университета (University of Cambridge) (Кембридж, Великобритания)

ЛЕМЕЩЕНКО
Петр
Сергеевич

Заместитель председателя комиссии по технологическому развитию Союзного государства, заведующий кафедрой международной политэкономии Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

МАЕВСКИЙ
Владимир
Иванович

Заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МАКАРОВ
Валерий
Леонидович

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, профессор математической экономики, доктор физико-математических наук (г. Москва, Россия)

МУРЫЧЕВ
Александр
Васильевич

Член Президиума ВЭО России, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ОКРЕПИЛОВ
Владимир
Валентинович

Член Правления ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, научный руководитель Института проблем региональной экономики Российской академии наук, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

ПЕТРИКОВ
Александр
Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ
Борис
Николаевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЯБУХИН
Сергей
Николаевич

Вице-президент ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

САМЕДЗАДЕ
Зияд
Алиабас оглы

Президент Союза экономистов Азербайджана, действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

- СИЛИН**
Яков
Петрович Вице-президент ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- ШИРОВ**
Александр
Александрович Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ЭСКИНДАРОВ**
Михаил
Абдурахманович Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ЯКУТИН**
Юрий
Васильевич Действительный член Сената ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», генеральный директор АО ИД «Экономика и жизнь», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия Научных трудов Вольного экономического общества России

АНТИПИНА
Ольга
Николаевна

Профессор кафедры политической экономии
Экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь
Ученого совета экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

БОДРУНОВА
Светлана
Сергеевна

Член Правления ВЭО России, профессор Высшей
школы журналистики и массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного
университета, руководитель Центра
международных медиаисследований СПбГУ,
заместитель директора по научной работе ИНИР
им. С.Ю. Витте, д.полит.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

ВЕРЕНИКИН
Алексей Олегович

Профессор кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор
(г. Москва, Россия)

ВОЕЙКОВ
Михаил
Илларионович

Член Правления ВЭО России, заведующий
сектором политической экономии Института
экономики Российской академии наук, д.э.н.,
профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ
Роман
Сергеевич

Член Президиума ВЭО России, заведующий
кафедрой «Менеджмент и маркетинг
высокотехнологичных отраслей промышленности»
Московского авиационного института
(национального исследовательского университета),
д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОРОДЕЦКИЙ
Андрей
Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ
Руслан
Солтанович

Действительный член Сената ВЭО России, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЗАБУРДАЕВА
Анна
Вячеславовна

Заместитель директора – руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ
Александр
Анатольевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

КОЛГАНОВ
Андрей
Иванович

Член Президиума ВЭО России, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г.н.с. Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЛЕНЧУК
Елена
Борисовна

Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПЛОТНИКОВ
Владимир
Александрович

Член Президиума ВЭО России, профессор кафедры общей экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

РАТНИКОВА
Мargarита
Анатольевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России (г. Москва, Россия)

РОМАНОВА
Галина
Максимовна

Заместитель председателя комитета Городского Собрания Сочи по вопросам образования, науки, социальной политики, охраны здоровья; руководитель программы магистратуры «Туризм и индустрия гостеприимства» МГИМО МИД РФ, д.э.н., профессор (г. Сочи, Россия)

САДОВНИЧАЯ
Анна
Викторовна

Заместитель генерального директора АО «Экспоцентр», к.э.н. (г. Москва, Россия)

САВИНА
Ольга
Алексеевна

Руководитель пресс-службы ВЭО России (г. Москва, Россия)

СМАГИНА
Валентина
Викторовна

Член Президиума ВЭО России, заместитель руководителя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, проректор, главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, д.э.н., профессор (г. Тамбов, Россия)

УСЕНКО
Людмила
Николаевна

Член Президиума ВЭО России, руководитель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Editor-in-Chief of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Sergey
D. BODRUNOV**

President of the Free Economic Society of Russia,
Director of the S.Y. Witte Institute for New
Industrial Development, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Doctor
of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Abel
G. AGANBEGYAN**

Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Sergey
Yu. GLAZIEV**

Vice President of the VEO of Russia, Secretary
of State of the Union State, Academician of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of
Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Mikhail
Yu. GOLOVNIN**

Member of the Presidium of the VEO of Russia,
Director of the Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences, Corresponding
Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Aleksey
A. GROMYKO**

Member of the Presidium of the VEO of Russia,
Director of the Institute of Europe of the Russian
Academy of Sciences, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Doctor
of Political Sciences. (Moscow, Russia)

**James
K. GALBRAITH**

Member of the VEO of Russia International Committee, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Relations, University of Texas at Austin (USA)

**Vladimir
V. GUTENEV**

Chairman of the State Duma Committee on Industry and Trade, First Vice-President of the Union of Mechanical Engineers of Russia, Doctor of Technical Sciences (Moscow, Russia)

**Alexander
A. DYNKIN**

Vice President of the VEO of Russia, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
A. KRYUKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Research Supervisor of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the All-Russian Economic Journal «ECO», Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

**Boris
N. KUZYK**

Scientific Director of the Institute of Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
V. KULESHOV**

Scientific Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

**David
LANE**

Professor at the University of Cambridge (Cambridge, United Kingdom)

**Petr
S. LEMESHCHENKO**

Deputy Chairman of the Commission for Technological Development of the Union State, Head of the Department of International Political Economy of the Belarusian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

**Vladimir
I. MAEVSKY**

Head of the Center for Institutional Evolutionary Economics and Applied Problems of Reproduction of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
L. MAKAROV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Scientific Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor of Mathematical Economics, Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow, Russia)

**Alexander
V. MURYCHEV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Vice-President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Vladimir
V. OKREPILOV**

Member of the Board of the VEO of Russia, President of the St. Petersburg Regional Public Organization of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of Regional Economic Problems of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

**Alexander
V. PETRIKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Boris
N. PORFIRIEV**

Vice-President of the VEO of Russia, Head of the Economics Section of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Sergey
N. RYABUKHIN**

Vice President of the VEO of Russia, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Director of the Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Ziyad
A. SAMEDZADE**

President of the Union of Economists of Azerbaijan, Member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Azerbaijan Republic)

**Yakov
P. SILIN**

Vice-President of the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

**Alexander
A. SHIROV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Michael
A. ESKINDAROV**

Vice-President of the VEO of Russia, President, Scientific Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Yuri
V. YAKUTIN**

Full member of the Senate of the VEO of Russia, Chairman of the Board of Directors, Scientific Director of JSC Publishing House «Economic Newspaper», General Director of JSC Publishing House «Economics and Life», Scientific Editor of the Russian Classical Library «Economics and Spirituality», Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Board of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Olga
N. ANTIPINA**

Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Scientific Secretary of the Academic Council of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Svetlana
S. BODRUNOVA**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor at the Higher School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, Head of the Center for International Media Studies at St. Petersburg State University, Deputy Director for Research at the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, Doctor of Political Sciences (St. Petersburg, Russia)

**Aleksey
O. VERENIKIN**

Professor of the Department of Political Economy at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Mikhail
I. VOEYKOV**

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Sector of Political Economy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Roman
S. GOLOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Andrey
E. GORODETSKY**

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the scientific direction «Institutes of Modern Economy and Innovative Development» of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Ruslan
S. DZARASOV**

Full Member of the Senate of the VEO of Russia, Leading Researcher of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Anna
V. ZABURDAEVA**

Deputy Director, Head of the Department for Scientific Conferences and All-Russian Projects of the VEO of Russia, Candidate of Technical Sciences (Moscow, Russia)

**Alexander
A. ZOLOTAREV**

Vice President of the VEO of Russia, Head of the St. Petersburg regional public organization of the VEO of Russia, Candidate of Economics Sciences (St. Petersburg, Russia)

**Andrey
I. KOLGANOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of Laboratory of comparative social and economic analysis at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; head scientist of Institute of Economy Russian Academy of Science, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow, Russia)

**Elena
B. LENCHUK**

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Economic Policy Research Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Vladimir
A. PLOTNIKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Professor of the Department of General Economic Theory and World Economy of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

**Margarita
A. RATNIKOVA**

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

**Galina
M. ROMANOVA**

Deputy Chairman of the Committee of the City Assembly of Sochi on education, science, social policy, health protection; Head of the Master's program «Tourism and Hospitality Industry» MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Sochi, Russia)

**Anna
V. SADOVNICHAYA**

Deputy General Director of Expocentre, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

**Olga
A. SAVINA**

Head of the press service of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

**Valentina
V. SMAGINA**

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Head of the Tambov Regional Branch of the VEO of Russia, Vice-Rector-Chief Scientific Secretary of the Derzhavin Tambov State University, Doctor of Economics, Professor (Tambov, Russia)

**Lyudmila
N. USENKO**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Rostov Regional Branch of the VEO of Russia, Scientific Supervisor, Head of the Department of Economic Activity Analysis and Forecasting at the Rostov State Economic University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Rostov-on-Don, Russia)

Содержание

- 25 **АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ**
- 26 ***В.С. Глазьев***
Стратегия и результаты достижения технологического суверенитета КНР в условиях нового технологического уклада
- 55 ***А.А. Костанян, С.А. Ходус***
Настоящее и будущее цифровых валют в контексте устойчивого развития
- 73 ***В.В. Ворожихин***
Видение будущего России-2040 как инструмент экономической безопасности
- 95 ***В.В. Смагина, И.О. Юдин***
Теоретико-методологические подходы исследования цифровой трансформации в экономических системах
- 114 ***В.А. Плотников, М.А. Еловская***
Специфика государственной инновационной политики в эпоху цифровой трансформации экономики
- 133 ***Ю.М. Большакова***
Государственное управления инновациями – ценностный контекст и институциональный дизайн
- 162 ***И.В. Дроздова, Ю.А. Левин, А.А. Петров, Г.Ф. Токунова***
Практический потенциал методики повышения эффективности принимаемых управленческих решений в организациях
- 183 ***Л.Н. Усенко, Н.Г. Вовченко, А.М. Усенко***
Финансовая архитектура экспортно-аграрной политики стран БРИКС как механизм продовольственно-финансовой устойчивости
- 219 ***Э.А. Климентова, А.А. Дубовицкий***
Рынок труда и проблемы воспроизводства человеческого капитала в сельском хозяйстве

- 244 ***Е.В. Орлов, А.Г. Кузнецов***
 Проблемы транспортного комплекса Республики Татарстан
 и приоритетные направления их решения
- 269 ***Н.В. Черемисина, Т.Н. Черемисина***
 Экономико-статистический анализ дорожно-транспортных
 происшествий в России
- 287 ***Д.А. Динец***
 Финансиализация, дезинтеграция и отсутствие конкуренции
 – теоретический анализ причинно-следственных связей

Content

- 25 **ANALYTICAL ARTICLES**
- 26 ***Vladislav S. Glazyev***
 Strategy and results of achieving technological sovereignty
 of the PRC in the context of the technological order
- 55 ***Ani A. Kostanyan, Sofia A. Khodus***
 The present and future of digital currencies in the context
 of sustainable development
- 73 ***Vladimir V. Vorozhikhin***
 Vision of the future of Russia-2040 as an instrument
 of economic security
- 95 ***Valentina V. Smagina, Igor O. Yudin***
 Theoretical and methodological approaches to researching
 digital transformation in economic systems
- 114 ***Vladimir A. Plotnikov, Maria A. Elovskaya***
 Specificity of state innovation policy in the era of digital
 transformation of the economy
- 133 ***Yulia M. Bolshakova***
 Public management of innovation – value context
 and institutional design

- 162 ***Irina V. Drozdova, Yury A. Levin, Alexander A. Petrov, Galina F. Tokunova***
The practical potential of the methodology for improving the effectiveness of managerial decision-making in organizations
- 183 ***Lyudmila N. Usenko, Natalya G. Vovchenko, Anastasia M. Usenko***
Financial architecture of BRICS export-oriented agricultural policy as a mechanism of food-financial resilience
- 219 ***Elvira A. Klimentova, Alexander A. Dubovitsky***
The Labor market and the problems of human capital reproduction in agriculture
- 244 ***Evgenii V. Orlov, Andrei G. Kuznetsov***
Republic's Tatarstan transport complex problems and their solution priority directions
- 269 ***Natalia V. Cheremisina, Tatyana N. Cheremisina***
Economic and statistical analysis of road accidents in Russia
- 287 ***Daria A. Dinets***
Financialization, disintegration and lack of competition – a theoretical analysis of cause-effect relationships

АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-26-54
EDN BECYVF

**СТРАТЕГИЯ
И РЕЗУЛЬТАТЫ
ДОСТИЖЕНИЯ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
СУВЕРЕНИТЕТА КНР
В УСЛОВИЯХ НОВОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УКЛАДА**

**STRATEGY AND RESULTS
OF ACHIEVING
TECHNOLOGICAL
SOVEREIGNTY OF THE
PRC IN THE CONTEXT
OF THE NEW
TECHNOLOGICAL
ORDER**

ГЛАЗЬЕВ ВЛАДИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ

Аспирант факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

VLADISLAV S. GLAZYEV

Postgraduate Student, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

АННОТАЦИЯ

В статье проводится комплексный анализ китайской модели достижения технологического суверенитета как результата функционирования уникальной системы государственного управления, построенной на принципе «национальных инновационных миссий». На основе изучения стратегических документов и статистических данных за период 2012–2025 гг. автор выявляет иерархическую структуру управления научно-технологическим развитием КНР, анализирует многоуровневую систему финансирования НИОКР и детально рассматривает прогресс Китая в 11 ключевых отраслях, формирующих ядро нового технологического уклада. Научная новизна работы заключается в систематизации инструментов стратегического управления, позволивших Китаю перейти от технологической зависимости к модели «асимметричной взаимозависимости» и стать вторым глобальным центром технологической силы. Сделан вывод о том, что китайский опыт представляет собой целостную альтернативную модель технологического развития, экспортируемую через инфраструктурные инициативы и стандарты. Методологической основой исследования является институционально-эволюционный анализ в рамках теории смены технологических укладов.

ABSTRACT

The article provides a comprehensive analysis of the Chinese model for achieving technological sovereignty as a result of a unique public administration system built on the principle of «national innovation missions».

Based on a study of strategic documents and statistical data for the period 2012–2025, the author identifies the hierarchical structure of S&T development management in the PRC, analyzes the multi-level R&D financing system, and examines in detail China's progress in 11 key industries that form the core of the new technological order. The scientific novelty of the work lies in the systematization of strategic management tools that have allowed China to transition from technological dependence to a model of «asymmetric interdependence» and become a second global center of technological gravity. It is concluded that the Chinese experience represents a holistic alternative model of technological development, exported through infrastructure initiatives and standards. The methodological basis of the study is an institutional-evolutionary analysis within the framework of the theory of technological paradigm shifts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Технологический суверенитет, Китай, КНР, новый технологический уклад, инновационная система, государственное управление, НИОКР, национальные инновационные миссии, промышленная политика, технологическое развитие.

KEYWORDS

Technological sovereignty, China, PRC, new technological order, innovation system, public administration, R&D, national innovation missions, industrial policy, technological development.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях обострения глобальной конкуренции и перехода мировой экономики к новому технологическому укладу вопросы достижения технологического суверенитета становятся критически важными для ведущих мировых держав. Китайская Народная Республика (КНР) на протяжении последних десятилетий демонстрирует впечатляющий про-

гресс в научно-технологической сфере, что позволяет рассматривать ее опыт как одну из наиболее успешных моделей целенаправленного преодоления технологической зависимости. В настоящей статье феномен технологического суверенитета Китая рассматривается не как набор разрозненных успехов, а как результат работы уникальной и высокоэффективной системы государственного управления. Ее основой является модель «национальных инновационных миссий», сочетающая стратегическое планирование с рыночной реализацией.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого осмысления механизмов, позволивших Китаю в сжатые сроки не только сократить технологическое отставание, но и выйти на лидирующие позиции по целому ряду критически важных направлений, формирующих ядро нового технологического уклада. Целью данной статьи является комплексный анализ стратегии и результатов достижения технологического суверенитета КНР, выявление ключевых институциональных механизмов и инструментов государственного управления этим процессом.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящего исследования заключается в проведении комплексного анализа китайской модели достижения технологического суверенитета, выявлении и систематизации ключевых институциональных механизмов и инструментов государственного управления, обеспечивших ускоренный переход КНР от технологической зависимости к позиции одного из глобальных лидеров в условиях формирования нового технологического уклада.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологической основой исследования является институционально-эволюционный анализ в рамках теории смены технологических укладов. Данный подход позволяет рассматривать технологическое развитие не как линейный процесс, а как результат сложного взаимодействия институтов, экономических агентов и государственной политики. Информационную базу исследования составили официальные стратегические документы КНР (включая программу «Сделано в Китае 2025», «План развития искусственного интеллекта нового поколения», 14-й пятилетний план), статистические данные Министерства науки и техники КНР (MOST) и Национального бюро статистики КНР (NBS) за период 2012–2024 гг., аналитические отчеты Китайской ассоциации фотоэлектрической промышленности, Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), Международной федерации робототехники (IFR), а также материалы реформы системы управления наукой и технологиями КНР 2023 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Система государственного управления достижением технологического суверенитета в КНР

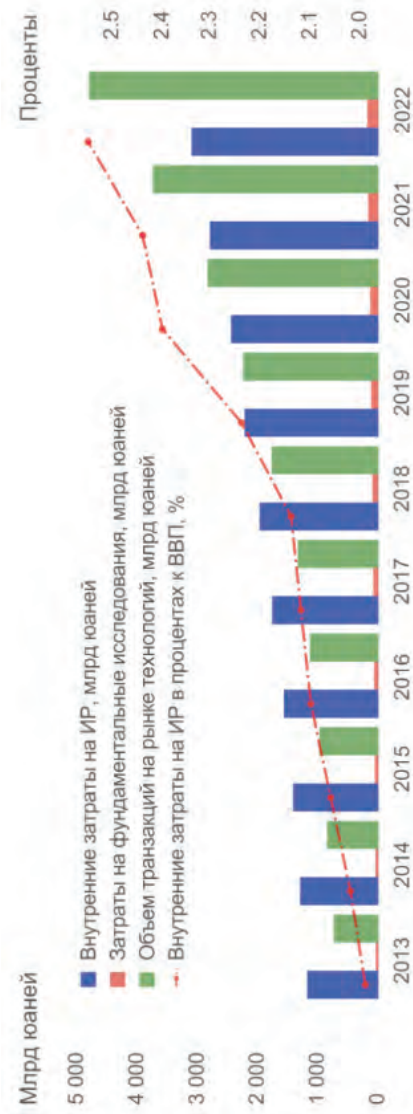
а. Многоуровневая система финансирования НИОКР

Эта машина приводится в действие мощной многоуровневой системой финансирования, мобилизующей капитал на стратегические цели. Во-первых, это прямые государственные инвестиции через специализированные фонды, крупнейший из которых — «Большой фонд» для микроэлектроники. Только его вторая фаза направила более 3 млрд юаней на робототехнику и умное производство [2]. Во-вторых, целевые программы («Сделано в Китае 2025», планы по ИИ) задают стра-

тегические рамки и открывают доступ к льготам. В-третьих, прямое финансирование науки и кадров: Национальная ключевая программа НИОКР финансирует мегапроекты, а программы «Тысяча талантов» и «Десять тысяч талантов» привлекают и удерживают лучшие умы. В-четвертых, фискальные стимулы для бизнеса, такие как сверхвычет расходов на НИОКР [3]. В-пятых, это система поддержки стартапов и инновационных МСП: венчурные фонды с госучастием, налоговые льготы для высокотехнологичных компаний, особые экономические зоны (например, в Шэньчжэне, Шанхае, Пекине). В-шестых, это прямая ответственность и активная конкуренция между местными правительствами всех провинций Китая за привлечение ресурсов по развитию научно-технических кластеров и технопарков. И, наконец, формирование гарантированного спроса через госзакупки и масштабные инфраструктурные проекты, что создает рынок для отечественных разработок. Итогом становится «стратегическая воронка», где государство направляет финансовые потоки, а рынок конкурирует за их эффективное освоение.

В настоящем докладе рассматривается феномен технологического суверенитета Китая не как набор разрозненных успехов, а как результат работы уникальной и высокоэффективной системы государственного управления. Ее основа — модель «национальных инновационных миссий», которая сочетает стратегическое планирование с рыночной реализацией.

Ключевым фактором, обеспечившим быстрый хозяйственный подъем КНР, стала масштабная поддержка научно-технической и инновационной сферы. Насколько важное место ей отводится, наглядно показывают официальные отчеты Министерства науки и техники Китая: в период 2013–2022 гг. общая сумма расходов на исследования и разработки

Источник: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ на основе данных Национального статистического бюро КНР.

Рисунок 1. Динамика показателей развития науки и технологий в Китае

(ИР) увеличилась с 1,18 до 3,09 трлн юаней, а доля этих затрат в валовом внутреннем продукте поднялась с 1,99 % до 2,55 % [1]. За тот же временной отрезок стоимостной объем операций на национальном рынке технологий вырос в несколько раз — с 0,7 до 4,8 трлн юаней [1] (рис. 1). Такая динамика со всей очевидностью указывает, что по ряду базовых индикаторов научно-технического потенциала Китай практически сравнялся с Соединенными Штатами.

Таким образом, система государственного управления достижением технологического суверенитета в КНР имеет четкую иерархию (см. рис. 2):

1. **Стратегический уровень** (Партия и Госсовет) определяет долгосрочные цели, такие как «Сделано в Китае 2025» или «План развития ИИ».

2. **Координационный уровень** (ГКРР, МПИ, Миннауки) трансформирует эти цели в конкретные отраслевые планы, стандарты и распределяет ресурсы.

3. **Уровень реализации** — это провинции, создающие кластеры, государственные корпорации-чемпионы (CASC, CRRC) и частные компании (Huawei, SMIC), которые выполняют поставленные задачи.

Ключевыми инструментами этой системы являются директивное планирование через пятилетки, создание защищенного внутреннего рынка как инкубатора для национальных компаний, прямое финансирование и координация всей цепочки: от Академии наук до промышленных конвейеров. Это и есть «машина» технологического рывка Китая.

Итог — «стратегическая воронка», где государство направляет финансовые потоки, а рынок конкурирует за их эффективное освоение.

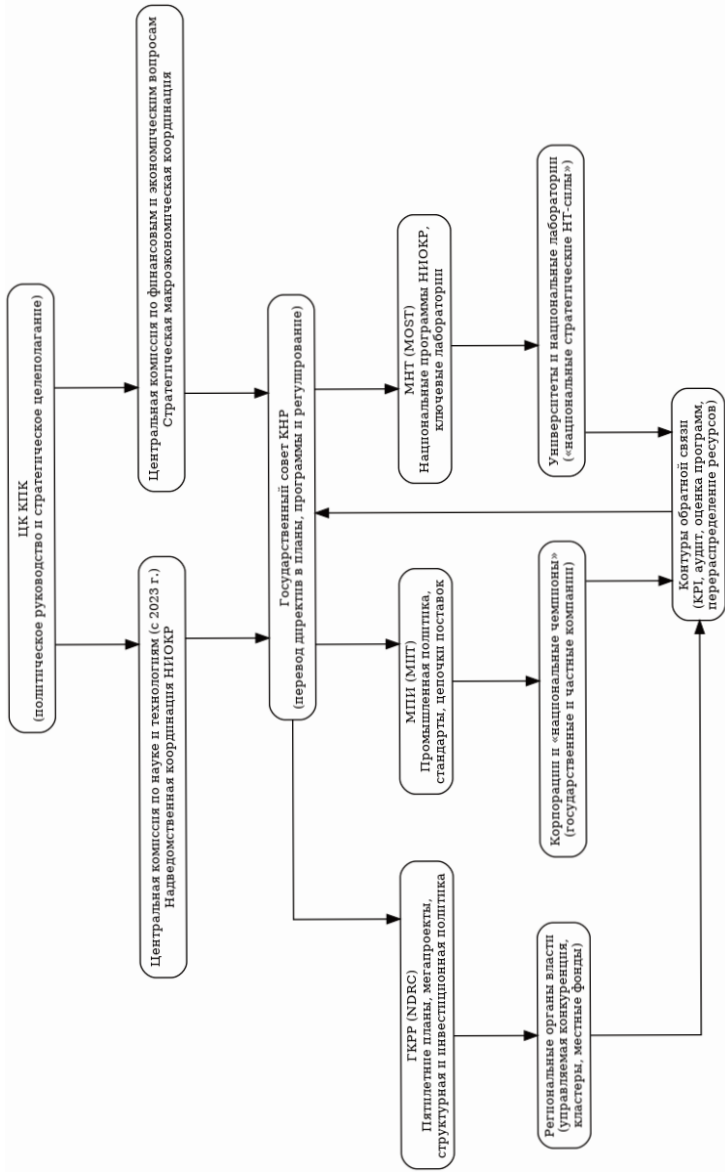

Рисунок 2. Система государственного управления достижением технологического суверенитета в КНР.
 Источники: составлено автором на основе официальных документов Государственного совета КНР, материалов о реформе системы управления наукой и технологиями (2023 г.), а также аналитических исследований китайской модели государственного стратегического управления развитием

в. Программа «Сделано в Китае 2025» и ее результаты

В 2015 году Китай инициировал реализацию масштабной государственной программы «Сделано в Китае 2025», ключевой целью которой стала консолидация интеллектуального потенциала для модернизации национальной промышленности и укрепления позиций высокотехнологичных отраслей [4]. В следующем, 2016 году, была принята Национальная стратегия инновационного развития, направленная на превращение Китая в мирового лидера в научно-технологической сфере к середине текущего столетия. Совокупное действие этих стратегий позволило китайским промышленным предприятиям активно внедрять достижения отечественной науки и собственные технологические разработки, что заложило фундамент для формирования технологического суверенитета.

Чтобы отслеживать, насколько успешно страна продвигается к технологической самостоятельности, были введены четкие количественные ориентиры. В документах 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) зафиксированы следующие цели: добиваться, чтобы расходы на НИОКР ежегодно прибавляли не менее 7 %; поднять число патентов высокой ценности в пересчете на 10 тыс. жителей с 6,3 (уровень 2020 г.) до 12; нарастить вклад ключевых цифровых отраслей в ВВП с 7,8 % до 10 % [5]. Кроме того, в программе «Сделано в Китае 2025» было прописано намерение к 2025 году довести долю критически важных высокотехнологичных узлов и компонентов собственного выпуска до 70 % — это касается информационных технологий, роботостроения, возобновляемой энергетики, авиакосмической техники, судостроения, индустрии новых материалов и ряда других направлений.

Реальное воплощение этих планов дало весьма заметные плоды. Уже в 2021 г. суммарные вложения в исследования

и разработки в Китае поднялись с 1 трлн юаней (1,91 % ВВП) в 2012 г. до 2,7 трлн юаней (2,44 % ВВП). К 2024 г. значение достигло 3,6 трлн юаней (2,68 % ВВП), и есть все основания предполагать, что по итогам 2025 г. будет преодолен рубеж в 4 трлн юаней. Принципиально важная структурная особенность состоит в том, что основную финансовую нагрузку несут сами компании: в 2020 г. на долю предприятий (всех форм собственности) пришлось 77,5 % совокупных затрат на НИОКР, тогда как государство (бюджеты всех уровней плюс специализированные фонды) обеспечило лишь 19,8 %. Одновременно произошло заметное перераспределение ответственности между центром и регионами. Если в 2008 г. центральное правительство финансировало 49,3 % государственных расходов на науку, а провинциальные и муниципальные власти — 50,7 %, то к 2020 г. пропорции изменились на 37,2 % и 62,8 % соответственно. Такая децентрализация свидетельствует о растущей роли местных инициатив.

То обстоятельство, что бизнес вкладывает в НИОКР почти четыре пятых от общего объема средств, говорит о создании в стране среды, поощряющей инновационную активность частного сектора. Еще один признак взросления национальной научно-технической системы — сокращение платежей за пользование зарубежными объектами интеллектуальной собственности. Если в 2002 г. они были эквивалентны примерно 20 % всех расходов на НИОКР, то к 2011 г. эта величина уменьшилась до 10 % и впоследствии стабилизировалась на данном уровне.

Власти Китая проводят политику, охватывающую сразу несколько взаимосвязанных направлений: планомерное укрепление исследовательской инфраструктуры, поощрение формирования научно-технических центров как глобального,

так и регионального масштаба, а также долговременное сквозное планирование фундаментальной науки. Существенное место в этом комплексе мер отведено развитию образования: на протяжении минувших десяти лет государственные ассигнования на данную сферу неуклонно росли [6]. Именно совершенствование образовательной системы стало одним из базовых условий, позволивших стране занять лидирующие позиции в выпуске многих видов наукоемкой продукции.

Согласно сведениям, опубликованным Китайской ассоциацией фотоэлектрической промышленности, в 2021 г. на КНР приходилось свыше 70 % глобального рынка фотоэлектрического поликремния, а также элементов и модулей для литиевых батарей [7]. Экспортные поставки китайских электромобилей, изделий фотоэлектрики и литиевых аккумуляторов в 2022 г. продемонстрировали стремительный подъем — на 131,8 %, 67,8 % и 86,7 % по сравнению с предшествующим годом. Уже в 2010-х гг. страна наращивала мощность своего высокотехнологического сектора, а в текущем десятилетии прочно утвердилась в качестве крупнейшего мирового экспортера высокотехнологичных товаров [6].

Оценки, даваемые международными институтами, также подтверждают достижения Китая. По индексу развития интеллектуального капитала он располагается на второй строчке в мире и превосходит среднемировые значения по таким параметрам, как социальный капитал, качество государственного управления и устойчивость экономики [8]. В глобальном рейтинге конкурентоспособности (GCI) 2022 года Китай занял 31-е место из 180, оказавшись непосредственно позади Соединенных Штатов [9]. Инновационная продукция, создаваемая в КНР, вполне сопоставима с тем, что предлагают государства первой десятки. Стране удастся не просто удерживать,

а последовательно укреплять свое превосходство по совокупности индикаторов интеллектуальной собственности — будь то число патентных заявок от резидентов, количество зарегистрированных полезных моделей, товарных знаков или промышленных образцов [10]. Еще в 2015 г. Китай обошел США по суммарному количеству патентов, выдаваемых за год.

Технологические достижения в ключевых отраслях

На что же работают эти управление и финансирование? На создание полного цикла внутри ядра шестого технологического уклада, где все направления системно взаимосвязаны. Фундаментом служат новые материалы и микроэлектроника. Без них невозможен «цифровой двигатель»: искусственный интеллект, передовые вычисления (HPC) и сети 5G. Этот «двигатель», в свою очередь, питает аппаратную реализацию и инфраструктуру: роботов, высокоскоростные поезда, космические аппараты, электромобили и суда. А вершина системы — интегрированные решения: «умные города», которые потребляют данные и алгоритмы, и VR/AR как интерфейсы будущего. Таким образом, успех в одном секторе (например, в материалах) напрямую усиливает позиции в другом (аэрокосмика или электроника).

Полупроводники и микроэлектроника. Данное направление является ярким примером сложного, но целеустремленного догоняющего развития. Санкции США, отрезавшие доступ к передовым чипам и оборудованию, стали катализатором для ускорения создания собственной экосистемы «от песка до продукта». В результате освоен процесс FinFET второго поколения (~7 нм), налажено массовое производство 12-дюймовых пластин для 28 нм технологий, появились национальные производители — SMIC, HuaHong [11]. Полный суверенитет

еще не достигнут, отставание от лидеров составляет от одного до двух поколений, но разрыв уверенно сокращается.

5G и телекоммуникации. Данное направление представляет собой образец эффективности экспорта технологического суверенитета. Компания Huawei, поддерживаемая государством через доступ к внутреннему рынку и включение в инициативу «Цифровой Шелковый путь», стала глобальным лидером. Китай владеет крупнейшим портфелем патентов, критически важных для стандартов 5G (~14 %) [12]. Huawei построила инфраструктуру в более чем 170 странах. В ответ на санкции создана операционная система HarmonyOS (более 700 млн устройств) [13].

Искусственный интеллект. Направление, где Китай демонстрирует тотальную комплексность подхода: от «железа» до алгоритмов. Реализуется «План развития ИИ» 2017 года с четкими этапами до 2030 года [14]. Китай является лидером по числу научных публикаций и патентов в области ИИ. Созданы полностью отечественные экзафлопсные суперкомпьютеры (Sunway). В стране разработано более 130 крупных языковых моделей, что составляет около 40 % от мирового количества [15].

Робототехника. Пример использования внутреннего рынка как трамплина для импортозамещения. Через программу «Сделано в Китае 2025» поставлена цель довести долю отечественных брендов до 70 % к 2030 году [16]. Китай является крупнейшим в мире рынком промышленных роботов (более 50 % мировых установок). Доля китайских брендов выросла с 28 % в 2018 г. до 42 % в 2022 г. [17]. Созданы национальные лидеры (SIASUN, EFORT).

Новые материалы. Фундаментальная основа для всех других высокотехнологичных отраслей. Политика координируется на стыке науки (Китайская академия наук) и промышленности

(МПИ). Достигнуты прорывы в композитах для авиации (фюзеляж С919), редкоземельных магнитах, кремниевых пластинах [18; 19]. Достигнута высокая степень самообеспеченности в массовых и стратегических материалах.

Новые энергетические транспортные средства (NEV). Самый полный и успешный пример достижения технологического суверенитета и глобального лидерства. Китай — крупнейший в мире рынок и экспортер NEV. Компания CATL контролирует 37 % мирового рынка аккумуляторов [20]. Полный цикл от сырья до готового электромобиля создан внутри страны [21].

Высокоскоростные железные дороги (ВСМ). Классическая трехэтапная китайская модель: 1) импорт технологий, 2) локализация, 3) независимые инновации. Государство выступило стратегическим инвестором и заказчиком. Создана крупнейшая в мире сеть ВСМ. Разработан полностью отечественный поезд «Фусин» (350 км/ч). Осуществляется экспорт полного цикла услуг (Индонезия) [22].

Умные города. Здесь технологический суверенитет сливается с суверенитетом данных и управлением. Более 800 пилотных проектов по всей стране служат полигоном для отечественных решений. Внедрены городские операционные системы (Alibaba ET Brain), интегрированные с системой «Небесная сеть» (распознавание лиц). Создаются города «с нуля» на основе цифровых двойников (Сюнъянь) [23].

Морские технологии. Стратегия «сильной морской державы» реализуется через синергию гражданского и военного судостроения под эгидой государственных гигантов (CSSC) [24]. Достигнуто мировое лидерство в коммерческом судостроении. Созданы передовые боевые корабли (эсминцы типа 055). Поставлены рекорды в глубоководных погружениях («Фэньдоучжэ») [25].

Аэрокосмические технологии. Область, где принцип «самостоятельных инноваций» воплощен наиболее ярко. Управляется государственными корпорациями CASC и CASIC. Созданы пассажирский самолет C919, навигационная система «Бэйдоу» (100% локализация ключевых компонентов), космическая станция «Тяньгун», осуществлены успешные миссии на Луну и Марс [26; 27; 28].

VR/AR и метавселенная. Перспективное направление, где Китай стремится захватить новые технологические траектории, опираясь на свою производственную мощь. Достигнуто доминирование в производстве аппаратных компонентов. Сильные позиции на рынке гарнитур (Pico). Активная интеграция с 5G и облачными технологиями [29; 30].

Китайское правительство применяет комплексный подход, который включает системное развитие научно-технической инфраструктуры, стимулирование создания международных и региональных научно-технических центров, а также осуществление долгосрочного сквозного планирования фундаментальных исследований. Важным элементом этой политики является целенаправленное развитие образовательной системы: на протяжении последнего десятилетия в Китае наблюдается устойчивая динамика роста государственных расходов на образование (см. рис. 3).

Совершенствование образовательной сферы выступило одним из базовых инфраструктурных факторов, позволивших Китаю занять ведущие позиции в выпуске целого ряда высокотехнологичных изделий. Согласно информации, предоставленной Китайской ассоциацией фотоэлектрической промышленности, в 2021 г. на долю КНР приходилось более 70 % мирового рынка фотоэлектрического поликремния,

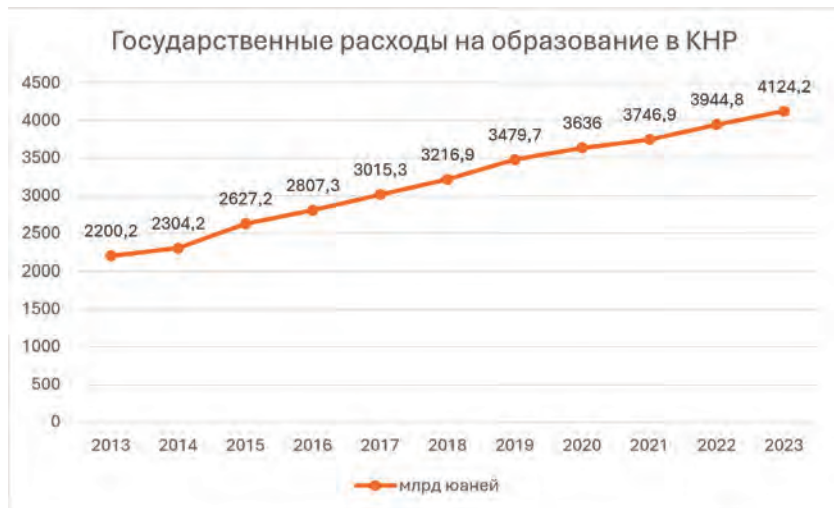

Рисунок 3. Государственные расходы на образование в КНР за 2013-2023 гг., млрд юаней.

Источник: Абросимова О.М., Морева Е.Л. Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая // Вестник экономики, права и социологии. 2024, № 3. С. 8–12. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-8-12

а также компонентов и модулей для литиевых аккумуляторов [7]. В следующем, 2022 г., вывоз китайских электромобилей, фотогальванической продукции и литиевых батарей показал резкий скачок — на 131,8 %, 67,8 % и 86,7 % соответственно по сравнению с показателями 2021 г. На протяжении 2010-х гг. страна последовательно укрепляла свой высокотехнологичный потенциал, а в нынешнем десятилетии прочно утвердилась в роли безоговорочного глобального лидера по экспорту наукоемкой продукции [6] (см. рис. 4).

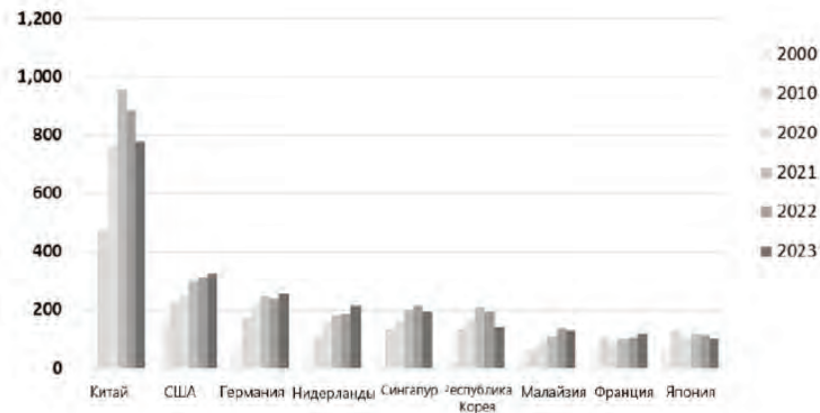

Рисунок 4. Объем экспорта высокотехнологической продукции стран-лидеров по экспорту высокотехнологической продукции в 2000–2023 гг., млрд долл. США.

Источник: Абросимова О.М., Морева Е.Л. Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая // Вестник экономики, права и социологии. 2024 № 3 С. 8–12. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-8-12

с. Развитие образовательной системы и кадрового потенциала

Совершенствование образовательной сферы выступило одним из базовых инфраструктурных факторов, позволивших Китаю занять ведущие позиции в выпуске целого ряда высокотехнологичных изделий. Согласно информации, предоставленной Китайской ассоциацией фотоэлектрической промышленности, в 2021 г. на долю КНР приходилось более 70 % мирового рынка фотоэлектрического поликремния, а также компонентов и модулей для литиевых аккумуляторов [7].

В следующем, 2022 г., вывоз китайских электромобилей, фотогальванической продукции и литиевых батарей показал резкий скачок — на 131,8 %, 67,8 % и 86,7 %, соответственно, по сравнению с показателями 2021 г. На протяжении 2010-х гг. страна последовательно укрепляла свой высокотехнологичный потенциал, а в нынешнем десятилетии прочно утвердилась в роли безоговорочного глобального лидера по экспорту наукоемкой продукции [6].

Финансирование НИОКР и структурные сдвиги

Серьезные перемены затронули и сферу финансирования исследований. Согласно официальным статистическим сводкам, совокупные расходы на НИОКР в Китае увеличились с 1,03 трлн юаней в 2012 г. до 2,79 трлн юаней в 2021 г., а их доля в ВВП поднялась с 1,91 % до 2,44 % [10]. При этом основным источником средств выступает предпринимательский сектор: в 2020 г. на долю предприятий всех форм собственности пришлось 76,6 % общих затрат (18 673,8 млрд юаней), тогда как государственные ассигнования составили около 19,8 % [12]. По оценкам профильных исследований, корпоративные вложения в НИОКР выросли с 30 млрд юаней в 1995 г. до 1,9 трлн юаней в 2020 г. [13]

Произошла заметная децентрализация государственного финансирования: если в 2008 г. центральное правительство обеспечивало 49,3 % бюджетных расходов на науку, а региональные и муниципальные власти — 50,7 %, то к 2020 г. это соотношение изменилось на 37,2 % и 62,8 % соответственно [12].

Снижение технологической зависимости

Долгое время китайская экономика опиралась на экспортную модель, что вынуждало закупать значительную часть

технологий за рубежом. В 2002 г. платежи за пользование иностранными объектами интеллектуальной собственности достигали примерно 20 % от общего объема расходов на НИОКР. К 2011 г. этот показатель сократился до 10 % и впоследствии стабилизировался на данном уровне. Подобная динамика указывает на взросление национального научно-технического комплекса и его возросшую способность самостоятельно решать задачи инновационного развития.

Инвестиции в человеческий капитал и экономику знаний

Наращивание научно-технологического потенциала Китая в последние десятилетия происходит во многом благодаря устойчивому росту вложений в человеческий капитал, причем системообразующую роль играют инвестиции в экономику знаний. Удельный вес последней в ВВП страны оценивается примерно в 22 %. Высокая доля собственных средств предприятий в расходах на НИОКР (77,5 %) подтверждает, что в Китае сформировалась экономическая среда, поощряющая инновационную активность бизнеса.

Привлечение и возвращение талантов

Китайским властям удалось выстроить эффективную систему стимулов для возвращения на родину сотен тысяч соотечественников, получивших образование в западных странах, а также для привлечения ведущих зарубежных специалистов. Значимую роль в этом сыграли государственные программы, в частности инициатива «Тысяча талантов», ориентированная на высококвалифицированных исследователей и ученых [16].

Международные рейтинги и интеллектуальная собственность

По международным оценкам, Китай занимает 2-е место в мире по индексу развития интеллектуального капитала и демонстрирует результаты выше среднемировых в таких областях, как социальный капитал, эффективность государственного управления и экономическая устойчивость [17]. В рейтинге глобальной конкурентоспособности (GCI) за 2022 г. страна расположилась на 31-й строчке среди 180 государств, непосредственно следуя за США (30-е место). Создаваемые в КНР инновации вполне сопоставимы с теми, что генерируют десять ведущих экономик мира, включая Нидерланды, Великобританию и Соединенные Штаты. Китай не только сохраняет, но и последовательно укрепляет мировое

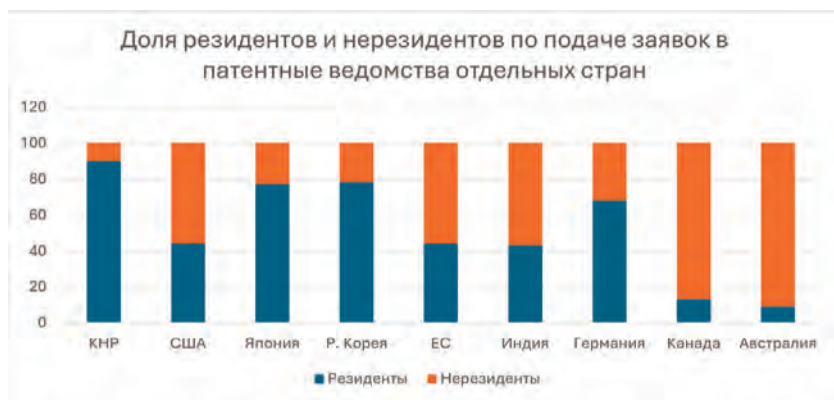

Рисунок 5. Доля резидентов и нерезидентов по подаче заявок на патенты в патентные ведомства отдельных стран.

Источник: А.В. Чевников Реализация политики технологического суверенитета в Kumaе DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-2-5-15> С. 11

лидерство по совокупности показателей интеллектуальной собственности: числу патентных заявок от резидентов, количеству зарегистрированных полезных моделей, товарных знаков и промышленных образцов (см. рис. 5 и 6).

К 2015 г. Китай уже обогнал США по совокупному числу выданных за год патентов (рис. 6).

Ключевым драйвером научно-технического и инновационного прогресса выступает направляющая роль государства. Подобная модель вообще свойственна ряду азиатских экономик — в частности, Южной Корее, где государственные исследовательские институты предоставляют частным компаниям льготный или вовсе бесплатный доступ к результатам своих НИОКР [18]. Опираясь на такую поддержку, Китай уже

Рисунок 6. Количество патентов выданных в Китае и США за год, тыс.

Источник: Инновационная система Китая: возможности для адаптации в России. Исследование Института экономики роста им. Столыпина П.А., 2024 г.

к исходу XX столетия сумел укрепить позиции целого ряда национальных фирм. Среди них — Huawei и ZTE, которые со временем вышли на глобальный уровень и заняли заметное место на мировых рынках. В свою очередь, такие гиганты, как Baidu, Alibaba и Tencent, не только создают новые технологии, но и успешно приспособливают их к местной специфике, по масштабу и влиянию вполне сопоставимы с американскими корпорациями Google и Amazon.

Устройство структуры приоритизации технологических направлений, указанных ранее

На что же работают эти управление и финансирование? На создание полного цикла внутри ядра шестого технологического уклада, где все направления системно взаимосвязаны.

Фундаментом служат *новые материалы* и *микроэлектроника*. Без них невозможен «цифровой двигатель»: *искусственный интеллект, передовые вычисления (HPC) и сети 5G*.

Этот «двигатель», в свою очередь, питает аппаратную реализацию и инфраструктуру: *роботов, высокоскоростные поезда, космические аппараты, электромобили и суда*.

А вершина системы — интегрированные решения: *Умные города*, которые потребляют данные и алгоритмы, и *VR/AR* как интерфейсы будущего. Таким образом, успех в одном секторе (например, в материалах) напрямую усиливает позиции в другом (аэрокосмика или электроника).

ОБСУЖДЕНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых характеристик китайской модели достижения технологического суверенитета. Во-первых, это системность: уникальная модель «государство как стратегический инвестор и заказчик»

обеспечивает координацию усилий всех участников инновационного процесса. Во-вторых, масштаб и скорость: беспрецедентные темпы внедрения технологий от идеи до рынка. В-третьих, создание целостных экосистем, а не точечных продуктов. В-четвертых, экспорт стандартов через инфраструктурные инициативы, такие как «Цифровой Шелковый путь».

Сравнение с другими глобальными центрами силы выявляет различные модели организации технологического развития. США демонстрируют лидерство в прорывных идеях и программном обеспечении, опираясь на частно-рыночную модель. Европейский союз силен в инжиниринге и делает акцент на регулировании, однако страдает от отсутствия единой цифровой экосистемы. Россия сохраняет компетенции в нишевых и военных секторах, но демонстрирует системное отставание в массовой коммерческой цифровизации и микроэлектронике [31].

Китай, в свою очередь, перешел от технологической зависимости к «асимметричной взаимозависимости» и стал вторым глобальным центром технологической гравитации. Он предлагает развивающимся странам и соседям (включая ЕАЭС) не просто товары, а целостную, альтернативную модель технологического развития — от стандартов до инфраструктуры. Это формирует новый ландшафт глобальной конкуренции, где технологический суверенитет становится основой не только экономической мощи, но и стратегической автономности.

Выводы

Проведенный анализ стратегии и результатов достижения технологического суверенитета КНР позволяет сформулировать следующие выводы.

Китайская модель достижения технологического суверенитета представляет собой высокоэффективную систему, основанную на сочетании долгосрочного государственного стратегического планирования, многоуровневого финансирования и рыночных механизмов реализации. Ключевым элементом этой системы является иерархическая структура управления, обеспечивающая трансформацию национальных стратегических целей в конкретные отраслевые планы и их последующую реализацию.

Многоуровневая система финансирования НИОКР, включающая прямые государственные инвестиции, целевые программы, фискальные стимулы и формирование гарантированного спроса, создает «стратегическую воронку», направляющую финансовые потоки на приоритетные направления технологического развития. Высокая доля собственных средств предприятий в расходах на НИОКР (77,5 %) свидетельствует об успешном формировании экономической среды, стимулирующей инновационную активность бизнеса.

Результаты реализации программы «Сделано в Китае 2025» и сопутствующих стратегических инициатив демонстрируют значительный прогресс КНР в достижении технологической самодостаточности. Китай не только догнал, но и по ряду направлений опередил ведущие мировые державы, став абсолютным мировым лидером по экспорту высокотехнологичной продукции и количеству патентных заявок.

Анализ 11 ключевых отраслей показывает, что Китай успешно формирует полный цикл внутри ядра шестого технологического уклада, где успехи в одном секторе (например, в новых материалах) напрямую усиливают позиции в смежных областях (аэрокосмика, электроника). Наиболее полный технологический суверенитет достигнут в отраслях NEV

и высокоскоростных железных дорог, где Китай является признанным мировым лидером.

Китайский опыт представляет собой целостную альтернативную модель технологического развития, которая экспортируется через инфраструктурные инициативы и стандарты. Понимание этого опыта имеет высокую актуальность для реализации аналогичных российских планов и сопряжения ЕАЭС с глобальными инициативами Китая.

Позиция КНР: Китай перешел от технологической зависимости к «асимметричной взаимозависимости» и стал вторым глобальным центром технологической гравитации. Он предлагает развивающимся странам и соседям (включая ЕАЭС) не просто товары, а целостную, альтернативную модель технологического развития — от стандартов до инфраструктуры.

Это формирует новый ландшафт глобальной конкуренции, где технологический суверенитет становится основой не только экономической мощи, но и стратегической автономности.

Библиографический список / References

1. Статистические данные Министерства науки и техники КНР (MOST) и Национального бюро статистики КНР (NBS) по расходам на НИОКР и образованию за 2012–2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Shanghai Securities News. (2023, April). Report on the Investment of the «Big Fund» Phase II.
3. State Taxation Administration of the People’s Republic of China. (2021). Announcement No. 6 on Super Deduction Policy for R&D Expenses.
4. Госсовет КНР. (2015, 19 мая). «Сделано в Китае 2025» (《中国制造 2025》). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.

5. Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). (2021). Основные положения 14-го пятилетнего плана (2021–2025) для национального экономического и социального развития и долгосрочные цели через 2035 год. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm.
6. Абросимова О.М., Морева Е.Л. Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая // Вестник экономики, права и социологии, 2024. № 3. С. 8–12. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-8-12.
7. Данные Китайской ассоциации фотоэлектрической промышленности (China Photovoltaic Industry Association) за 2021–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinapv.org.cn/> (дата обращения: 01.02.2025).
8. IMD World Competitiveness Yearbook 2022. — Lausanne: IMD World Competitiveness Center, 2022.
9. Global Competitiveness Report 2022. — Geneva: World Economic Forum, 2022.
10. World Intellectual Property Organization (WIPO). World Intellectual Property Indicators 2023. — Geneva: WIPO, 2023.
11. SMIC. (2022). Annual Report 2022.
12. IPlytics. (2021). Who is leading the 5G patent race?
13. Huawei Technologies Co., Ltd. (2022). Annual Report 2022.
14. Государственный совет КНР. (2017, 20 июля). План развития искусственного интеллекта нового поколения (《新一代人工智能发展规划》). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.
15. Artificial Intelligence Index Report 2025. URL: https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai-index-report-2025_chapter1_final.pdf.
16. Министерство промышленности и информатизации КНР (МПИ). (2021, 21 декабря). «14-я пятилетка» План развития индустрии

- робототехники (2021–2025). URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-12/28/content_5664988.htm.
17. Китайский институт электроники. (2023). Белая книга по развитию робототехнической индустрии Китая (2023 год). Цит. по: Синьхуа. (2023, 18 августа). URL: http://www.news.cn/tech/2023-08/18/c_1129822335.htm.
 18. AVIC Composite Materials. (2022). Annual Report 2022.
 19. Ministry of Industry and Information Technology (MIIT) of the People's Republic of China. (2016). National Development Plan for the New Materials Industry (新材料产业发展指南).
 20. CATL. (2022). Annual Report 2022.
 21. Государственный совет КНР. (2020, 2 ноября). План развития индустрии транспортных средств на новых источниках энергии (2021–2035 гг.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-11/02/content_5556716.htm.
 22. China Railway Group. (2022). Annual Report 2022.
 23. Государственное управление по данным КНР. (2024, 31 декабря). Типичные примеры цифровой трансформации городов: Новый район Сюньань. URL: https://www.nda.gov.cn/sjj/ywpd/szsh/1231/20241231103149442646551_pc.html.
 24. State Council Information Office of the People's Republic of China. (2015, May). China's Military Strategy (White Paper). URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2015/05/27/content_281475115610833.htm.
 25. Institute of Deep-sea Science and Engineering, Chinese Academy of Sciences. (2024, 19 декабря). HOV Fendouzhe. URL: https://english.idsse.cas.cn/pf/uv/202412/t20241219_895465.html.
 26. State Council Information Office of the People's Republic of China. (2022, January). China's Space Program: A 2021 Perspective. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202201/28/content_WS61f35b3dc6d09c94e48a467a.html.

27. State Council Information Office of the People's Republic of China. (2022). China's Space Program: A 2021 Perspective (White Paper).
28. Синьхуа. (2020, 3 августа). Уровень локализации ключевых компонентов спутников «Бэйдоу-3» достиг 100%. URL: https://www.xinhuanet.com/politics/2020-08/03/c_1126320071.htm.
29. Ministry of Industry and Information Technology (MIIT) of the People's Republic of China. (2018). Guiding Opinions on Accelerating the Development of the Virtual Reality Industry.
30. Huawei Technologies Co., Ltd. (2019, July). White Paper for 5G Cloud VR Service Experience Standards. URL: <https://carrier.huawei.com/~media/CNBGV2/download/products/servies/White-Paper-for-5G-Cloud-VR-Service-Experience-Standards.pdf>.
31. Чевников А.В. Реализация политики технологического суверенитета в Китае // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2024. № 2. С. 5–15. DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-5-15.

Контактная информация / Contact Information

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

Глазьев Владислав Сергеевич / Vladislav S. Glazyev

Vladislav.glazev@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-55-72

EDN EGKZXB

**НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ ЦИФРОВЫХ
ВАЛЮТ В КОНТЕКСТЕ
УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ**

**THE PRESENT
AND FUTURE
OF DIGITAL
CURRENCIES
IN THE CONTEXT
OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT**

КОСТАНЫАН АНИ АСКАНАЗОВНА

Доцент кафедры экономики для естественных и гуманитарных факультетов экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук

ANI A. KOSTANYAN

Associate Professor of the Department of Economics for the Natural Sciences and Humanities Faculties of the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, PhD in Economics

ХОДУС СОФИЯ АНДРЕЕВНА

Студентка факультета фундаментальной медицины МГУ имени М.В. Ломоносова

SOFIA A. KHODUS

Student of the Faculty of Fundamental Medicine at Lomonosov Moscow State University

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному анализу роли цифровых валют в контексте целей устойчивого развития ООН через призму его экономической, социальной и экологической составляющей.

Результаты показывают, что цифровые валюты способствуют финансовой инклюзии, снижению транзакционных издержек и созданию новых рынков, но несут риски для финансовой стабильности, усиливают неравенство и могут наносить ущерб экологии. Научная значимость работы заключается в систематизации рисков и потенциала цифровых валют как фактора достижения ЦУР, а также в формировании основ для дальнейших исследований и регулирования.

ABSTRACT

This article provides a comprehensive analysis of the role of digital currencies in the context of the UN Sustainable Development Goals through the lens of its economic, social, and environmental dimensions.

The results demonstrate that digital currencies promote financial inclusion, reduce transaction costs, and create new markets, but also pose risks to financial stability, increase inequality, and may cause environmental damage. The scientific significance of this work lies in its systematization of the risks and potential of digital currencies as a factor in achieving the SDGs, as well as in laying the foundation for further research and regulation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровые валюты, устойчивое развитие, блокчейн, криптоактивы, финансовая инклюзия, финансовая стабильность и риски.

KEYWORDS

Digital currencies, sustainable development, blockchain, crypto-assets, financial inclusion, financial stability and risks.

ВВЕДЕНИЕ

В начале третьего десятилетия XXI века финансовая система мира переживает глубокую трансформацию, движимую цифровизацией и появлением новых форм денег. Под общим термином «цифровая валюта» понимается широкий спектр активов, существующих исключительно в электронной форме. Однако за этой общей формулировкой скрываются принципиально разные по своей природе и предназначению инструменты, начиная от криптовалют, таких как Bitcoin и Ethereum, разновидности криптовалют — стейблкоинов, чья стоимость привязана к стабильным активам, например, фиатным валютам, заканчивая цифровыми валютами центральных банков (CBDC). CBDC представляют собой цифровую форму национальной фиатной валюты, эми-

тируемую и гарантированную государством, сочетающую в себе удобство цифровых платежей и надежность традиционных денег. Эта триада формирует новую, сложную и быстроразвивающуюся экосистему цифровых активов, претендующую на то, чтобы стать основой финансов будущего.

Актуальность исследования цифровых валют выходит далеко за рамки финансовых технологий и напрямую пересекается с глобальной повесткой устойчивого развития. Устойчивое развитие, понимаемое как удовлетворение потребностей настоящего без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные нужды, базируется на трех взаимосвязанных столпах: экономическом, социальном и экологическом. Именно в контексте этих трех измерений влияние цифровых валют проявляется наиболее ярко и противоречиво. Цифровые валюты потенциально способны оказать значительное влияние на все эти аспекты, что делает их изучение в контексте Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН не просто актуальным, а безотлагательным. Более того, с 1 сентября 2026 г. в России начнется полномасштабное внедрение и легализация цифрового рубля, что также показывает актуальность данного вопроса в современном мире, в частности для Российской Федерации¹.

Целью статьи является оценка роли цифровых валют в контексте устойчивого развития через призму их влияния на экологическую, социальную и экономическую сферы. Для целей данного исследования можно выделить три основных типа цифровых валют:

¹ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ.

1. Криптовалюты: вид цифровых валют, основанных на технологии блокчейн и криптографии. Для проверки и подтверждения транзакций используются специальные протоколы, такие как Proof-of-Work (PoW) или Proof-of-Stake (PoS). Особенностью криптовалют является то, что операции, как правило, привязаны к криптографическим адресам, а не к персональным данным пользователей, что показывает псевдоанонимность. Для криптовалют характерна высокая волатильность. Примеры: Bitcoin (первая и самая известная криптовалюта, использующая PoW), Ethereum (платформа для смарт-контрактов и децентрализованных приложений (dApps), перешедшая на модель PoS) [1].

2. Стейблкоины (Stablecoins): вид цифровых валют, чья стоимость обеспечена каким-либо стабильным активом для минимизации волатильности. Они выступают мостом между миром криптовалют и традиционными финансами. Их обеспечение может быть фиатными валютами (USD, EUR), товарами (золото), другими криптоактивами или алгоритмическими механизмами. В большинстве случаев в данном случае эмитентом выступает конкретная компания, которая обязана поддерживать резервы обеспечения. Стейблкоины служат средством расчета и обмена в крипто-экосистеме, а также инструментом для хеджирования рисков. Примеры: Tether (USDT), USD Coin (USDC) [2].

3. Центральные банковские цифровые валюты (CBDC): это цифровая форма национальной фиатной валюты, эмитируемая и гарантированная центральным банком государства. Целью CBDC является повышение эффективности платежных систем, расширение финансовой инклюзивности, улучшение инструментов денежно-кредитной политики. Примеры: пилотные проекты: цифровой юань (e-CNY) в Китае,

цифровой рубль в России, цифровой евро в стадии разработки в ЕС [3]. Устойчивое развитие (Sustainable Development) — это модель развития, которая направлена на удовлетворение потребностей настоящего поколения без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Эта концепция, введенная в докладе Брундтланд (1987), базируется на трех взаимосвязанных и равнозначных столпах (аспектах) [4]:

1. *Экологический аспект.* Ориентирован на сохранение и восстановление природных систем.

2. *Социальный аспект.* Нацелен на обеспечение социальной справедливости, высокого качества жизни и благополучия для всех членов общества. Включает в себя борьбу с бедностью и неравенством, соблюдение прав человека и развитие социального капитала.

3. *Экономический аспект.* Подразумевает развитие экономики, которое является эффективным, инклюзивным и долгосрочным, а не ориентированным на сиюминутную прибыль.

Влияние цифровых валют на экономический аспект устойчивого развития

Цифровые валюты оказывают комплексное и многогранное влияние на экономический аспект, выступая одновременно как катализатор прогресса и источник новых системных рисков.

Положительные аспекты и возможности

1. *Финансовая инклюзия:* цифровые валюты, особенно CBDC и стейблкоины, предоставляют доступ к финансовым услугам миллиардам людей, не имеющих банковских счетов («небанкизированное» население). Для этого достаточно

лишь смартфона и доступа в Интернет. Это напрямую способствует достижению ЦУР 1 (Ликвидация нищеты) и ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост). Вовлечение населения в формальную экономику позволяет им безопасно хранить сбережения, получать кредиты, страховать риски и строить бизнес, что стимулирует местную экономику и сокращает бедность [5, 6].

2. Стимулирование инноваций и создание новых рынков: на базе цифровых валют и смарт-контрактов возникла целая экосистема децентрализованных финансов (DeFi), предлагающая кредитование, страхование, сберегательные протоколы без традиционных посредников. Также развиваются рынки токенизации активов (от недвижимости до произведений искусства). Это создает новые бизнес-модели, рабочие места и направления для инвестиций (ЦУР 8). Программируемые CBDC открывают возможности для автоматизации фискальной политики (например, «умные» налоговые льготы или целевые социальные выплаты), повышая эффективность государственных расходов.

3. Повышение прозрачности и снижение коррупции: публичные блокчейны обеспечивают высокий уровень прозрачности транзакций. CBDC, в свою очередь, могут быть запрограммированы так, чтобы государственные субсидии и средства доходили до конечного получателя без нецелевого использования, что обеспечит борьбу с коррупцией (ЦУР 16 (Мир, правосудие и эффективные институты)).

Отрицательные аспекты и риски

1. Риски для финансовой стабильности: высокая волатильность криптовалют делает их непригодными для сбережений и создает риски для макроэкономической стабильности, что ведет к росту бедности (противоречит ЦУР 1). Кроме того,

взаимосвязь традиционных финансовых рынков с крипто-рынком может стать каналом передачи кризисных явлений.

2. *Использование в незаконной деятельности*: псевдоанонимность некоторых криптовалют может облегчать финансирование терроризма, уклонение от уплаты налогов и торговлю запрещенными товарами. Подрыв правопорядка и безопасности (ЦУР 16) косвенно вредит экономическому развитию, отпугивая легитимные инвестиции и увеличивая затраты на правоохранительную деятельность. Это подрывает доверие к цифровым активам в целом.

3. *Влияние на денежно-кредитную политику и банковскую систему*: широкое распространение частных криптовалют или глобальных стейблкоинов (типа Libra/Diem) может ослабить способность центральных банков контролировать денежное предложение и ставки процента [7]. Более того, массовый переход граждан с банковских депозитов на CBDC может спровоцировать «бегство вкладчиков» в период кризиса, дестабилизируя коммерческие банки. Стабильная банковская система и эффективная монетарная политика — основа экономического роста (ЦУР 8). Их ослабление может привести к финансовым кризисам, росту безработицы и снижению уровня жизни [8].

4. *Усиление экономического неравенства*: выгоды от роста стоимости криптоактивов на ранних этапах получили в основном технологически подкованные и состоятельные инвесторы («цифровой разрыв»). Если доступ к перспективным цифровым активам и финансовым инструментам DeFi останется привилегией узкой группы, это может усугубить имущественный разрыв. Это создает прямую угрозу для ЦУР 10 (Сокращение неравенства). Устойчивое развитие подразумевает инклюзивный рост, при котором блага распределяются справедливо, а не концентрируются в руках немногих [9].

Влияние цифровых валют на социальный аспект устойчивого развития

Социальный аспект устойчивого развития нацелен на создание инклюзивного и стабильного общества, где обеспечено высокое качество жизни и равные возможности. Цифровые валюты оказывают profound влияние на эту сферу, создавая новые социальные лифты и одновременно порождая ранее не существовавшие риски и формы неравенства.

Положительные аспекты и возможности

1. Расширение возможностей для малого и среднего бизнеса (МСБ): цифровые валюты снижают барьеры для ведения бизнеса. МСБ получают доступ к новым рынкам и инструментам финансирования (например, через ICO — первичное предложение монет, или DeFi-кредитование). Это способствует созданию достойных рабочих мест и стимулирует экономический рост на местном уровне, что напрямую соответствует ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост). Развитие МСБ является ключом к снижению бедности и неравенства.

2. Создание новой экосистемы занятости: возникла целая индустрия, создающая высококвалифицированные рабочие места: разработчики блокчейна, криптоаналитики, специалисты по кибербезопасности, юристы в области цифрового права, менеджеры криптобирж и создатели контента для Web3. Стимулирование ЦУР 4 (Качественное образование) через необходимость подготовки кадров для новых профессий и ЦУР 8 [10].

3. Поддержка трансграничных денежных переводов мигрантов: для миллионов трудовых мигрантов цифровые валюты предлагают способ отправки денег семьям на родину, который значительно дешевле, быстрее и проще, чем услуги традиционных систем денежных переводов (Western Union

и др.). Это напрямую влияет на ЦУР 1 (Ликвидация нищеты) и ЦУР 10 (Сокращение неравенства), так как увеличивает реальный доход семей, оставшихся в стране происхождения, и позволяет им больше тратить на питание, здравоохранение и образование детей.

Отрицательные аспекты и риски

1. *Риски кибербезопасности и мошенничества*: высокий технологический барьер делает обычных пользователей уязвимыми для фишинговых атак, взломов криптокошельков, инвестиционных скамов и мошеннических ICO. В отличие от банковских счетов, транзакции в криптовалютах необратимы, а средства часто невозможно вернуть. Массовые финансовые потери граждан подрывают доверие к цифровым технологиям и могут отбросить назад целые семьи, оказавшиеся в группе риска, углубляя бедность (ЦУР 1) и социальную незащищенность [11].

2. *Углубление цифрового разрыва*: доступ к преимуществам цифровых валют требует наличия смартфона, стабильного Интернета и определенного уровня цифровой и финансовой грамотности. Пожилые люди, малообеспеченные и жители сельской местности могут оказаться исключены из этой новой финансовой системы. Вместо сокращения неравенства (ЦУР 10) это может привести к появлению нового вида социальной стратификации — «цифрового апартеида», где права и возможности человека определяются его доступом к технологиям.

Влияние цифровых валют на экологический аспект устойчивого развития

Экологический аспект устойчивого развития сфокусирован на сохранении природных систем, рациональном использовании

ресурсов и борьбе с изменением климата. Влияние цифровых валют на эту сферу является одним из самых острых и дискуссионных вопросов, демонстрирующих глубокий дуализм технологии: от очевидного вреда до потенциала для «озеленения» экономики.

Положительные аспекты и потенциал для экологии

1. *Развитие экологически устойчивых цифровых валют:* переход на альтернативные алгоритмы консенсуса, в первую очередь Proof-of-Stake (PoS), кардинально меняет экологический след. Ethereum сократил энергопотребление на ~99.95 %. Алгоритмы PoS и его модификации (DPoS, PoH) обеспечивают безопасность сети не через энергозатраты, а через экономические стейки (залог). Это доказывает, что сама технология блокчейн не является по своей природе разрушительной для экологии. Будущее за энергоэффективными протоколами, что соответствует ЦУР 9 (Инновации и инфраструктура) и ЦУР 7 [12].

2. *Блокчейн для отслеживания «зеленых» цепочек поставок:* технология блокчейн может использоваться для обеспечения прозрачности и неизменяемости данных. Это позволяет отслеживать происхождение товаров, сертифицировать «зеленую» энергию, что является прямой поддержкой ЦУР 12 и ЦУР 15 (Сохранение экосистем суши).

3. *Финансирование экологических проектов через цифровые активы:* появились новые механизмы привлечения капитала для «зеленых» инициатив, например: экологические токены (выпуск токенов, обеспеченных активами в сфере возобновляемой энергетики (солнечные или ветряные электростанции)); DAO (Децентрализованные автономные организации) (создание сообществ, которые коллективно финансируют и управляют экологическими проектами (например,

сохранение лесов)); углеродные кредиты (токенизация углеродных кредитов на блокчейне делает рынок более прозрачным и ликвидным, упрощая компаниям компенсацию своего углеродного следа). Эти инновации могут ускорить переход к низкоуглеродной экономике, поддерживая ЦУР 7 и ЦУР 13.

Отрицательные аспекты и прямые угрозы

1. *Энергопотребление*: криптовалюты типа PoW, такие как Bitcoin, в процессе майнинга потребляют огромные вычислительные мощности. Сеть Bitcoin потребляет больше электроэнергии, чем многие развитые страны (например, Нидерланды или Филиппины). Это напрямую противоречит ЦУР 7 (Недорогостоящая и чистая энергия) и ЦУР 13 (Борьба с изменением климата) [13].

2. *Электронные отходы (e-waste)*: скрытая экологическая цена: майнинг PoW-криптовалют требует специализированного оборудования (ASIC-майнеры), которое быстро устаревает (в среднем за 1,5-2 года) и не подлежит перепрофилированию. Это приводит к образованию огромного количества высокотехнологичных отходов и нарушению принципов ЦУР 12 (Ответственное потребление и производство).

3. *Углеродный след: прямое воздействие на климат*: углеродный след цифровой валюты напрямую зависит от типа энергии, используемой для майнинга или работы сети. Если майнинг сконцентрирован в регионах, где энергетика основана на сжигании угля (как, исторически, в Китае), то углеродный след такой сети крайне высок. Парниковые газы, выбрасываемые в атмосферу для обеспечения работы блокчейн-сетей, напрямую способствуют глобальному потеплению, подрывая усилия по достижению ЦУР 13.

Таким образом, основная борьба за экологическое будущее цифровых валют разворачивается вокруг перехода

от модели Proof-of-Work к более устойчивым алгоритмам консенсуса. Регулирование и потребительский выбор будут ключевыми факторами, определяющими, какая из этих тенденций возобладает [14, 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о роли цифровых валют в контексте устойчивого развития. Многоаспектный анализ показал, что цифровые активы представляют собой не просто технологическую инновацию, но и мощный фактор трансформации экономических, социальных и экологических систем.

Ключевые выводы исследования свидетельствуют о глубокой двойственности влияния цифровых валют. Особую значимость приобретает необходимость комплексного учета принципов устойчивого развития на всех этапах разработки и внедрения цифровых валют. Технологический прогресс в этой сфере не должен измеряться исключительно показателями скорости транзакций или капитализации рынка. Критически важными становятся такие критерии, как энергоэффективность алгоритмов консенсуса, доступность инфраструктуры для уязвимых групп населения, прозрачность операций и соответствие экологическим стандартам.

В заключение следует подчеркнуть, что будущее цифровых валют в значительной степени зависит от способности общества направить их потенциал на достижение целей устойчивого развития. Это требует скоординированных усилий регуляторов, разработчиков, научного сообщества и гражданского общества. Только через диалог и сотрудничество всех заинтересованных сторон можно обеспечить такой сценарий развития цифровых финансов, при котором

технологический прогресс будет служить интересам нынешнего и будущих поколений, способствуя построению справедливого и устойчивого мира.

Библиографический список

1. Kochergin D. Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover // International Organisations Research Journal. 2022. Vol. 17. №3. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2023/03/16/1714044663/4%20Kochergin.pdf> (дата обращения: 09.02.2026).
2. Ante L., Fiedler I., Willruth J., Steinmetz F. A Systematic Literature Review of Empirical Research on Stablecoins // FinTech. 2023. Vol. 2(1). URL: <https://www.mdpi.com/2674-1032/2/1/3> (дата обращения: 27.01.2026).
3. Цифровой рубль / Банк России. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 28.12.2025).
4. Volosiuc A., Lîsii A. Sustainable Development: From Early Concepts to 21st Century Achievements // Eastern European Journal of Regional Studies. 2025. Vol. 11(1). URL: <https://irek.ase.md/xmlui/handle/123456789/4317> (дата обращения: 03.02.2026).
5. Konieczna P. Exploring the Relationship Between Complementary Currencies and Sustainable Development: A Comparative Study // Sustainability. 2025. Vol. 17(8). URL: <https://doi.org/10.3390/su17083627> (дата обращения: 25.10.2025).
6. Пехальский Д.И. Финансовая инклюзия и экономический рост: опыт развивающихся стран и выводы для России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2024. №3. С. 161–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-inklyuziya-i-ekonomicheskij-rost-opyt-razvivayuschih-sya-stran-i-vyvody-dlya-rossii> (дата обращения: 14.01.2026).

7. Бахтизин А.Р. Глобальные вызовы и экономика России: риски и драйверы роста // Научные труды Вольного экономического общества России, 2025. Т. 253. № 3. URL: https://veorus.ru/upload/iblock/361/217_veo.pdf (дата обращения: 24.01.2026).
8. Wu B., Zhang M. The impact of central bank digital currency on monetary policy effectiveness // *Economic Change and Restructuring*, 2024. Vol. 57. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10644-024-09720-y> (дата обращения: 15.01.2026).
9. Liu L., Guo L. Digital Financial Inclusion, Income Inequality, and Vulnerability to Relative Poverty // *Social Indicators Research*. 2023. Vol. 170. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11205-023-03245-z> (дата обращения: 03.02.2026).
10. Lederman D., Zouaidi M. Incidence of the Digital Economy and Frictional Unemployment: International Evidence // *Applied Economics*. 2022. Vol. 54. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00036846.2022.2054927> (дата обращения: 01.02.2026).
11. Shu T., Bo Z., Resi O. Cybersecurity risks and central banks' sentiment on central bank digital currency: Evidence from global cyberattacks // *Finance Research Letters*. 2023. Vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1544612322007851> (дата обращения: 27.12.2025).
12. Kerkad A., Gouri R. Towards a Green Digital Currency for Smart Communities: An AI-Powered Ecosystem for Citizen Green Stewardship // *Proceedings of the 14th International Conference on Smart Cities and Green ICT Systems*. URL: <https://www.scitepress.org/Papers/2025/134258/134258.pdf> (дата обращения: 04.02.2026).
13. Agur I., Lavyassiere X., Bauer G., Deodoro J., Peria S., Sandri D., Tourpe H. Lessons from crypto assets for the design of energy efficient digital currencies // *Ecological Economics*. 2023. Vol. 212. URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800923001519>
(дата обращения: 10.02.2026).

14. Kurniawan I., Sudiarta M., Wahyuni L., Sumawidari I., Kasiani K., Bernadetha M., Zulfan M., Sinaga F. The rise of decentralized finance (DeFi): Opportunities for disruption in traditional financial models // *Journal of Education, Social & Communication Studies*. 2025. Vol. 2(2). URL: <https://doi.org/10.71028/jescs.v2i2.15> (дата обращения: 03.02.2026).
15. Манюшис А.Ю., Бобылев С.Н., Кавтарадзе Д.Н., Цедилин А.Н. Экосистема устойчивого развития: глобальный вызов и стратегический тренд XXI столетия // *Научные труды Вольного экономического общества России*, 2022. Т. 235. № 3. URL: https://veorus.ru/upload/iblock/bcd/veo_maef_235.pdf (дата обращения: 12.02.2026).

References

1. Kochergin D. Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover // *International Organisations Research Journal*. 2022. Vol. 17. № 3. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2023/03/16/1714044663/4%20Kochergin.pdf> (дата обращения: 09.02.2026).
2. Ante L., Fiedler I., Willruth J., Steinmetz F. A Systematic Literature Review of Empirical Research on Stablecoins // *FinTech*. 2023. Vol. 2(1). URL: <https://www.mdpi.com/2674-1032/2/1/3> (дата обращения: 27.01.2026).
3. Цифројрубл' / Bank Rossii. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (data obrashcheniya 28.12.2025).
4. Volosiuc A., Lîsii A. Sustainable Development: From Early Concepts to 21st Century Achievements // *Eastern European Journal of Regional Studies*. 2025. Vol. 11(1). URL: <https://irek.ase.md/xmlui/handle/123456789/4317> (дата обращения: 03.02.2026).

5. Konieczna P. Exploring the Relationship Between Complementary Currencies and Sustainable Development: A Comparative Study // *Sustainability*. 2025. Vol. 17(8). URL: <https://doi.org/10.3390/su17083627> (дата обращения: 25.10.2025).
6. Pekhal'skij D. I. Finansovayainklyuziya i ekonomicheskijrost: opytzhivayushchihsyastran i vyvodydlyaRossii // *Nauchnyetrudy: Institut narodnohozyajstvennogoprognozirovaniya RAN*. 2024. №3. S. 161-178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-inklyuziya-i-ekonomicheskij-rost-opyt-razvivayuschih-sya-stran-i-vyvody-dlya-rossii> (dataobrashcheniya 14.01.2026).
7. Bahtizin A.R. Global'nyevyzovyi ekonomika Rossii: riskiidrajveryrosta // *NauchnyetrudyVol'nogoekonomicheskogoobshchestvaRossii*. 2025. T. 253. № 3. URL: https://veorus.ru/upload/iblock/361/217_veo.pdf (data obrashcheniya 24.01.2026).
8. Wu B., Zhang M. The impact of central bank digital currency on monetary policy effectiveness // *Economic Change and Restructuring*. 2024. Vol. 57. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10644-024-09720-y> (дата обращения: 15.01.2026).
9. Liu L., Guo L. Digital Financial Inclusion, Income Inequality, and Vulnerability to Relative Poverty // *Social Indicators Research*. 2023. Vol. 170. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11205-023-03245-z> (дата обращения: 03.02.2026).
10. Lederman D., Zouaidi M. Incidence of the Digital Economy and Frictional Unemployment: International Evidence // *Applied Economics*. 2022. Vol. 54. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00036846.2022.2054927> (дата обращения: 01.02.2026).
11. Shu T., Bo Z., Resi O. Cybersecurity risks and central banks' sentiment on central bank digital currency: Evidence from global cyberattacks // *Finance Research Letters*. 2023. Vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1544612322007851> (дата обращения: 27.12.2025).

12. Kerkad A., Gouri R. Towards a Green Digital Currency for Smart Communities: An AI-Powered Ecosystem for Citizen Green Stewardship // Proceedings of the 14th International Conference on Smart Cities and Green ICT Systems. URL: <https://www.scitepress.org/Papers/2025/134258/134258.pdf> (дата обращения: 04.02.2026).
13. Agur I., Lavyssiere X., Bauer G., Deodoro J., Peria S., Sandri D., Tourpe H. Lessons from crypto assets for the design of energy efficient digital currencies // Ecological Economics. 2023. Vol. 212. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800923001519> (дата обращения: 10.02.2026).
14. Kurniawan I., Sudiarta M., Wahyuni L., Sumawidari I., Kasiani K., Bernadetha M., Zufan M., Sinaga F. The rise of decentralized finance (DeFi): Opportunities for disruption in traditional financial models // Journal of Education, Social & Communication Studies. 2025. Vol. 2(2). URL: <https://doi.org/10.71028/jescs.v2i2.15> (дата обращения: 03.02.2026).
15. Manyushis A.Y., Bobylev S.N., Kavtaradze D.N., Cedilin A.N. Ekosistemaustojchivogorazvitiya: global'nyjvzrov i strategicheskijtrend XXI stoletiya // NauchnyetrudyVol'nogoekonomicheskogoobshchestvaRossii. 2022. T. 235. № 3. URL: https://veorus.ru/upload/iblock/bcd/veo_maef_235.pdf (дата обращения: 12.02.2026).

Контактная информация / Contact Information

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

Костанян Ани Асканазовна / Ani A. Kostanyan

ani.kostanyan@yandex.ru

Ходус София Андреевна / Sofia A. Khodus

s.khodus06@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-73-94
EDNEGTEWJ

**ВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО
РОССИИ-2040
КАК ИНСТРУМЕНТ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**
VISION OF THE FUTURE
OF RUSSIA-2040
AS AN INSTRUMENT
OF ECONOMIC
SECURITY

ВОРОЖИХИН ВЛАДИМИР ВАЛЬТЕРОВИЧ
Ведущий научный сотрудник НИИ развития
образования РЭУ им. Г.В. Плеханова, кандидат
экономических наук

VLADIMIR V. VOROZHIKHIN
Leading Researcher, Research Institute for
Education Development, Plekhanov Russian
University of Economics, PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – анализ развития представлений об экономической безопасности сложных систем, исследующей вопросы устойчивости, непрерывности и эффективности развития экономической системы – эволюционирующей целостности агентов (элементов), подсистем, механизмов взаимодействия и ограничений. В условиях ИИ-революции, становления сложности, описываемой сотнями триллионов параметров, и поликризиса – череды взаимодействующих вызовов и кризисов – необходимо становится создание принципиально новых инструментов экономической безопасности сложных систем, одним из которых становится *видение будущего*.

ABSTRACT

The purpose of this article is to analyze the evolving concepts of economic security in complex systems, exploring issues of sustainability, continuity, and the developmental efficiency of an economic system—the evolving integrity of agents (elements), subsystems, interaction mechanisms, and constraints. In the context of the AI revolution, the emergence of complexity described by hundreds of trillions of parameters, and the polycrisis – a series of interacting challenges and crises—the creation of fundamentally new tools for the economic security of complex systems is becoming imperative, one of which is a vision of the future.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическая безопасность, ИИ-революция, поликризис, сложность, видение будущего, этапы создания будущего, конфигурационный анализ, выбор сценариев.

KEYWORDS

Economic security, AI revolution, polycrisis, complexity, vision of the future, stages of creating the future, configuration analysis, scenario selection.

ВВЕДЕНИЕ

Глубокие изменения мироустройства связаны с целым рядом разнообразных причин — от формирования системы Больших вызовов и непрерывно растущих потоков Больших данных до ряда ускоряющихся индустриальных революций 4.0, 5.0 и ожидаемой научно-технологической ИИ-революции, преобразующей пространства знаний и технологического ландшафта по мере развития и распространения ИИ-технологий. Формируются мультидисциплинарные знания и конвергенция, выходящая за рамки науки и технологий. Изменился вид развития с технологического на социотехнологический: электронику как движущую силу технологических перемен дополнили цифровые платформы и интеллектуальные предпринимательские экосистемы, актуализирующие бизнес-модели, критерии оценки и принятие технологий.

В рамках социотехнологического представления человеческие и технологические системы рассматриваются как единое целое [1]. Цифровые технологии быстро совершенствуются за счет взаимодействий агентов на цифровых платформах, формируя социальные проекции технологий по мере их принятия бизнесом и использования новых продуктов и услуг населением. Интеллектуальные предпринимательские экосистемы регионов становятся ядром современной экономики, развивая востребованные межрегиональные связи в рамках технологических цепочек, цепочек поставок и добавленной стоимости. Автоматизация исследований уже позволила повысить производительность исследований на порядок и более [2], но впереди еще более значимые и стремительные изменения, связанные с возможностями быстрого совершенствования ИИ-технологий, так и формированием принципиально новой методологии.

Развитие ИИ стало стремительным с 2022 г. с формированием генеративного ИИ, который создал возможность доступа персоналий к глобальной информации и глобальной системе знаний. Сложность системы резко увеличилась — от обучения GPT-3 на 175 млрд параметров в 2023 г. произошел переход к обучению на 1 и 1,7 трлн, 17–18, затем 27 и 100 трлн параметров (достоверность пока под вопросом) [3].

Традиционные централизованные системы мониторинга, оценки и принятия решений утрачивают свое значение. Текущее управление становится распределенным, сетевым, а стратегическое управление требует интегрированного представления о будущем для преодоления неопределенности и нестабильности. Представления об экономической безопасности в меняющемся мире принципиально меняются.

Цель статьи: представить анализ проблем традиционных подходов экономической безопасности для современного сложного мира в условиях поликризиса и ИИ-революции и обосновать применение нового инструмента экономической безопасности — согласованного видения будущего, дополняющего квазистатические оценки экономической безопасности, традиционные стратегические и технологические прогнозы, стратегические планы, в т.ч. интегрированные («Единый план»).

Материалы и методы: поиск, отбор и анализ научной информации, позволяющей выявить проблемы развития и безопасности экономической системы и экономической науки. Синтез видения будущего как инструмента согласования локальных и стратегических прогнозов на горизонте, заданном наступлением событий, несущих фундаментальные изменения на примере ИИ-революции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Общая картина ландшафта развития

Значительное количество условий и факторов влияния на экономическое развитие и безопасность агентов, регионов и стран, разнообразие региональных условий и неравномерность технологического развития в условиях формирования ядра перемен в виде ИИ, требуют выделения тех комбинаций, которые способны усиливать друг друга, развиваться быстрее и приводить к более значимым последствиям. Традиционный пофакторный анализ не способен объяснить процессы и явления в сложных системах.

В условиях многомерных изменений необходимо подстраивать видение благоприятного будущего, которое работает как якорная область создания благоприятного будущего, встраивая новейшие технологии и корректируя траектории экономического развития за счет перехода от реализации одного сценария к реализации другого по мере изменения условий и факторов влияния для сохранения движения к благоприятному будущему. Якорная область ориентирована на учет прогноза глобального развития, прогнозов развития технологий, экономики, бизнес-моделей, формирующих неизбежное будущее в рамках исходных ограничений ресурсов, освоенных знаний и технологий: прогнозы должны быть взаимно увязаны в условиях соответствия целям и ограничениям развития. Траектория безопасного развития в условиях неравномерности развития технологических направлений формируется за счет распределения создания ключевых инноваций формирования конкурентоспособного будущего, инфраструктуры их использования и принятия их социумом.

Текущее представление (2026 г.) о благоприятном будущем России на горизонте 2040 г. формируется в предположении

о высокой вероятности создания в 2036–2037 гг. сильного искусственного интеллекта (ASI) специалистами КНР или США. В многочисленных наиболее оптимистичных прогнозах предполагается, что создание общего ИИ (AGI) будет реализовано в 2026–2027 гг. Соучредитель и технический директор OpenAI Грег Брокман ожидает появление AGI к 2028 году [4], руководитель и сооснователь Google DeepMind Демис Хассабис ожидает его возникновение на горизонте 5–10 лет [5]. Создание ASI ожидается в срок около десяти лет после создания AGI [6]. Правительство и ведущие корпорации США формируют новейшие ИИ-инструменты, способные оперировать большими данными о глобальной и национальных экономиках в режиме реального времени [7], формируя геэкономическое оружие [8] для геэкономических войн — совокупность разнообразных механизмов воздействия от психологических и биологических до военных и экономических на любую из стран.

Отсутствие превентивного представления о возможности достижения экономической безопасности в условиях фокуса США на любой из широчайшего спектра возможных угроз, поддерживаемых ИИ, становится новой экзистенциальной угрозой экономической безопасности. При Президенте Российской Федерации Указом [9] создана Комиссии по вопросам развития технологий искусственного интеллекта, в число основных задач которой входит «разработка стратегических подходов к созданию, развитию и внедрению технологий искусственного интеллекта с учетом необходимости повышения эффективности работы отраслей экономики, социальной сферы, сферы государственного управления и обеспечения национальной обороны и национальной безопасности».

Ограничения традиционных методов оценки и прогнозирования в эпоху поликризиса

В условиях роста геополитической нестабильности, угроз, рисков и неопределенностей, ужесточения конкуренции за будущее, становления сложной экономики, описываемой сотнями триллионов параметров, ускоряющейся цифровой трансформации и преддверии ИИ-революции традиционные централизованные системы мониторинга, анализа, прогнозирования и управления становятся нерелевантными и ненадежными. Сложившаяся ситуация описывается как поликризис, выход из которого требует совокупности верных управленческих решений, увязанных между собой.

Термин «полкризис» отражает взаимосвязанный характер угроз существованию человечества от глобального потепления, пандемий и крайней степени неравенства до подрыва демократии и вооруженных конфликтов. Поскольку решений, способных решить все проблемы сразу, практически нет, эксперты и политики реагируют на это стечение обстоятельств с ужасом и предчувствием беды [10]. Поиск единственной первопричины проблем в рамках механистического мышления и утрата видения адаптивных, многофакторных систем становятся ограничениями, не позволяющими находить полезные решения. Сложные системы состоят из множества движущихся частей, которые постоянно адаптируются, учатся и взаимодействуют друг с другом в контексте более крупного, формирующегося порядка.

Сложность и поликризис приводят к принципиальным ограничениям традиционных методов оценки и прогнозирования. Сложные экономические адаптивные системы, например предпринимательские, демонстрируют нелинейность, высокую неоднородность, чувствительность к начальным

условиям и временную изменчивость. Агенты экосистемы, включая предпринимателей, инвесторов, наставников и других поставщиков ресурсов, неоднородны по своим характеристикам (например, способности распознавать возможности и ресурсному обеспечению) [11]. Индивидуальные особенности агентов формируют неоднородную экосистему, разнообразие которой повышает ее устойчивость. Неоднородны движущие силы, конфигурации систем управления, модели и стратегии развития агентов и экосистем, региональные характеристики, неоднородные условия развития и факторы влияния, такие как обеспеченность ресурсами, экономический рост, технологические инновации, безопасность, численность населения и др. [12]

Еще в 2000 было установлено, что даже в одной области — области кибербезопасности — сложные проблемы неоднородны по своей природе [13]. Неоднородность путей социотехнологического развития, разработки и принятия технологий формирует разные условия развития региональных предпринимательских экосистем, несмотря на подобие обеспечения потребностей региональных сообществ.

Методы прогнозирования насчитывают сотни разнообразных методов, в том числе комплексных и использующих современные цифровые инструменты. Но попытки прогнозирования, основанные на традиционных подходах, даже предельно сложных, для сложных неоднородных изменчивых систем оказываются ненадежными и неэффективными: они не отражают ключевые черты будущего, свойства агентов и принятые обществом технологии будущего. Не работают даже очень сложные модели, с сотнями уравнений и тысячами параметров, создаваемые ведущими

специалистами мира. Централизованные системы сбора и обработки данных для сложных систем, регистрирующие 100 трлн параметров, их связи и взаимодействия, значимость и влияние которых непрерывно меняются, становятся принципиально неэффективными.

Социально значимые предсказания будущего способны менять как будущее, так и настоящее: активный прогноз [14] или эффект Эдипа [15] принципиально увеличивают сложность прогностических моделей и являются важнейшим фактором разрушения механистически формируемых прогнозов. Сложность социума из 10 млрд человек, мозг каждого содержит около 100 (88) млрд нейронов, крайне высока: непрерывно меняются связи и их значимость в соответствии с меняющейся ситуацией каждого человека. Развитие психологии, более 160 лет пытающейся искать решения для «черного ящика», структура связей которого неизвестна, пока не дает надежных методик диагностики и выбора сценария совершенствования человека и человечества в целом. Пока не созданы согласованные и объяснимые распределенные ИИ-модели, способные предсказывать развитие мира с точностью и надежностью, пригодными для практического применения. Разнообразие и дисциплинарная неоднородность знаний и методов требуют использования мультидисциплинарных знаний и конфигурационного анализа. Трансформация мироустройства, системы знаний и критериев оценки в быстро меняющемся мире требует изменения подходов стратегического управления развитием и безопасностью: происходит переход от методов стратегического планирования к конструированию будущего.

От прогнозов и планов — к созданию будущего?

Будущее выходит за рамки современных технологий и нормативно-правовых актов. Формируя будущее, необходимо учитывать не только исходные ресурсы и возможности, но и новые возможности, фундаментальные и ситуационные ограничения. Создать совокупность взаимно увязанных прогнозов непрерывно меняющейся экосистемы крайне сложно — как всегда, «модель устаревает к моменту ее создания».

Множественность и значимость изменений мира и человека в долгосрочной перспективе привели к становлению гипотезы о том, что прогнозировать будущее можно только из будущего. Принцип метаисторизма в основании исследований «будущего из будущего» требует определения высшей цели, разработку сценария ее достижения [16]. Ссылка, приведенная на такой прогнозный сценарий в указанной книге на работу Э. Партриджа (*Partridge E, 2004*) [17], не поддерживается, но подобный подход представлен в его другой работе [18].

Экспертное видение будущего в значительной степени отражает интересы оценщиков и заказчиков прогноза, его качество отражает уровень развития экономической теории на то время, в которое проводилась разработка прогноза. Движение к этому будущему в условиях нестабильности и поликризиса сопровождается принуждением, обоснованность которого с учетом неполноты знаний сомнительна и оправдана лишь с точки зрения безопасности: слишком разными становятся интересы личности, бизнеса, государства, территорий с разным уровнем развития. Принудительное совмещение разнонаправленных процессов формирует разнообразные противоречия интересов, желаний, сил, действий, которые ведут к росту сложности и хаотичности

развития и являются одной из форм отражения неполноты, недостатка знания и несовершенства методологии познания. Альтернатива — самосогласованность образа будущего и восстановление череды событий между настоящим и будущим.

Анализ эволюции взглядов представителей различных методов позволил сделать вывод о том, что «...достаточно объективные прогнозы могут быть получены лишь в виде *качественного описания*» [19]. Более перспективна *возможность прогнозировать будущее из будущего*, которая опирается на объективность смены как парадигмы развития, так и смены научной парадигмы. Исследователь мысленно перемещается в будущее и восстанавливает оттуда картину событий, которые могли произойти на отрезке времени между настоящим моментом и моментом его пребывания в будущем.

Научно обоснованное представление о будущем — *видение будущего* — становится важнейшим инструментом стратегического управления, способствующим повышению его качества и эффективности. В основе видения — мировоззрение, определяющее онтологические, аксиологические, эпистемологические и методологические основания его развертывания. Технологический, инфраструктурный, интеллектуальный и экономический базис видения может формироваться, исходя из достигнутого в мире и стране на момент формирования видения, но он будет актуализироваться по мере появления новых технологий и возможностей, принятию их высококвалифицированной частью научного сообщества. Видение будет меняться, но должно оставаться якорной областью, к которой стремится общественное развитие, определяя возможности и необходимость изменения траектории развития, поворотные точки или этапы ситуационной

смены сценариев развития на основе принципа эквивалентности.

Видение может быть привязано к возможному горизонту фундаментальных изменений. К таким изменениям относятся становление сильного ИИ (ASI), формирование пятой научной парадигмы, формирование 6G-матрицы создания будущего, заполняемой новейшими технологиями. Принятие технологий социумом и включение технологии в образ будущего разделится на два этапа: принятие бизнесом на основе инновационности и эффективности и принятие социумом на основе повышения качества жизни и безопасности. В эпоху сильного ИИ общее видение должно строиться таким образом, чтобы все агенты видели свое собственное благоприятное будущее.

Видение как новый инструмент экономической безопасности

Видение будущего становится новым инструментом развития и безопасности, не просто дополняющим существующие инструменты стратегического прогноза [20], прогноза долгосрочного социально-экономического развития [21], форсайта [22] как активного прогноза [23], интегрального Единого плана [24], а формирующим траекторию движения в благоприятное будущее с учетом непрерывно меняющейся ситуации, открывающей новые возможности и грозящей реализацией значимых угроз. Видение, в котором каждый агент формирует благоприятную позицию для себя в будущем, способствует вовлеченности всех агентов в процессы самореализации видения. Видение-якорная область облегчает выбор сценария развития для конкретных этапов с существенно различными условиями развития, сохраняя движение и приближение к желаемому будущему.

Видение позволяет использовать более гибкие механизмы адаптации, выделить адаптацию и достижение благоприятного будущего как отдельные функции экономической безопасности (ЭБ). Неверное, определение (выделение) функций-структур-процессов-форм ведет к потере управления ЭБ, к нежелательным результатам в условиях нестабильности или утрате ЭБ на отдельных этапах траектории развития с крайне проблематичным восстановлением ЭБ, или к принципиальной утрате возможности достижения благоприятного будущего.

И эта проблема будет только обостряться в условиях ИИ-революции, охватывающей все множество пространств будущего. Информационная технологическая среда, точнее — мультисеть, для формирования конкурентоспособного ИИ-будущего разворачивается на основе сети связи шестого поколения 6G. Сети 6G решают задачи передачи смыслов и мультисенсорных воздействий, выходящие далеко за рамки надежной трансляции технических сигналов связи, позволяющие развернуть распределенный искусственный интеллект — сильный и общий, голографическую связь, интеллектуальное производство будущего, беспилотные транспортные средства [25].

Мобильная сеть шестого поколения (6G) обеспечит более широкий спектр, экономическую эффективность и высокий уровень безопасности. Для удовлетворения этих требований в сети 6G используются несколько технологических достижений, включая проектирование формы сигнала, множественный доступ, методы кодирования каналов, различные технологии антенн, сетевое нарезание и облачные периферийные вычисления. Беспроводные сети следующего поколения станут одним из важных компонентов нашего будущего

образа жизни, отраслей и обществ. Беспроводные сети будут связующим звеном между людьми и интеллектуальными машинами. Хотя ИИ будет играть значительную роль в расширении услуг и возможностей 6G и тактильного Интернета, в сетевой инфраструктуре потребуются новые концепции, такие как самоподдержание и эволюция. Неотъемлемым компонентом новых сетей 6G являются интегрированные сети «космос-воздух-земля» (Space-Air-Ground — SAGIN), которые призваны обеспечить повсеместное сетевое подключение и услуги для всех абонентов путем интеграции спутниковых сетей, воздушных сетей и наземных сетей. В 6G SAGIN проблемы для предоставления широкого спектра сетевых услуг с характеристиками разнообразных требований, сложной мобильности и многомерных ресурсов могут решаться на основе разработки сервисно-ориентированных SAGIN [26].

ОБСУЖДЕНИЕ

Потеря в анализе сложной системы значимого элемента, тем более неверная оценка вклада подсистемы в достижение экономической безопасности будущего, становится угрозой, которую не в состоянии отразить традиционные квазистатические подходы оценки экономической безопасности как «состояния».

Инструмент видения позволяет сформировать новую функцию экономической безопасности, потребность в которой велика в условиях «экономики быстрого развития» [27], опережения научных исследований реалиями практик взаимодействия агентов цифровых платформ и интеллектуальных предпринимательских экосистем.

Для прогнозируемой быстрой ИИ-революции, стремительно сменяющей новые технологии новейшими, запускаю-

щей очередную волну индустриальной революции, необходимость в новом инструменте и новой функции становится критической. Новая функция может быть определена как «Создание благоприятного экономически безопасного будущего».

Реализация этой функции требует разработки целостной картины ландшафта благоприятного будущего, включая определение его эпистемологических основ, учета трендов технологического развития и смены технологий Индустрии 4.0 на технологии Индустрии 5.0, эволюции человека и социума в целом в условиях фундаментальных изменений. 6G-матрица неизбежного будущего формирует сети развития ИИ, обеспечивая передачу смыслов и мультисенсорного микроландшафта. Формирование матрицы неизбежного будущего реализуется как наполнение новейшими технологиями и непрерывная актуализация матрицы во времени. Интеграция отраслевых и интегральных стратегий в видение позволяет выполнять взаимную увязку технологий в единое ядро экономического развития, формируя траекторию развития путем экономического сопоставления сценариев социотехнологического развития, учитывающих возможность конвергенции технологий на основе первичных технологических прогнозов.

Выводы

Попытки угадать будущее в рамках выбора приоритетных бюджетополучателей, представляющих обоснования на увеличение инвестиций в виде теряющих точность и надежность прогнозов, уходят в прошлое. Страны, отстающие в освоении новейших подходов управления, технологий, бизнес-моделей и организационных форм, утрачивают свою

стратегическую автономию по мере утраты технологического, инновационного и экономического суверенитета. Исходное значимое отставание России в сфере инноваций (60-е место по рейтингу GII), в сфере ИИ (119-е место по рейтингу Microsoft) не является непреодолимым в случае формирования и применения новейших инструментов, ориентированных на применение в условиях ИИ-революции.

Библиографический список

1. Etienne Valette et al. Industry 5.0 and its technologies: A systematic literature review upon the human place into IoT- and CPS-based industrial systems // *Computers & Industrial Engineering* Volume 184, October 2023, 109426. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2023.109426>.
2. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. Automated Research Workflows For Accelerated Discovery: Closing the Knowledge Discovery Loop. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/26532>.
3. Nvidia выпустила революционный ИИ-суперчип для моделей машинного обучения с триллионами параметров. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-03-19_nvidia_vypustila_revolyutsionnyj?ysclid=mm4p1pb24468986541.
4. Президент OpenAI назвал сроки создания коллективного ИИ. — URL: https://4pda.to/2025/10/19/448189/prezident_openai_nazval_sroki_sozdaniya_kollektivnogo_ii/.
5. Transformative AI is coming, and so are the risks. — URL: <https://www.axios.com/2025/12/05/ai-deepmind-hassabis-gemini>.
6. Future Forecasting The AGI-To-ASI Pathway Giving Ultimate Rise To AI Superintelligence. — URL: <https://www.forbes.com/sites/lan-ceeliot/2025/07/09/future-forecasting-the-agi-to-asi-pathway-giving-rise-to-ai-superintelligence/>.
7. Why World Monitor? — URL: <https://github.com/koala73/worldmonitor>

8. Власов Р.Г. Современное евразийское пространство: проблемные поля, векторы вызовов, модели развития // Вестник Алтайской академии экономики и права, 2018, № 1. С. 43–52.
9. Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2026 № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» / СПС КонсультантПлюс.
10. Yuen Yuen Ang Doing development in the polycrisis. — URL: <https://www.undp.org/blog/doing-development-polycrisis>.
11. Philip T. Roundy et al. The emergence of entrepreneurial ecosystems: A complex adaptive systems approach // Journal of Business Research, Volume 86, May 2018, Pages 1-10 — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.01.032>.
12. Cui L, et al. Homogeneity or heterogeneity? Research on convergence of renewable energy consumption and driven pathways for configuration effect — evidence from the BRICS+ countries // Energy Volume 338, 30 November 2025, 138816. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2025.138816>.
13. Вихорев С.В. Классификация угроз информационной безопасности. — URL: https://www.cnews.ru/reviews/free/oldcom/security/elvis_class.shtml.
14. Третьяк В.П., Козлов В.А., Мешкова Н.В. Уроки проведения региональных Форсайтов в странах Евросоюза // Региональная экономика: теория и практика, 18 (201), 2011. С 34–41.
15. Васильев Я.Ю. Эффект Эдипа и его гносеологический анализ / Я.Ю. Васильев // Философские исследования. — 2006. — № 3. — С. 127–141.
16. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология науки и образования». — М.: Издательский

- Дом «Наука», 2014. — (Экономика и социология науки и образования). — 382 с.
17. Partridge E. 2004. The Crisis Paper. November, 2004. URL: <http://www.crisispapers.org>.
 18. Partridge E. Just Provision for the Future — URL: <https://gadfly.igc.org/papers/provision.pdf>.
 19. Бондаренко В.М. Прогнозирование будущего: новая парадигма / Глава 14 в кн. Н.Д. Кондратьев: Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. М: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017, 384 с. — С. 237–251.
 20. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Ст. 23 / СПС Консультант Плюс.
 21. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>.
 22. Третьяк В. Форсайт как технология предвидения // Экономические стратегии, 2009, № 8. С. 52–59.
 23. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Активный прогноз — М.: ИПУ РАН, 2002. — 101 с.
 24. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEX-eTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf>.
 25. Shima A, Abdel Hakeem et al. Vision and research directions of 6G technologies and applications // Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences, Volume 34, Issue 6, Part A, June 2022, Pages 2419-2442. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2022.03.019>.
 26. Nan CHENG et al. 6G service-oriented space-air-ground integrated network: A survey // Chinese Journal of Aeronautics Volume 35,

Issue 9, September 2022, Pages 1-18 <https://doi.org/10.1016/j.cja.2021.12.013>.

27. Фирстов Ю.П. Ключевые модели для построения стратегий экономики быстрого развития // Экономические стратегии, 2025. № 3(201). С. 86–91. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-3.201.2025.86-91>.

References

1. Etienne Valette et al. Industry 5.0 and its technologies: A systematic literature review upon the human place into IoT- and CPS-based industrial systems // Computers & Industrial Engineering Volume 184, October 2023, 109426, <https://doi.org/10.1016/j.cie.2023.109426>.
2. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine 2022. Automated Research Workflows For Accelerated Discovery: Closing the Knowledge Discovery Loop. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/26532>.
3. Nvidia Releases Revolutionary AI Superchip for Machine Learning Models with Trillions of Parameters. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-03-19_nvidia_vypustila_revolyutsionnyj?ysclid=mm4p1pb24468986541 (In Russ.)/
4. OpenAI President Announces Timeline for Creating Collective AI. — URL: https://4pda.to/2025/10/19/448189/prezident_openai_nazval_sroki_sozdaniya_kollektivnogo_ii/ (In Russ.)/
5. Transformative AI is Coming, and So Are the Risks. — URL: <https://www.axios.com/2025/12/05/ai-deepmind-hassabis-gemini>.
6. Future Forecasting: The AGI-To-ASI Pathway Giving Ultimate Rise To AI Superintelligence. — URL: <https://www.forbes.com/sites/lanceoliot/2025/07/09/future-forecasting-the-agi-to-asi-pathway-giving-rise-to-ai-superintelligence/>.
7. Why World Monitor? — URL: <https://github.com/koala73/worldmonitor>.

8. Vlasov R.G. The Modern Eurasian Space: Problem Fields, Challenge Vectors, Development Models // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 2018, No. 1. pp. 43-52 (In Russ.).
9. Decree of the President of the Russian Federation of February 26, 2026 No. 116 «On the Commission under the President of the Russian Federation on the Development of Artificial Intelligence Technologies» / SPS ConsultantPlus (In Russ.)/
10. Yuen Yuen Ang. Doing Development in the Polycrisis. — URL: <https://www.undp.org/blog/doing-development-polycrisis>.
11. Philip T. Roundy et al. The Emergence of Entrepreneurial Ecosystems: A Complex Adaptive Systems Approach // Journal of Business Research, Volume 86, May 2018, Pages 1-10. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.01.032>.
12. Cui L, et al. Homogeneity or heterogeneity? Research on the convergence of renewable energy consumption and driven pathways for configuration effect — evidence from the BRICS+ countries // Energy Volume 338, November 30, 2025, 138816, <https://doi.org/10.1016/j.energy.2025.138816>.
13. Vikhorev S.V. Classification of information security threats. — URL: https://www.cnews.ru/reviews/free/oldcom/security/elvis_class.shtml (In Russ.)/
14. Tretyak V.P., Kozlov V.A., Meshkova N.V. Lessons from Conducting Regional Foresight Studies in the EU Countries // Regional Economy: Theory and Practice, 18 (201), 2011. P. 34-41 (In Russ.).
15. Vasiliev Ya. Yu. The Oedipus Effect and Its Epistemological Analysis / Ya. Yu. Vasiliev // Philosophical Studies. — 2006. — No. 3. — P. 127–141. (In Russ.).
16. Comprehensive Modeling and Forecasting of the Development of the BRICS Countries in the Context of Global Dynamics / Scientific Council for the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences «Economics and Sociology of Science and Educa-

- tion». — Moscow: Publishing House «Nauka», 2014. — (Economics and Sociology of Science and Education). — 382 p. (In Russ.)
17. Partridge E. 2004. The Crisis Paper. November, 2004. URL: <http://www.crisispapers.org>.
 18. Partridge E. Just Provision for the Future. — URL: <https://gadfly.igc.org/papers/provision.pdf>.
 19. Bondarenko V.M. Forecasting the Future: A New Paradigm / Chapter 14 in the book N.D. Kondratiev: Crises and Forecasts in Light of Long Wave Theory. A View from Modernity / edited by L.E. Grinin, A.V. Korotaev, V.M. Bondarenko. — Moscow: Moscow ed. of Uchitel Publishing House, 2017, 384 pp. — pp. 237–251. (In Russ.)
 20. Federal Law of 28.06.2014 N 172-FZ (as amended on 13.07.2024) «On Strategic Planning in the Russian Federation», Art. 23 / SPS ConsultantPlus (In Russ.).
 21. Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030. — URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>.
 22. Tretyak V. Foresight as a technology of foresight // Economic strategies, 2009, No. 8. pp. 52-59 (In Russ.).
 23. Novikov D.A., Chkhartishvili A.G. Active forecast. Moscow: IPU RAS, 2002. — 101 p. (In Russ.).
 24. Unified plan for achieving national development goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036 — URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEX-eTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (In Russ.).
 25. Shima A. Abdel Hakeem et al. Vision and research directions of 6G technologies and applications // Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences, Volume 34, Issue 6, Part A, June 2022, Pages 2419–2442. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2022.03.019>.
 26. Nan CHENG et al. 6G service-oriented space-air-ground integrated network: A survey // Chinese Journal of Aeronautics

Volume 35, Issue 9, September 2022, Pages 1-18
<https://doi.org/10.1016/j.cja.2021.12.013>.

27. Firstov Yu.P. Key models for building strategies for a rapid economic development // *Economic Strategies*. 2025. No. 3 (201). P. 86–91. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-3.201.2025.86-91> (In Russ.).

Контактная информация / Contact Information

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

115054, Москва, Стремянный переулок, д. 36

Plekhanov Russian University of Economics

36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russia

Ворожихин Владимир Вальтерович / Vladimir V. Vorozhikhin

vorozhikhin@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-95-113

EDN LUZDWQ

**ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СИСТЕМАХ**

**THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL
APPROACHES
TO RESEARCHING DIGITAL
TRANSFORMATION
IN ECONOMIC SYSTEMS**

СМАГИНА ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»

VALENTINA V. SMAGINA

Doctor of Economics, Professor, Tambov State
University named after G.R. Derzhavin

ЮДИН ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ

Аспирант, 5.2.3 Региональная и отраслевая
экономика, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»

IGOR O. YUDIN

Postgraduate student, 5.2.3 Regional and
Sectoral Economics, Tambov State University
named after G.R. Derzhavin

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена систематизации теоретических и методологических оснований исследования цифровой трансформации (ЦТ) в экономической деятельности. Проведен анализ эволюции понятий «цифровизация» (digitization), «цифровое преобразование» (digitalization) и «цифровая трансформация» (digital transformation), выявлены их содержательные различия. Рассмотрены ведущие теоретические рамки, в которых осмысляется цифровая трансформация: концепция четвертой промышленной революции, теория динамических способностей, подход цифровой бизнес-стратегии, парадигма цифровых инноваций и теория сетевого общества. Показано, что ЦТ представляет собой не технологическую модернизацию, а социотехнический процесс перестройки ценностных предложений, бизнес-моделей и институциональной среды. Систематизированы

методологические подходы к измерению ЦТ на макро-, мезо- и микро-уровне, включая композитные индексы (DESI, IMD, индикаторы НИУ ВШЭ), и обоснованы принципы их корректной разработки в соответствии с руководством ОЭСР. Теоретико-методологический аппарат соотнесен с ранее разработанными авторами композитными индексами – Индексом криптоинновационной зрелости (КИМ) и субиндексом AI-готовности (SAIG), что подтверждает практическую применимость рассмотренной методологии к исследованию отдельных классов цифровых технологий.

ABSTRACT

The paper systematises the theoretical and methodological foundations of digital transformation (DT) research in economic activity. The conceptual evolution of digitization, digitalization and digital transformation is analysed and their substantive differences are clarified and structured in a comparative table across five criteria. The leading theoretical frameworks used to conceptualise DT are considered: the Fourth Industrial Revolution concept, the dynamic capabilities theory, the digital business strategy approach, the digital innovation paradigm and the network society theory. DT is shown to be not a technological upgrade but a sociotechnical reconfiguration of value propositions, business models and institutional environment. A multi-level systematisation of drivers and barriers of DT is proposed, covering macro-, meso- and microeconomic dimensions. Methodological approaches to measuring DT are systematised, including a review of international and Russian composite indices (DESI, IMD, HSE indicators) and the principles of their correct design in line with the OECD handbook. The theoretical and methodological apparatus is linked to the authors' KIM and SAIG indices, confirming the practical applicability of the discussed methodology for assessing digital maturity at the national and regional levels.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровизация, методология, композитные индексы, динамические способности, цифровая

бизнес-стратегия, четвертая промышленная революция, цифровая зрелость.

KEYWORDS

Digital transformation, digital economy, digitalization, methodology, composite indices, dynamic capabilities, digital business strategy, fourth industrial revolution, digital maturity.

Цифровая трансформация (ЦТ) стала одной из центральных категорий современной экономической науки. Она обозначает не столько внедрение отдельных информационных технологий, сколько системный сдвиг в способах создания стоимости, организации производства и взаимодействия экономических агентов. Вместе с тем теоретический аппарат ЦТ остается предметом активной научной дискуссии: исследователи фиксируют концептуальную размытость термина, множественность подходов к его операционализации и значительную вариативность методик измерения [6; 10]. Систематический обзор, проведенный А. Ханельтом и коллегами, охватывает 279 рецензируемых публикаций и демонстрирует, что единая теория ЦТ к настоящему времени не сформирована, а междисциплинарное поле исследования требует методологической консолидации [8].

Актуальность теоретико-методологической рефлексии усиливается практической значимостью задач по оценке цифровой зрелости экономических систем. Федеральные проекты Российской Федерации, стратегии цифровой трансформации регионов и отраслей опираются на инструменты измерения, корректность которых напрямую зависит от концептуальной проработки предметной области. В собственных предшествующих работах авторов были предложены две

специализированные методики — Индекс криптоинновационной зрелости (КИМ) [4] и субиндекс AI-готовности (SAIG) для регионов ЦФО — каждая из которых является применением общих принципов ЦТ к отдельному технологическому кластеру. Настоящая статья обобщает теоретические и методологические основания, лежащие в основе подобных разработок.

Цель исследования — систематизировать теоретические подходы к пониманию цифровой трансформации в экономической деятельности и методологические принципы ее измерения, обеспечивая концептуальную рамку для прикладных композитных индикаторов. Для ее достижения решаются задачи: 1) уточнение понятийного аппарата ЦТ; 2) критический обзор ведущих теоретических школ; 3) систематизация методологических подходов к эмпирическому измерению; 4) соотнесение общей методологии с авторскими индексами КИМ и SAIG.

Генезис понятия цифровой трансформации. В литературе устойчиво различают три последовательных, но качественно различных процесса: digitization, digitalization и digitaltransformation [6; 7]. Digitization (цифровизация в узком смысле) обозначает технический перевод аналоговой информации в цифровую форму — оцифровку документов, сигналов, изображений. Digitalization (цифровое преобразование) описывает внедрение цифровых технологий в существующие бизнес-процессы с целью их автоматизации или повышения эффективности, но без изменения самой логики создания ценности. Digital transformation (цифровая трансформация) относится к процессу более высокого порядка: перестройке ценностных предложений, бизнес-моделей и организационной структуры под воздействием цифровых технологий [7; 10].

Таблица 1

**Сравнительная характеристика понятий «цифровизация»,
«цифровое преобразование» и «цифровая трансформация»**

Критерий	Цифровизация (Digitization)	Цифровое преобразование (Digitalization)	Цифровая трансформация (Digital Transformation)
Объект воздействия	Информация, документы, сигналы	Бизнес-процессы, операции	Бизнес-модель, ценностное предложение, институциональная среда
Уровень изменений	Технический	Операционный	Стратегический и институциональный
Логика создания ценности	Не изменяется	Оптимизируется	Пересматривается принципиально
Типичные примеры	Перевод архивов в цифровой формат, оцифровка кассовых чеков	Внедрение ERP-систем, автоматизация документооборота	Переход банка к платформенной модели, возникновение маркетплейсов
Обратимость	Высокая	Средняя	Низкая (структурный сдвиг)
Ключевые авторы	Стоулман (1991)	Верхоф и др. [6]	Виаль [10], Ханельт и др. [8]

Источник: составлено авторами на основе [6; 7; 8; 10].

Рабочее определение, получившее наибольшее распространение в академической литературе, предложено Ж. Виалем: цифровая трансформация — это процесс, направленный на улучшение организации путем запуска значимых изменений ее свойств через комбинации информационных, вычислительных, коммуникационных и сетевых технологий [10]. П. Верхоф и коллеги расширяют данное определение до трех

фаз: оцифровка, цифровое преобразование и, собственно, цифровая трансформация — и подчеркивают, что только последняя сопряжена со сменой бизнес-модели [6]. В российской традиции близкую трактовку предлагают Ю.М. Акаткин и соавторы, рассматривающие цифровую экономику как экосистему, в которой цифровые технологии выступают не инструментом, а средой воспроизводства [1].

Теоретические школы осмысления цифровой трансформации. Концептуальное поле исследования ЦТ формируется несколькими крупными теоретическими рамками.

Во-первых, концепция четвертой промышленной революции К. Шваба трактует ЦТ как качественный технологический скачок, характеризующийся стиранием границ между физической, цифровой и биологической сферами [12]. В рамках этой логики Э. Бриньольфссон и Э. Макафи рассматривают цифровизацию как начало «второй эпохи машин», в которой экспоненциальный рост вычислительных мощностей, цифровизация и рекомбинация являются ключевыми источниками экономической динамики [13]. Данный подход акцентирует технологический детерминизм и макроэкономические эффекты.

Во-вторых, теория динамических способностей, восходящая к работам Д. Тиса, Г. Пизано и А. Шуена, объясняет ЦТ через способность фирмы распознавать, усваивать и перестраивать ресурсы в ответ на изменения внешней среды [11]. В условиях ЦТ критическое значение приобретают способности sensing (распознавание технологических сдвигов), seizing (их использование для создания ценности) и transforming (реконфигурация активов и процессов). Этот подход особенно важен на микроуровне: он позволяет объяснить, почему фирмы с сопоставимым технологическим оснащением достигают различных результатов в ходе ЦТ.

В-третьих, подход цифровой бизнес-стратегии, развитый А. Бхарадваджем и коллегами, постулирует, что в условиях ЦТ ИТ-стратегия и бизнес-стратегия перестают быть отдельными доменами и сливаются в единую цифровую бизнес-стратегию [9]. В этой логике цифровые технологии не обслуживают бизнес — они определяют его границы, скорость, масштаб и модель получения выручки. К. Матт, Т. Хесс и А. Бенлиан операционализируют данный подход через четыре измерения стратегии ЦТ: использование технологий, изменения в создании ценности, структурные изменения и финансовые аспекты [7].

В-четвертых, парадигма цифровых инноваций, предложенная С. Намбисаном и соавторами, переосмысляет инновационный процесс как распределенный, рекомбинационный и открытый [5]. Цифровые технологии снижают издержки координации, позволяют включать в инновационный процесс внешних агентов и порождают новые формы организации — платформы, экосистемы, сообщества. В рамках этой парадигмы ЦТ рассматривается как смена логики инноваций, а не как их интенсификация.

В-пятых, теория сетевого общества М. Кастельса и связанные с ней концепции платформенной экономики и экосистем подчеркивают, что цифровые технологии создают новую институциональную архитектуру — сети горизонтальных взаимодействий, вытесняющие вертикальные иерархии. Близкие идеи в российской науке развивает Г.Б. Клейнер, предлагающий экосистемный подход как методологическую рамку анализа современных экономических систем [2].

Сопоставление школ показывает их взаимодополняющий характер: технологически-детерминистский подход описывает макроконтекст ЦТ, теория динамических способностей —

микроуровневые механизмы адаптации, цифровая бизнес-стратегия — стратегическую плоскость, парадигма цифровых инноваций — логику создания новизны, сетевой подход — институциональную архитектуру. Полноценная теоретическая рамка исследования ЦТ требует учета всех пяти плоскостей.

Движущие силы и барьеры цифровой трансформации. Осмысление ЦТ как теоретической категории невозможно без анализа факторов, которые ее порождают и сдерживают. Систематизация движущих сил и барьеров, предложенная в литературе, позволяет перейти от дескриптивного описания феномена к его объяснительной модели.

На макроуровне главной движущей силой ЦТ выступает технологический прогресс — прежде всего, конвергенция искусственного интеллекта, облачных вычислений, интернета вещей и технологий распределенных реестров. Эти технологии совместно формируют новую инфраструктуру экономической деятельности, резко снижающую предельные издержки обработки и передачи информации. Параллельным фактором служит глобальная конкуренция: страны и регионы, отстающие в цифровизации, теряют позиции в международных рейтингах производительности и инвестиционной привлекательности. В российском контексте роль катализатора сыграли национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017) и сменивший ее национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025–2030), задавшие институциональные рамки и ресурсное обеспечение технологического перехода.

На мезоуровне — отраслевом и региональном — движущими силами служат отраслевые конкурентные давления

со стороны цифровых дизрапторов, межрегиональные диффузионные эффекты и развитие региональных инновационных экосистем. По данным статистического сборника «Индикаторы цифровой экономики» НИУ ВШЭ [3], в России наблюдается значительная межотраслевая неоднородность: уровень использования облачных сервисов в финансовом секторе превышает соответствующий показатель для сельского хозяйства более чем в четыре раза. Это свидетельствует о том, что скорость ЦТ существенно зависит от отраслевой специфики — концентрации знаний, длины цепочек создания стоимости, барьеров входа и регуляторного режима.

На микроуровне ключевыми драйверами выступают изменение потребительских ожиданий (запрос на персонализацию и омниканальность), доступность облачных платформ, снижающих капиталоемкость технологических инвестиций, и давление со стороны конкурентов-дизрапторов. Согласно концепции динамических способностей Тиса — Пизано — Шуена [11], предприятия, обладающие развитыми способностями *sensing*, *seizing* и *transforming*, способны конвертировать технологические возможности в устойчивые конкурентные преимущества; прочие же воспроизводят лишь поверхностный слой ЦТ — автоматизацию без стратегической реконфигурации.

Барьеры цифровой трансформации столь же многоуровневые, как и ее движущие силы. На институциональном уровне к ним относятся: регуляторная неопределенность в отношении новых технологий (особенно критичная для блокчейна и ИИ), цифровое неравенство между регионами и социальными группами, недостаточная защита прав интеллектуальной собственности в цифровой среде. На организационном уровне наиболее значимыми барьерами являются

дефицит цифровых компетенций персонала и менеджмента, сопротивление изменениям со стороны работников и функциональных подразделений, сложность интеграции новых цифровых решений с унаследованными ИТ-системами, а также неопределенность возврата на инвестиции в ЦТ в краткосрочном горизонте. Системообразующей проблемой остается разрыв между стратегическими декларациями руководства и реальными изменениями операционной модели: организации нередко ограничиваются фасадной «цифровизацией» — переносом существующих процессов в цифровой формат — не достигая подлинной трансформации ценностного предложения [8; 10]. (См. табл. 2.)

Методологические подходы к измерению цифровой трансформации. Эмпирическое исследование ЦТ реализуется на трех уровнях: макро- (страны, регионы), мезо- (отрасли, кластеры) и микро- (фирмы, отдельные процессы). На каждом

Таблица 2

Движущие силы и барьеры цифровой трансформации по уровням анализа

Уровень	Движущие силы	Барьеры
Макро (страна, экономика)	Технологический прогресс; государственная политика цифровизации; глобальная конкуренция	Цифровое неравенство; регуляторная неопределенность; кибербезопасность
Мезо (отрасль, регион)	Конкуренция дизрапторов; межотраслевая диффузия технологий; инновационные экосистемы	Отраслевая специфика (длина цепочки, капиталоемкость); дефицит региональной инфраструктуры
Микро (организация, процесс)	Запрос потребителей; доступность облачных платформ; угроза дизрапции	Дефицит цифровых компетенций; сопротивление изменениям; унаследованные ИТ-системы; неопределенность ROI

Источник: составлено авторами на основе [8; 10; 11; 12].

уровне сформировались собственные инструменты измерения.

На макроуровне наиболее распространенными инструментами являются композитные индексы. Индекс цифровой экономики и общества (DESI), рассчитываемый Европейской комиссией, агрегирует данные по четырем направлениям: человеческий капитал, связность, интеграция цифровых технологий и цифровые государственные услуги [14]. Индекс цифровой конкурентоспособности IMD ранжирует страны по готовности к использованию цифровых технологий в бизнесе и государственном управлении. В российской практике систематический мониторинг обеспечивает статистический сборник «Индикаторы цифровой экономики», ежегодно выпускаемый НИУ ВШЭ и охватывающий более трехсот показателей [3].

Особого внимания заслуживает российский институциональный контекст цифровой трансформации. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025–2030 гг.) определяет семь федеральных проектов, охватывающих инфраструктуру данных, искусственный интеллект, цифровое государственное управление и цифровую зрелость отраслей. При этом отечественная измерительная база по охвату и детализации не уступает европейским аналогам: сборник НИУ ВШЭ «Индикаторы цифровой экономики» [3] агрегирует свыше трехсот показателей по направлениям ИКТ-инфраструктуры, электронной торговли, цифрового государства, навыков и образования, а также инноваций в цифровой среде. Вместе с тем российская статистика ЦТ имеет ряд ограничений: преобладание инфраструктурных и диффузионных показателей при недостаточном охвате организационных и институциональных измерений,

гетерогенность методологии на региональном уровне, а также временные лаги в публикации данных. Эти ограничения обуславливают необходимость разработки специализированных методик оценки, ориентированных на конкретные технологические кластеры и пространственные объекты — именно по этому пути пошли авторы при создании КИМ и SAIG.

На мезоуровне применяются рейтинги цифровизации регионов и отраслевые индексы зрелости. В настоящей серии работ авторами были разработаны две такие методики. Индекс криптоинновационной зрелости (КИМ) [4] оценивает готовность национальных экономик к интеграции блокчейн-технологий и криптоэкономических механизмов в инновационную деятельность. Субиндекс AI-готовности (SAIG) фиксирует потенциал регионов ЦФО к внедрению технологий агентного искусственного интеллекта. Обе методики построены на единой методологической платформе, что подтверждает универсальность используемого инструментария.

На микроуровне применяются модели цифровой зрелости (digital maturity models), ориентированные на оценку процессной, организационной и культурной готовности фирм. В рамках концепции цифровой бизнес-стратегии [7; 9] измерение ведется по четырем сквозным измерениям: использование технологий, изменения в создании стоимости, структурные изменения и финансовые показатели.

Разработка композитных индикаторов требует соблюдения методологических принципов, закрепленных в руководстве ОЭСР [15]: четкое определение теоретической рамки; отбор показателей на основе релевантности, аналитической обоснованности, своевременности и доступности; корректное восполнение пропущенных значений; нормализация

с учетом масштаба; обоснованное взвешивание и агрегирование; проверка устойчивости результатов методами чувствительности и неопределенности; интерпретация и визуализация. Применительно к исследованию ЦТ эти общие принципы конкретизируются в четырех рабочих принципах, используемых авторами при разработке КИМ и SAIG: комплексности (покрытие инфраструктурного, кадрового, институционального и диффузионного измерений), измеримости (опора на открытые данные), сопоставимости (возможность межобъектных сравнений), релевантности (фокус на целевой класс технологий). Соблюдение этих принципов обеспечивает научную валидность и практическую применимость результатов.

Соотнесение теоретико-методологической рамки с авторскими разработками. Представленная выше рамка задает концептуальные основания для разработанных авторами специализированных индексов. Индекс КИМ [4] методологически опирается на парадигму цифровых инноваций [5] и теорию сетевого общества: криптоэкономические механизмы трактуются как институциональная инновация, меняющая архитектуру обмена ценностью. Субиндекс SAIG, примененный к регионам ЦФО, методологически укоренен в концепции четвертой промышленной революции [12] и в теории динамических способностей [11]: готовность региона к внедрению агентного ИИ рассматривается как региональная динамическая способность, складывающаяся из инфраструктурных, кадровых, регуляторных и диффузионных компонентов. Единая методология композитных индексов, реализованная в обоих инструментах, воспроизводит принципы руководства ОЭСР [15] и обеспечивает преемственность исследовательской программы.

Таким образом, частные прикладные индексы являются не изолированными конструкциями, а операционализациями общей теоретико-методологической рамки цифровой трансформации применительно к отдельным классам цифровых технологий — блокчейну и агентному ИИ. Расширение этого подхода на иные технологические кластеры (интернет вещей, квантовые вычисления, биоцифровые платформы) представляется направлением дальнейших исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сформулировать три обобщающих положения. Во-первых, цифровая трансформация является категорией более высокого порядка, чем цифровизация и цифровое преобразование: она описывает социотехнический процесс перестройки ценностных предложений и институциональной среды, а не технологическую модернизацию. Во-вторых, теоретическое поле ЦТ формируется пятью взаимодополняющими школами (концепция четвертой промышленной революции, теория динамических способностей, цифровая бизнес-стратегия, парадигма цифровых инноваций, теория сетевого общества), и корректный анализ требует учета всех пяти уровней. В-третьих, методология эмпирического исследования ЦТ опирается на принципы построения композитных индикаторов, закрепленные в руководстве ОЭСР, и реализуется в широком спектре инструментов — от страновых индексов (DESI, IMD) до специализированных отраслевых методик, включая разработанные авторами КИМ и SAIG.

Практическое значение работы состоит в том, что систематизированная теоретико-методологическая рамка может

использоваться при разработке дальнейших специализированных индексов цифровой зрелости, обосновании региональных и отраслевых стратегий цифровой трансформации, а также при критической оценке существующих методик измерения. Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением отраслевых модификаций рассмотренного подхода и с разработкой интегральных моделей, учитывающих взаимосвязи между различными технологическими кластерами в рамках единой цифровой экосистемы.

Библиографический список

1. Акаткин Ю.М., Карпов О.Э., Конявский В.А., Ясиновская Е.Д. Цифровая экономика: концептуальная архитектура экосистемы цифровой отрасли // Бизнес-информатика. — 2017. — № 4 (42). — С. 17–28.
2. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. — 2019. — № 1 (59). — С. 40–45.
3. Индикаторы цифровой экономики — 2024: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2024.
4. Смагина В.И., Юдин И.О. Оценка криптоинновационной зрелости экономических систем // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2026. — Т. 257, № 1.
5. Nambisan S., Lyytinen K., Majchrzak A., Song M. Digital Innovation Management: Reinventing Innovation Management Research in a Digital World // MIS Quarterly. — 2017. — Vol. 41, No. 1. — P. 223–238.
6. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. — 2021. — Vol. 122. — P. 889–901.
7. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital Transformation Strategies // Business & Information Systems Engineering. — 2015. — Vol. 57, No. 5. — P. 339–343.

8. Hanelt A., Bohnsack R., Marz D., Antunes Marante C. A Systematic Review of the Literature on Digital Transformation: Insights and Implications for Strategy and Organizational Change // *Journal of Management Studies*. — 2021. — Vol. 58, No. 5. — P. 1159–1197.
9. Bharadwaj A., El Sawy O.A., Pavlou P.A., Venkatraman N. Digital Business Strategy: Toward a Next Generation of Insights // *MIS Quarterly*. — 2013. — Vol. 37, No. 2. — P. 471–482.
10. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // *Journal of Strategic Information Systems*. — 2019. — Vol. 28, No. 2. — P. 118–144.
11. Teece D.J., Pisano G., Shuen A. Dynamic capabilities and strategic management // *Strategic Management Journal*. — 1997. — Vol. 18, No. 7. — P. 509–533.
12. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. — Geneva: World Economic Forum, 2016. — 172 p.
13. Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. — New York: W.W. Norton & Company, 2014. — 320 p.
14. European Commission. *Digital Economy and Society Index (DESI) 2022*. — Brussels: European Commission, 2022. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi>.
15. OECD. *Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide*. — Paris: OECD Publishing, 2008. — 162 p.

References

1. Akatkin Yu.M., Karpov O.E., Konyavskiy V.A., Yasinovskaya E.D. Digital Economy: Conceptual Architecture of a Digital Economic Sector Ecosystem // *Business Informatics*. — 2017. — No. 4 (42). — P. 17–28.
2. Kleiner G.B. *Economics of Ecosystems: A Step into the Future* // *Economic Revival of Russia*. — 2019. — No. 1 (59). — P. 40–45.
3. *Digital Economy Indicators in the Russian Federation, 2024: Data Book* /

- G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevskiy, L.M. Gokhberg et al.; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE, 2024.
4. Smagina V.I., Yudin I.O. Assessment of Crypto-Innovation Maturity of Economic Systems // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. — 2026. — Vol. 257, No. 1.
 5. Nambisan S., Lyytinen K., Majchrzak A., Song M. Digital Innovation Management: Reinventing Innovation Management Research in a Digital World // MIS Quarterly. — 2017. — Vol. 41, No. 1. — P. 223–238.
 6. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q., Fabian N., Haenlein M. Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda // Journal of Business Research. — 2021. — Vol. 122. — P. 889–901.
 7. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital Transformation Strategies // Business & Information Systems Engineering. — 2015. — Vol. 57, No. 5. — P. 339–343.
 8. Hanelt A., Bohnsack R., Marz D., Antunes Marante C. A Systematic Review of the Literature on Digital Transformation: Insights and Implications for Strategy and Organizational Change // Journal of Management Studies. — 2021. — Vol. 58, No. 5. — P. 1159–1197.
 9. Bharadwaj A., El Sawy O.A., Pavlou P.A., Venkatraman N. Digital Business Strategy: Toward a Next Generation of Insights // MIS Quarterly. — 2013. — Vol. 37, No. 2. — P. 471–482.
 10. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda // Journal of Strategic Information Systems. — 2019. — Vol. 28, No. 2. — P. 118–144.
 11. Teece D.J., Pisano G., Shuen A. Dynamic capabilities and strategic management // Strategic Management Journal. — 1997. — Vol. 18, No. 7. — P. 509–533.
 12. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. — Geneva: World Economic Forum, 2016. — 172 p.

13. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. — New York: W.W. Norton & Company, 2014. — 320 p.
14. European Commission. Digital Economy and Society Index (DESI) 2022. — Brussels: European Commission, 2022. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi>.
15. OECD. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide. — Paris: OECD Publishing, 2008. — 162 p.

Контактная информация / Contact Information

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Derzhavin Tambov State University, 33, Internatsionalnaya st.,
Tambov, 392036, Russia

Смагина Валентина Викторовна / Valentina V. Smagina
troveo@mail.ru

Юдин Игорь Олегович / Igor O. Yudin
ig.yudin2010@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-114-132

EDN MNSUQC

**СПЕЦИФИКА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИННОВАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ
В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭКОНОМИКИ**
**SPECIFICITY
OF STATE INNOVATION
POLICY IN THE ERA
OF DIGITAL
TRANSFORMATION
OF THE ECONOMY**

ПЛОТНИКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

VLADIMIR A. PLOTNIKOV

Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought at the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

ЕЛОВСКАЯ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Доцент кафедры прикладной экономики Сибирского университета потребительской кооперации, кандидат экономических наук

MARIA A. ELOVSKAYA

Associate Professor of the Department of Applied Economics at the Siberian University of Consumer Cooperatives, PhD in Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется трансформация государственной инновационной политики в условиях формирования цифровой экономики. Цель работы – выявить специфику государственного регулирования инноваций в эпоху цифровой трансформации. Теоретическую базу исследования составляют теории эндогенного роста и концепция технологических укладов. Методологически исследование опирается на анализ сетевых эффектов, цифрового неравенства и рисков утраты технологического суверенитета. В результате исследования обосновано, что цифровая трансформация представляет собой комплексную, сквозную и ядерную метановацию; выявлены новые провалы рынка, требующие государственного

вмешательства. Научная значимость результатов заключается в уточнении роли государства как дизайнера цифровых экосистем.

ABSTRACT

This article examines the transformation of public innovation policy in the context of the emerging digital economy. The aim of the study is to identify the specifics of government regulation of innovation in the era of digital transformation. The theoretical basis of the research is formed by theories of endogenous growth and the concept of technological paradigms. Methodologically, the study relies on an analysis of network effects, digital inequality, and the risks of losing technological sovereignty. The study substantiates that digital transformation represents a complex, end-to-end, and core meta-innovation; new market failures requiring government intervention are identified. The scientific significance of the results lies in their clarification of the role of the state as a designer of digital ecosystems.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная инновационная политика; метаинновация; сетевые эффекты; технологический суверенитет; цифровая трансформация экономики; цифровое неравенство; цифровые экосистемы; ядерная инновация.

KEYWORDS

State innovation policy; meta-innovation; network effects; technological sovereignty; digital transformation of the economy; digital inequality; digital ecosystems; core innovation.

ВВЕДЕНИЕ

Переход к модели т.н. «цифровой экономики» кардинально меняет устоявшиеся представления о характере, темпах и результатах инновационного развития [1]. Если на протяжении XX века инновационная политика большинства государств строилась вокруг дискретных технологических

прорывов (атомная энергетика, полупроводниковая техника, биотехнологии и др.), то сегодня ее главным объектом становится цифровая трансформация — процесс, затрагивающий все без исключения сектора экономики. Это требует пересмотра теоретических основ государственного вмешательства в экономику: традиционные модели «исправления провалов рынка» оказываются недостаточными для осмысления феномена платформизации, сетевых экстерналий и ускоряющей конвергенции технологий.

Цель данной статьи — выявить специфику государственной инновационной политики в эпоху цифровой трансформации, обосновав особую роль цифровых технологий как «ядерной» инновации и предложив актуальные направления совершенствования регулирования.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Экономическая теория на протяжении длительного времени отводила инновациям центральную роль среди факторов долгосрочного экономического роста. Один из признанных классиков теории инноваций Й. Шумпетер еще в 1912 году определил инновации как «созидательное разрушение» [2]. Это — процесс, при котором новые комбинации факторов производства вытесняют старые, порождая циклическую динамику. В дальнейшем Р. Солоу в своей модели экзогенного роста (1956) количественно оценил вклад технологического прогресса: основная часть прироста ВВП на душу населения в развитых странах, по его мнению, объясняется именно инновациями, а не накоплением капитала или труда [3].

Современные теории эндогенного роста (П. Ромер [4], Р. Лукас [5], конец XX в.) пошли дальше, показав, что

инновации не являются внешним (экзогенным) фактором, а порождаются внутри экономической системы в результате инвестиций в НИОКР, человеческий капитал и совершенствование институциональных условий. Вывод, к которому приходят в этих теориях, состоит в том, что страны, способные генерировать и диффундировать (внедрять и распространять в своих экономиках) инновации, устойчиво обгоняют в экономическом развитии те страны, которые полагаются в развитии на экстенсивные факторы (традиционные материальные и природные ресурсы, а также дешевую рабочую силу).

В XXI веке значимость инноваций многократно возросла в силу ряда обстоятельств:

1) глобальная конкуренция сместилась из сферы цены и качества в сферу технологического лидерства (в результате технологическое и — в будущем — экономическое лидерство определяет способность разрабатывать и производить полупроводниковые приборы, создавать и продвигать продукты на основе искусственного интеллекта, выполнять квантовые вычисления и т.д.);

2) инновации сегодня стали главным инструментом решения системных (ранее использовался термин «глобальных» проблем): экологического кризиса, старения населения, продовольственной безопасности и т.д.;

3) ускорились инновационные циклы. Если век назад между открытием и массовым внедрением проходили десятилетия, то сегодня речь идет о 2–5 годах (а в некоторых областях, например, в микропроцессорной технике, индивидуальных коммуникативных устройствах и др. новые поколения инновационной продукции возникают буквально ежегодно), что создает новые риски и вызовы для регуляторов и экономической системы в целом.

Таким образом, без постоянной генерации и коммерциализации нововведений устойчивое развитие национальной экономики невозможно — это, практически, аксиома современной экономической политики, которая должна учитываться при ее разработке и реализации.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Цифровая трансформация предполагает целую серию инновационных изменений в экономике [6, 7, 8, 9]. Этим она принципиально отличается от предшествующих технологических волн. По нашему мнению, цифровую трансформацию можно охарактеризовать как (1) комплексную, (2) сквозную, (3) ядерную инновацию.

Комплексность означает, что цифровая трансформация не сводится к внедрению в хозяйственную практику отдельных цифровых устройств или программного обеспечения. Это одновременное изменение технологической базы, бизнес-моделей, организационных структур, компетенций персонала и, наконец, самого характера взаимодействия между экономическими агентами. Цифровая платформа (например, маркетплейс или экосистема государственных услуг) — это не просто IT-решение, а новая конфигурация рынка, меняющая правила доступа, ценообразования и распределения ценности, цифровые платформы трансформируют бывшие известными до настоящего времени модели устройства рыночной экономики.

Сквозной (пронизывающий) характер цифровой трансформации проявляется в том, что цифровые технологии не существуют изолированно, а встраиваются во все традиционные отрасли: промышленность (Индустрия 4.0), сельское хозяйство (точное земледелие), транспорт

(логистические алгоритмы и самоисполняющиеся контракты), финансы (FinTech), образование (EdTech) и т.д. Цифровые технологии «прошивают» их насквозь, выступая не как один из секторов, а как универсальный мета-инструмент, трансформирующий отраслевые технологии на новой, цифровой основе.

Наконец, определение «ядерной» инновации концептуально заимствовано нами из теории технологических укладов [10, 11]. «Ядерная» инновация — это технология, вокруг которой кристаллизуется цельный технологический уклад. Она формирует техническое и организационное «ядро», к которому «подтягиваются» сопутствующие и вспомогательные нововведения (например, вокруг искусственного интеллекта сейчас формируются новые промышленные стандарты обработки данных, кибербезопасности, человеко-машинного взаимодействия). Именно цифровая трансформация сегодня играет роль такого «ядра»: она не просто дополняет существующие инновации, а реорганизует все инновационное (и, в дальнейшем, хозяйственное и социальное) пространство, задавая траектории развития для биотеха, нанотехнологий, новых материалов, энергетики и т.д.

То есть если пытаться иерархизировать инновации с точки зрения их вклада в организацию и осуществление экономической деятельности, то неизбежен вывод о том, что цифровая трансформация — это не одна из многих инноваций «первого порядка», а инновация «второго порядка», меняющая сам способ и скорость порождения и распространения всех остальных инноваций. Это — метаинновация. Как отмечает член-корреспондент РАН С.Д. Бодрунов, в составе NBICS-технологий именно цифровые технологии являются системообразующими [12].

Столь высокая значимость этой метаинновации делает критически важным на национальном уровне успех в ее поддержке, развитии и продвижении (диффузии). Этим определяется необходимость усиления и изменения приоритетов государственного регулирования инноваций в цифровую эпоху. Заметим, что классический аргумент в пользу государственного вмешательства в рамках *mainstream* экономической науки — это провалы рынка в инновационной сфере (неполная присваиваемость результатов НИОКР, информационная асимметрия, наличие нежелательных экстерналий) [13]. Однако, в цифровую эпоху возникает необходимость учета новых, ранее не описанных эффектов, определяющих усиление роли государственного регулирования.

Во-первых, это — сетевые эффекты и возникающие вследствие бурного и неравномерного развития цифровых технологий монополии, в том числе носящие естественный характер. Цифровые платформы демонстрируют возрастающую отдачу от масштаба [14]: чем больше пользователей, тем ценнее платформа для каждого из них. Это ведет к быстрой концентрации рынков (например, Google в интернет-поиске, Amazon в электронной коммерции и др.). Без вмешательства государства конкуренция в цифровых экосистемах может быть подавлена, что снизит стимулы к инновациям в долгосрочной перспективе (проявится эффект, получивший название: «Победитель получает всё»).

Во-вторых, возникает эффект нового вида неравенства — цифрового неравенства [15], которое выступает в качестве барьера для диффузии инноваций. Если государство не принимает мер по подавлению факторов, стимулирующих усиление цифрового неравенства (развитие широкополосного доступа в Интернет, повышение цифровой грамотности

населения и доступности для него цифровых устройств), значительная часть населения и бизнеса (особенно в малых городах и сельской местности) оказывается исключена из инновационного процесса. Это не только социально несправедливо, но и экономически неэффективно: недоиспользуется человеческий потенциал развития.

В-третьих, и это убедительно показал опыт антироссийских санкций после 2022 года, возрастают риски технологической фрагментации и утраты технологического суверенитета [16]. Цифровая трансформация создает критическую зависимость от зарубежных платформ, облачных решений, программного и аппаратного обеспечения (soft- и hardware). В условиях нарастающей геополитической турбулентности и обострения межстрановой конкуренции отсутствие собственной технологической базы делает экономику уязвимой для санкций, кибератак и прочих внешних угроз [17].

В-четвертых, следует учесть экстерналии нового типа. Данные (а также процедуры работы с ними — сбор, накопление, обработка и т.д., а, в конечном счете, в рамках существующей экономической модели, их монетизация) становятся ключевым ресурсом. Рынок самостоятельно не решает проблему конфиденциальности, алгоритмической дискриминации, манипуляции поведением. Государству необходимо задавать «правила игры» в отношении такого особого объекта, как данные, который соединяет в себя черты общественного блага с элементами частной собственности.

Таким образом, в цифровую эпоху государственное регулирование не только не утрачивает актуальности, но становится более сложным, многомерным и стратегически значимым. От его эффективности и корректности выбора приоритетов во многом начинает зависеть не только успех

цифровых и инновационных преобразований, но долгосрочные перспективы экономического роста и социального развития. С учетом изложенного, мы предлагаем выделить ряд ключевых направлений государственной инновационной политики, а именно:

1. Развитие цифровой инфраструктуры как общественного блага. Реализация этого направления включает строительство сетей связи (включая 5G, спутниковый Интернет и иные, возможно пока что не получившие широкого распространения, технологии), создание государственных облачных платформ, поддержку открытых данных. Без этой базовой цифровой инфраструктуры, формирующей «подложку» для выстраивания инновационных цифровых экосистем, все остальные меры теряют эффективность.

2. Стимулирование (а в некоторых случаях — и формирование, по крайней мере, на начальных этапах) спроса на цифровые инновации через государственные закупки, заказы и «регуляторные песочницы». Государство должно выступать не только донором НИОКР, но и «первым заказчиком» для цифровых решений в здравоохранении, транспорте, государственном и муниципальном управлении и других областях. «Регуляторные песочницы» позволяют тестировать новые технологии (блокчейн, беспилотные транспортные средства и др.) без риска штрафных или иных санкций к инновационно-ориентированным организациям, которые в процессе инновационной деятельности могут нарушать устаревшие требования и ограничения).

3. Управление данными и выстраивание алгоритмической регуляtorики. Многие страны разрабатывают национальные стратегии работы с данными. Государство должно определить режимы доступа к данным, особенно к обезличенным

данным государственного сектора, разрешенные и запрещенные способы работы с ними. Сюда же стоит отнести и регламентацию работы с персональными данными граждан.

4. Инвестиции в цифровой человеческий капитал и науку. Традиционное финансирование вузов и научных институтов дополняется программами цифровой переподготовки («цифровые кафедры»), поддержкой STEM-образования, привлечением исследователей мирового уровня в области искусственного интеллекта, кибербезопасности, робототехники и др.

5. Обеспечение технологического суверенитета в критических областях. В условиях усиления глобальной конкуренции и нарастания геополитической напряженности государство должно использовать инструменты промышленной политики для развития отечественного производства полупроводников, операционных систем, средств криптографии и др. Критически важные технологии должны быть локализованы [18]. Однако при этом важно избегать изоляционизма, т.е. технологический (цифровой) суверенитет должен сочетаться с участием в международных цепочках создания стоимости там, где это стратегически безопасно и — во вторую очередь — выгодно.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет утверждать, что эпоха цифровой трансформации радикально меняет предмет и инструментарий государственной инновационной политики. Если раньше инновационная политика часто сводилась к субсидированию НИОКР и защите интеллектуальной собственности, то сегодня она превращается в инструмент

дизайна цифровых экосистем, управления данными и преодоления новых форм неравенства. Цифровая трансформация как «ядерная» инновация второго уровня требует от государства не только финансирования, но и активного нормотворчества (регулирование платформ, алгоритмов, доступа к данным и т.д.) и стратегического развития цифровой инфраструктуры.

При этом сохраняется классический вызов, вытекающий из известной дилеммы «план — рынок»: как не подавить избыточным государственным регулированием ту инновационную динамику, которую государство стремится своими действиями поддержать. Ответ лежит в развитии адаптивной, экспериментальной регуляторики с короткой обратной связью и широким вовлечением стейкхолдеров цифрового инновационного развития.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие первоочередные направления совершенствования государственной инновационной политики с учетом цифровой трансформации:

1. Развитие человеческого потенциала. В этой сфере целесообразно актуализировать образовательные программы в области инновационного менеджмента, технологического предпринимательства, цифровых коммуникаций и т.д. с учетом требований цифровой трансформации экономики; создать систему непрерывного повышения квалификации и переподготовки кадров для инновационной деятельности, в том числе с использованием цифровых дистанционных образовательных технологий; стимулировать вовлечение молодежи в научно-техническое творчество и технологическое предпринимательство через цифровые платформы (хакатоны, онлайн-акселераторы и т.д.).

2. Проведение институциональных реформ. В этой сфере целесообразно упростить процедуры регистрации, сертификации и лицензирования, особенно для малых инновационных предприятий, в том числе с использованием цифровых сервисов («одно окно», электронный документооборот и т.д.); создать национальную цифровую платформу интеллектуальной собственности, включая сервисы для торговли правами на результаты интеллектуальной деятельности; перейти от преимущественно прямых форм поддержки инновационного цифрового бизнеса к косвенным (налоговые льготы для инвестиций в НИОКР, софинансирование венчурных инвестиций и др.).

3. Стимулирование спроса на цифровые инновации. В этой сфере целесообразно использовать механизмы государственных закупок для формирования спроса на инновационную продукцию, включая квотирование закупок у малых инновационных предприятий; развивать систему технологического прогнозирования и формирования «карт» критических технологий для согласования приоритетов науки, образования, бизнеса и государства; стимулировать крупный бизнес к созданию корпоративных венчурных фондов и акселераторов для поддержки инновационных стартапов.

4. Цифровизация институтов развития. Целесообразно создать единую цифровую платформу институтов развития, обеспечивающую прозрачность и открытость процедур предоставления цифровым инновационным бизнесам государственной поддержки; снижение административных барьеров для заявителей; возможность мониторинга и оценки эффективности реализуемых проектов в режиме реального времени; автоматизацию процессов отбора,

экспертизы и сопровождения инновационных проектов (возможно, с применением технологий искусственного интеллекта).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая трансформация создает как новые вызовы (дефицит компетенций, риски кибербезопасности, устаревание институтов и мн. др.), так и новые возможности (снижение транзакционных издержек, появление платформенных решений для трансфера технологий, новые форматы подготовки кадров и мн. др.). Ключевым направлением государственной политики в рассмотренной сфере должно стать формирование национальной инновационной экосистемы, интегрирующей науку, образование, бизнес и государство на основе цифровых платформенных решений и обеспечивающей непрерывную генерацию, коммерциализацию и диффузию цифровых инноваций.

Дальнейшие исследования, по нашему мнению, могут быть направлены на разработку методик количественной оценки эффективности инновационной экосистемы, анализ лучших международных практик цифровизации инновационной деятельности, разработку индикаторов оценки эффективности цифровой инновационной политики (например, индексы диффузии сквозных технологий по отраслям), а также на сравнительный анализ институциональных моделей (США, ЕС, Китай, Россия и др.) в контексте их способности обеспечивать как динамизм, так и устойчивость экономического развития в эпоху цифровой трансформации экономики.

Библиографический список

1. Бухт Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестник международных организаций. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 143–172.
2. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. — М.: Эксмо, 2008. — 864 с.
3. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R.M. Solow // Quarterly Journal of Economics. — 1956. — Vol. 70. — № 1. — P. 65–94.
4. Romer P.M. Endogenous Technological Change / P.M. Romer // Journal of Political Economy. — 1990. — Vol. 98 (5). — P. 71–102.
5. Lucas R.E. On the mechanics of economic development / R.E. Lucas // Journal of Monetary Economic. — 1988. — Vol. 22. — №. 1. — P. 3–42.
6. Атурин В.В. Управление цифровой трансформацией: научные подходы и экономическая политика / В.В. Атурин, И.С. Мога, С.М. Смагулова // Управленец. — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 67–76.
7. Вертакова Ю.В. Особенности развития организаций в условиях цифровой трансформации / Ю.В. Вертакова, О.А. Крыжановская // Вестник университета. — 2020. — № 10. — С. 33–39.
8. Плотников В.А. Государственная политика цифровой трансформации: экономика данных / В.А. Плотников, И.В. Герсонская // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2025. — № 3 (153). — С. 95–99.
9. Якутин Ю.В. Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») / Ю.В. Якутин // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2017. — № 4. — С. 27–52.
10. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С.Ю. Глазьев. — М.: ВладДар, 1993. — 310 с.

11. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. — М.: Дело, 2011. — 231 с.
12. Бодрунов С.Д. Конвергенция технологий — новая основа для интеграции производства, науки и образования / С.Д. Бодрунов // Экономическая наука современной России. — 2018. — № 1. — С. 8–19.
13. Голиченко О.Г. Провалы рынка и государства в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. «Инновационная Россия-2020» / О.Г. Голиченко, С.А.Самоволева // Инновации. — 2011. — № 2. — С. 8–10.
14. Котляров И.Д. Платформы как модель организации хозяйственной деятельности: отдельные особенности функционирования / И.Д. Котляров // Экономика и управление: теория и практика. — 2022. — Т. 8. — № 2. — С. 30–37.
15. Бразевич С.С. Социальные риск-факторы информационного неравенства в условиях цифровой трансформации общества / С.С. Бразевич, Я.А. Маргулян // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2023. — № 6-2 (144). — С. 178–184.
16. Ягунова Н.А. Технологический суверенитет Российской Федерации, как основа национальной безопасности / Н.А. Ягунова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2023. — № 3. — С. 5–8.
17. Еловская М.А. Цифровая трансформация и экономическая безопасность: риски, угрозы и пути адаптации в современных условиях / М.А. Еловская // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2024. — № 5 (149). — С. 114–120.
18. Плотников В.А. Воздействие локализации производства в условиях внешних санкций на операционные процессы российских

промышленных предприятий / В.А. Плотников // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 158–169.

References

1. Bukht R. Opredelenie, kontseptsiya i izmerenie tsifrovoi ehkonomiki / R. Bukht, R. Khiks // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 143–172.
2. Shumpeter I.A. Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya / I.A. Shumpeter. – М.: Ehksmo, 2008. – 864 s.
3. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R.M. Solow // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70. – No. 1. – P. 65-94.
4. Romer P.M. Endogenous Technological Change / P.M. Romer // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98 (5). – P. 71-102.
5. Lucas R.E. On the mechanics of economic development / R.E. Lucas // Journal of Monetary Economic. – 1988. – Vol. 22 – No. 1. – P. 3-42.
6. Aturin V.V. Upravlenie tsifrovoi transformatsiei: nauchnye podkhody i ehkonomicheskaya politika / V.V. Aturin, I.S. Moga, S.M. Smagulova // Upravlenets. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 67-76.
7. Vertakova Yu.V. Osobennosti razvitiya organizatsii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii / Yu.V. Vertakova, O.A. Kryzhanovskaya // Vestnik universiteta. – 2020. – № 10. – С. 33–39.
8. Plotnikov V.A. Gosudarstvennaya politika tsifrovoi transformatsii: ehkonomika dannykh / V.A. Plotnikov, I.V. Gersonskaya // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. – 2025. – № 3 (153). – С. 95-99.
9. Yakutin Yu.V. Rossiiskaya ehkonomika: strategiya tsifrovoi transformatsii (k konstruktivnoi kritike pravitel'svennoi programmy "Tsifrovaya ehkonomika Rossiiskoi Federatsii") / Yu.V. Yakutin // Menedzhment i biznes-administrirovaniye. – 2017. – № 4. – С. 27-52.

10. Glaz'ev S.Yu. Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ehkonomicheskogo razvitiya / S.Yu. Glaz'ev. – M.: VlaDar, 1993. – 310 s.
11. Peres K. Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyi kapital: dinamika puzyrei i periodov protsvetaniya / K. Peres. – M.: Delo, 2011. – 231 s.
12. Bodrunov S.D. Konvergentsiya tekhnologii – novaya osnova dlya integratsii proizvodstva, nauki i obrazovaniya / S.D. Bodrunov // Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii. – 2018. – № 1. – S. 8-19.
13. Golichenko O.G. Provaly rynka i gosudarstva v Strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 g. «Innovatsionnaya Rossiya-2020» / O.G. Golichenko, S.A. Samovoleva // Innovatsii. – 2011. – № 2. – S. 8-10.
14. Kotlyarov I.D. Platformy kak model' organizatsii khozyaistvennoi deyatelnosti: otdel'nye osobennosti funktsionirovaniya / I.D. Kotlyarov // Ehkonomika i upravlenie: teoriya i praktika. – 2022. – T. 8. – № 2. – S. 30-37.
15. Brazevich S.S. Sotsial'nye risk-factory informatsionnogo neravenstva v usloviyakh tsifrovoi transformatsii obshchestva / S.S. Brazevich, Ya.A. Margulyan // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. – 2023. – № 6-2 (144). – S. 178-184.
16. Yagunova N.A. Tekhnologicheskii suverenitet Rossiiskoi Federatsii, kak osnova natsional'noi bezopasnosti / N.A. Yagunova // Teoriya i praktika servisa: ehkonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii. – 2023. – № 3. – S. 5-8.
17. Elovskaya M.A. Tsifrovaya transformatsiya i ehkonomicheskaya bezopasnost': riski, ugrozy i puti adaptatsii v sovremennykh usloviyakh / M.A. Elovskaya // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. – 2024. – № 5 (149). – S. 114–120.
18. Plotnikov V.A. Vozdeistvie lokalizatsii proizvodstva v usloviyakh vneshnikh sanktsii na operatsionnye protsessy rossiiskikh promyshlennykh predpriyatii / V.A. Plotnikov // Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika. – 2026. – № 1. – S. 158-169.

Контактная информация / Contact Information

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32

Saint Petersburg State University of Economics, 30-32, Griboyedov
Canal Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russia

Плотников Владимир Александрович / Vladimir A. Plotnikov
plotnikov_2000@mail.ru

АНОО ВО «Сибирский университет потребительской кооперации»
630087, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 26

Siberian University of Consumer Cooperatives, 26, Karl Marx Ave.,
Novosibirsk, 630087, Russia

Еловская Мария Александровна / Maria A. Elovskaya
maria_bars@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-133-161

EDN OPVNLQ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ – ЦЕННОСТНЫЙ КОНТЕКСТ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН

PUBLIC MANAGEMENT OF INNOVATION – VALUE CONTEXT AND INSTITUTIONAL DESIGN

БОЛЬШАКОВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА

Аналитик, ФГБУ «Государственная Публичная научно-техническая библиотека», доктор философии (Phd), к.э.н.

YULIA M. BOLSHAKOVA

Analyst, State Public Scientific and Technical Library, Doctor of Philosophy (Phd), Candidate of Economic Sciences.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу восприятия инноваций и модели государственного управления ими в сравнительной перспективе (Испания и Россия). На основе реинтерпретации данных репрезентативного опроса населения Испании и анализа теоретических подходов российских исследователей выявляются различия в ценностных контекстах инновационного развития. Раскрывается, что в испанском обществе инновации воспринимаются, в первую очередь, как инструмент обеспечения социального равенства и справедливости через образование, в то время как в России доминирует государственноцентричная модель, где инновации служат цели укрепления национальной безопасности и суверенитета. Это ценностное различие определяет ожидаемую роль государства от партнера и арбитра в Испании до главного инициатора и контролера в России. Исследование подтверждает критическую роль неформальных институтов (ценностей, норм, социального капитала) и общественного мнения в формировании эффективной национальной инновационной системы. Практический вывод заключается в необходимости для политиков увязывать инновационную повестку с глубинными общественными запросами для повышения легитимности и результативности государственного управления.

ABSTRACT

This article analyzes the perception of innovation and its public management model in a comparative perspective (Spain and Russia). Based on a reinterpretation of data from a representative survey of the Spanish population and an analysis of theoretical approaches by Russian researchers, differences in the value contexts of innovative development are revealed. It is revealed that in Spanish society, innovation is perceived primarily as a tool for ensuring social equality and justice through education, while in Russia, a state-centric model predominates, where innovation serves the purpose of strengthening national security and sovereignty. This value difference determines the expected role of the state, ranging from partner and

arbitrator in Spain to primary initiator and controller in Russia. The study confirms the critical role of informal institutions (values, norms, social capital) and public opinion in the formation of an effective national innovation system. The practical implication is that policymakers need to align the innovation agenda with deep-seated societal demands to enhance the legitimacy and effectiveness of public administration.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социология инноваций, государственное управление, ценностный контекст, общественное мнение, национальная инновационная система, социальное равенство, государственно-частное партнерство (ГЧП).

KEYWORDS

Sociology of innovation, public administration, value context, public opinion, national innovation system, social equality, public-private partnership.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования инноваций и инновационной политики обусловлено тем, что междисциплинарный подход изучает это явление как сложную систему, концентрируясь на общественном восприятии, взаимодействии структур и культурных барьерах. А.А. Давыдов проводит системный анализ инновационного потенциала и модернизации через большие данные и вычисления, связь инноваций с культурой, политикой, наукой [13]. Изучением инноваций в здравоохранении, образовании, соцзащите, анализом взаимодействия традиций и инноваций, барьеров внедрения занимаются такие известные ученые, как Имгрунт С.И., [14] Гуцаленко Л.А., [11] Фирсова Н.Ю. [15] и др.

Актуальность подчеркивается тем, что исследователи отмечают необходимость реконструкции эволюции понятия «инновации» в общественном сознании от «местечкового

изобретательства» до государственно-центричной модели. На мезоуровне исследователи социальной сферы анализируют, как нововведения работают внутри конкретных общественных институтов (больницы, университеты) и сталкиваются с культурной средой. Анализ исследований позволяет выделить характерные черты испанской и российской моделей восприятия инноваций, их ценностных контекстов и исторических корней [13]. В Испании ключевой ценностной основой являются инновации в контексте социального равенства, а в России государственноцентричная модель инноваций. Инновации воспринимаются в Испании как инструмент для решения социальных проблем, повышения качества жизни и обеспечения социального лифта через образование, а в России как инструмент для усиления конкурентоспособности и безопасности государства, прорыв в ключевых, часто оборонных, отраслях. Если в Испании ожидаемая роль государства формируется как арбитр и гарант справедливости, создающий условия и перераспределяющий блага, ожидается партнерство с бизнесом, то в России государство это главный инициатор, финансист и контролер, государство задает повестку и мобилизует ресурсы, бизнес часто следует за ним. Исследования показывают, что в Испании сильными сторонами являются инновации в социальную сферу, устойчивое развитие, человеческий капитал в рамках социальных программ, а в России сильной стороной является способность государства к мобилизации ресурсов на прорыв в приоритетных направлениях (космос, ядерные технологии) [14].

Данное исследование посвящено анализу социально-экономических условий, ценностных ориентаций и поведенческих паттернов населения Испании в контексте формирования

инновационного общества. Под инновациями в работе понимаются целенаправленные изменения, основанные на знаниях, внедрение которых создает ценность как экономическую, так и социальную.

Цель и методология исследования

Целью исследования является диагностика состояния общества по его инновационным характеристикам на макросоциальном уровне (на примере граждан Испании). Для этого применялся повторный анализ и интерпретация данных результатов исследования Центра социологических исследований (CIS), позволяющая комплексно оценить совокупность взглядов, возможностей, моделей поведения, структур социальных отношений и социально-экономических параметров, определяющих инновационный потенциал страны.

С точки зрения инновационного менеджмента, исследование исходит из того, что генерация и внедрение инноваций зависят от сложной социально-институциональной среды. Ключевыми элементами этой среды являются институциональная инфраструктура и человеческий и социальный капитал.

Аксиологический подход в исследовании и роль институтов

Институциональную инфраструктуру составляют компании, развивающие экономику знаний, а также специализированные организации (университеты, исследовательские центры, трансфертные агентства, фонды) и государственная политика, создающая условия и направляющая ресурсы. Человеческий и социальный капитал означает не просто доступность знаний и компетенций в обществе, их применение

в профессиональной деятельности, наличие сетевых связей, обеспечивающих доступ к знанию, а также распространенность установок и когнитивных моделей, благоприятствующих инновациям.

Исследование оценивает инновационный потенциал Испании как результат взаимодействия институциональных условий и социально-культурных факторов, что составляет основу для формирования эффективной национальной инновационной системы.

Эти характеристики служат ресурсами, которые либо способствуют, либо ограничивают различные виды экономической деятельности и социальных изменений. Их распределение в обществе влияет на восприимчивость к новым идеям и творческую активность; определяет способы использования, внедрения и распространения знаний; переносится индивидуумами в организации внутри системы; а также формирует различный уровень легитимности государственной политики. Следовательно, для оценки степени инновационности общества необходим комплексный анализ всех аспектов, связанных с деятельностью, основанной на знаниях, подкрепленный эмпирическими данными.

Исследование было проведено с использованием модуля «Барометр общественного мнения», разработанного Центром социологических исследований (CIS) в рамках открытого конкурса проектов. Опрос проводился методом личных интервью по месту жительства на выборке 2500 респондентов, представляющих население Испании в возрасте от 18 лет. Полевой этап состоялся в ноябре 2015 года, обработка данных завершена в мае 2016 года. Анкета, методологическая документация и полные таблицы результатов опубликованы в Банке социальных данных CIS [5].

С точки зрения инновационного менеджмента, ценности выступают глубинным культурным фундаментом, формирующим среду для генерации и внедрения новшеств. Как идеалы и руководящие принципы поведения [7], они определяют, какие цели и типы изменений воспринимаются как желательные. Более поверхностные слои установки и мнения являются оперативными индикаторами, отражающими отношение к конкретным инновациям сквозь призму этих базовых ценностей.

Инновационный потенциал общества во многом определяется преобладающей структурой ценностей и ее распределением среди различных социальных групп [8]. Для менеджмента инноваций ключевое значение имеет понимание того, что многие действия, включая инновационную деятельность, мотивированы не только инструментальными целями, но и лежащими в основе ценностными ориентирами, которые придают действиям смысл и легитимность. Эти ценности могут направлять творческую энергию на создание новшеств, выступая одновременно как эмоциональный мотиватор и стратегический ресурс.

С практической точки зрения, управление инновациями часто связано с необходимостью разрешать конфликты между противоречащими ценностями и целями. Например, инновация может преследовать как коммерческую выгоду, так и создание общественного блага. Эффективный инновационный менеджмент требует учета этого многообразия, поскольку успех зависит от способности согласовать деятельность с ценностными ожиданиями стейкхолдеров от получения одобрения и кооперации до минимизации сопротивления.

Таким образом, если доминирующие в обществе или организации ценности не поддерживают генерацию или

применение новых знаний в определенных сферах [10], это создает существенный барьер для инноваций. Задача менеджмента — диагностировать эти ценностные контексты, формировать благоприятную нормативную среду и трансформировать разделяемые ценности в ресурс для устойчивых изменений.

С аксиологических позиций, нормы представляют собой операционализацию глубинных ценностей, выступая конкретными поведенческими правилами и ожиданиями, применимыми к определенным ситуациям. Хотя эмпирически нормы тесно переплетены с ценностями, их аналитическое выделение целесообразно, поскольку их влияние на социальные практики носит иной, более непосредственный характер.

Нормативная структура общества является ключевым условием, обуславливающим возможность и характер инноваций. Инновационный процесс разворачивается в рамках сложившихся «правил игры» формальных и неформальных норм, определяющих, какие новшества и способы их внедрения считаются допустимыми. Для развития инновационной деятельности необходима легитимация изменений на нормативном уровне. Преобладающие нормы задают рамки, внутри которых разрешается конфликт, неизбежно возникающий при создании и распространении нового. Яркой иллюстрацией служит сфера биомедицины, где потенциал биотехнологических инноваций напрямую ограничен действующими этико-правовыми нормами.

Следовательно, инновации возможны лишь в условиях баланса между ориентацией на изменение и необходимостью сохранения стабильности социальных, политических и экономических институтов. Например, в контексте рыночной

экономики, основанной на частной собственности и конкуренции, доминирующая нормативная структура легитимирует инновации, связывая их с ценностями труда, образования и творчества. Такая система поощряет конструктивные изменения, одновременно маргинализируя инновации незаконного происхождения или деструктивные трансформации, возникающие из социальных конфликтов и насилия.

С аксиологической точки зрения, наиболее инновационно развитыми являются общества, в которых непрерывные изменения усвоены и нормализованы как культурная ценность [9]. В таких обществах широко распространены нормы, поощряющие генерацию и применение новых знаний в труде, образовании, искусстве и других сферах, что превращает саму изменчивость в устойчивый принцип социальной организации.

Объяснительная сила ценностей, норм и когнитивных репертуаров в исследовании инноваций наиболее полно раскрывается при их анализе в конкретных социальных контекстах пространствах, где люди живут и работают. Социальная психология и социология предлагают взаимообогащающие концепции, позволяющие связать эти абстрактные категории с практическими ситуациями. Ключевой среди них является концепция социальной роли, которая служит механизмом, упорядочивающим мотивации и ожидания в соответствии с социальными позициями и тем самым связывающим аксиологические и нормативные аспекты с реальными отношениями и деятельностью [2].

Позитивное ценностное отношение к труду является необходимым условием для когнитивных усилий, требуемых в процессе обучения. Общие ценности и отношения доверия между участниками совместной деятельности также высту-

пают фундаментом для эффективной передачи знаний и обучения в рамках командной работы. Обучение становится наиболее результативным, когда оно адаптировано к конкретным профессиональным ролям, что обеспечивает социализацию и обмен неявным знанием. Таким образом, наличие устоявшейся системы позиций, основанной на разделяемых ценностях, нормах и компетенциях, а также институтов обучения и профессиональной мобильности, способствует накоплению специфического человеческого капитала и формированию компетентностных кластеров в географических регионах.

С философско-социологической точки зрения, профессиональная структура является важнейшим элементом классовой структуры, поскольку труд представляет собой социально установленный и легитимированный механизм распределения материальных и символических ресурсов [1]. Конфигурация рынка труда, наряду с институтами образования, обеспечивающими к нему доступ, определяет возможности для деятельности, основанной на знаниях. Труд функционирует не только как механизм социальной мобильности или, напротив, социальной замкнутости, но и как ключевой фактор, обуславливающий инновационный потенциал. В постиндустриальных обществах создание стоимости напрямую связано с уровнем квалификации. Сектора с наиболее благоприятными условиями труда, как правило, отличаются более высокой наукоемкостью, будь то в области технологий, фундаментальной науки или организационно-управленческого знания, и, следовательно, обладают большей производительностью и способностью генерировать добавленную стоимость [4].

В отличие от менее разработанной проблематики взаимосвязи неравенства, власти и инноваций, область социальных

отношений и социального капитала представляет собой хорошо изученное направление. Основной тезис заключается в том, что конкретные конфигурации социальных сетей способствуют либо препятствуют циркуляции информации и знаний, которые делают возможными инновационные действия [6]. Социальные отношения также служат каналом трансляции ценностей и норм, стимулирующих инновационность [3]. Таким образом, социальный капитал, понимаемый как ресурс, заключенный в сетях доверия и взаимных обязательств, представляет собой форму капитала, которую необходимо учитывать наряду с экономическим капиталом при анализе инновационного потенциала общества.

Инновационные процессы преимущественно разворачиваются в рамках организаций предприятий и государственных администраций, которые выступают ключевыми акторами, преобразующими знания и ресурсы в продукты, процессы и общественные блага, создающие ценность. Эти организации представляют собой структурное звено, опосредующее возможности для деятельности индивидов. Поэтому для понимания инновационной динамики необходимо анализировать положение различных социальных групп в контексте данной организационной архитектуры, выявляя связь между макроуровневыми инновациями и институциональными характеристиками организаций в общественной жизни.

Анализ восприятия инноваций в Испании

С социологической точки зрения, фундаментальным аспектом инноваций являются их последствия как преднамеренные, так и непреднамеренные. Инновации представляют собой не просто индивидуальные акты, а протяженные

во времени интерактивные процессы, складывающиеся из взаимных действий множества агентов. На их траекторию влияют интересы, связанные с присвоением результатов, а последствия инноваций распределяются асимметрично, воспроизводя или усиливая социальное неравенство. В этой связи продуктивен конфликтологический подход, поскольку различные группы могут сталкиваться в вопросах распределения выгод или издержек инноваций. С данной позиции инновация предстает как тип действия, лишенный заранее заданной нормативной определенности [5]. Тезис о безусловно позитивной природе инноваций или их неразрывной связи с прогрессом является нормативной предпосылкой, игнорирующей тот факт, что выгоды от инноваций формируются в рамках ценностных систем и интересов доминирующих социальных структур.

Социальные исследования инноваций, в особенности доминирующий в последние два десятилетия системный подход, традиционно уделяют значительное внимание институциональным аспектам – формальным «правилам игры», которые ограничивают или направляют поведение акторов в системах исследований, разработок и инноваций [6]. Однако эти правила включают также символические и неформальные аспекты, такие как ценности, нормы и коллективные представления. В то время как влияние формальных институтов на генерацию и использование знаний изучено достаточно хорошо, неформальные, разделяемые на уровне общества культурные факторы часто остаются на периферии анализа. Существующие работы в основном фокусируются на организациях внутри инновационной системы компаниях, технологических центрах, университетах, тогда как методологии, учитывающие общие, неформальные институциональные

аспекты, разделяемые населением, развиты слабо [3], [7]. Социальное восприятие инноваций относится именно к этой сфере и представляет собой существенный элемент, который необходимо интегрировать в анализ инновационных систем.

В данном исследовании под инновацией понимается нововведение, представляющее собой целенаправленное изменение определенной деятельности или среды, основанное на использовании знаний и приводящее к созданию ценности. Исходя из этого подхода, исследование направлено на изучение представлений об инновациях среди широкого населения, что является важным шагом для понимания общественного мнения и оценки, придаваемой различным аспектам этого явления.

Инновации непосредственно связаны с продуктивным применением знаний и созданием ценности, включая ее социальную составляющую. Они не ограничиваются сферой науки, хотя научные исследования и разработки (НИОКР) остаются одним из ключевых источников прорывных изменений в современном мире. Важно учитывать как экономические аспекты инноваций, так и факторы социальной жизни, влияющие на экономическое поведение людей. В то же время инновации все чаще ассоциируются с практическим применением знаний не только в бизнесе, но и в других областях организованной деятельности, включая государственное управление, публичную политику и деятельность организаций «третьего сектора».

Наконец, следует отметить, что широкие трактовки инноваций менее устоялись по сравнению с понятиями науки и техники, что приводит к значительной концептуальной размытости. Это требует особого внимания к тем смыслам,

которые вкладываются в термин «инновация» на уровне общественного сознания. Анализ этих смыслов позволяет точнее интерпретировать не только значение, придаваемое инновациям, но и связанные с ними воспринимаемые риски и преимущества.

Первый анализируемый аспект – смысловое содержание, которое население вкладывает в понятие «инновация», учитывая его широкое и неоднозначное использование в публичной сфере, бизнесе, СМИ и повседневной жизни. Чтобы избежать навязывания какой-либо академической или официальной трактовки и выявить стихийно сложившиеся представления, в исследовании был использован открытый вопрос: «Какое из следующих описаний лучше всего соответствует вашему пониманию слова „инновация“? А какое второе по соответствию?»

Предложенные варианты ответов охватывали спектр трактовок от узкотехнологических до связанных с творчеством и социальными изменениями, что отражено в табл. 1.

Наиболее частой ассоциацией с инновацией оказались «новые технологии», этот вариант был выбран 41,42 % респондентов в совокупности по первому и второму месту. Вторая по распространенности категория «новые идеи» (32,09 %). Третье и четвертое места заняли «исследования и наука» (28,11 %) и «новые способы ведения дел» (26,38 %).

Остальные трактовки, включая социальные улучшения, творчество, новые продукты или изменения в обычаях, формируют периферийное смысловое поле и в совокупности существенно уступают технологическому и интеллектуальному ядру понятия. Таким образом, в массовом сознании инновация прочно связана, прежде всего, с технологическим прогрессом и генерацией новых идей, тогда как ее социальные

Таблица 1
Значения, приписываемые слову «инновация» (в %) [5, р. 82]

Значение	Первое место	Второе место	В % от всех респондентов
Новые технологии	24,21	17,21	20,71
Новые идеи	21,79	10,29	16,04
Исследования и наука	12,42	15,68	14,05
Новые способы ведения дел	14,48	11,90	13,19
Креативность	5,91	9,25	7,58
Новые продукты, услуги	3,34	6,96	5,15
Улучшения для решения социальных проблем	4,42	5,63	5,03
Общие изменения	4,62	5,43	5,03
Экономическое развитие	2,29	4,18	3,24
Реорганизация рабочих процессов	1,73	2,98	2,35
Различные обычаи и социальные ценности	1,21	1,81	1,51
Другие ответы / Иное	3,57	8,68	6,13

и процессуальные аспекты воспринимаются как второстепенные.

Для наглядности анализа ответы были сгруппированы в обобщенные смысловые категории, соответствующие основным научным подходам к определению инноваций. Исходные варианты были перекодированы в следующие измерения: когнитивные изменения — новые идеи, новые способы действий, креативность; наука и технологии — новые технологии, исследования и наука; социальные изменения — улучшения для решения социальных проблем, общие изменения, различные обычаи и социальные ценности; изменения в сфере труда и экономики — новые

Таблица 2
Восприятие инноваций по обобщенным категориям (в %) [5]

Категория	Первое место	Второе место	В % от всех респондентов
Когнитивные изменения	42,18	31,44	36,81
Наука и технологии	36,63	32,89	34,76
Социальные изменения	10,25	12,87	11,56
Изменения в сфере труда и экономики	7,36	14,11	10,74
Прочее	3,58	8,69	6,13

продукты и услуги, реорганизация рабочих процессов, экономическое развитие.

Данная группировка позволяет оценить, насколько массовое восприятие инноваций соответствует узким (технологически-экономическим) или широким (социально-когнитивным) трактовкам, представленным в литературе. (См. табл. 2.)

Результаты показывают, что в сознании респондентов инновация ассоциируется, прежде всего, с когнитивными изменениями (новые идеи, творчество, новые способы мышления): эту категорию в качестве первого или второго значения выбрали 73,62 % опрошенных, причем для 42,18 % она является приоритетной.

На втором месте находится категория «Наука и технологии»: ее отмечают 69,52 % респондентов, а как первичное значение 36,63 %.

Значительно реже инновации связываются с социальными изменениями (около 20% упоминаний) или с трудовыми и экономическими преобразованиями (также около 20 %).

Для большинства населения инновация – это, в первую очередь, феномен, связанный со знанием, генерация новых идей и творческих решений, часто, но не исключительно, опирающихся на науку и технологии. Социальные и экономические аспекты инноваций остаются на периферии общественного восприятия.

Результаты опроса демонстрируют четкие приоритеты населения в области государственных расходов (табл. 3). Охрана окружающей среды и общественная безопасность лидируют, занимая первые два места как по первому, так и по второму выбору.

В совокупном выражении (учитывая первый и второй выборы вместе) инновации как приоритет финансирования отмечают 27,70 % населения. Для сравнения, общественную безопасность поддерживают 38,60 %, а охрану окружающей среды почти половина респондентов (49,10 %).

Таблица 3

Приоритеты государственных расходов по мнению населения (%) [5]

Направление расходов	Выбор 1-й	Выбор 2-й	В % от всех респондентов
Охрана окружающей среды	28,63	20,43	24,50
Общественная безопасность	20,75	17,85	19,30
Культура	14,60	16,41	15,50
Инновации	12,59	15,08	13,80
Общественные работы и инфраструктура	12,18	14,35	13,30
Другие	8,93	6,15	7,50
Нет / Не знаю	2,33	9,73	6,00
Итого:	100,00	100,00	100,00

Приоритеты государственной политики и роль государства

Поддержку инновационной политики в испанском обществе можно охарактеризовать как умеренную, сопоставимую или даже более низкую, чем поддержка науки и технологий в целом. Важно отметить, что высокий приоритет общественной безопасности может быть связан с контекстом проведения опроса (ноябрь 2015 года), который последовал вскоре после террористических атак в Париже. Это событие могло временно повлиять на общественное мнение, хотя для проверки данной гипотезы требуются дополнительные исследования.

Анализ предпочтений относительно модели финансирования инноваций выявляет доминирующую установку на смешанное государственно-частное партнерство. Данные представлены в табл. 4.

Таблица 4

Мнения об инвестициях в инновации.

Вопрос: «По вашему мнению, инвестиции в инновации должны...» [5]

Ответы	В % от всех респондентов
Оно должно быть исключительно публичным (от любого государственного органа власти)	15,48
Это должен быть публичный проект с участием частного сектора (компаний или частных инвесторов)	23,52
Оно должно исходить в равной степени от государственного и частного секторов	41,17
Это должен быть частный проект с участием государственного сектора (любой государственной администрации)	5,67
Это должно быть исключительно частное предприятие (частные компании или инвесторы)	1,97
Это зависит от сектора	3,18
Не знаю	9,01

Большинство населения (~80 % респондентов) видит в финансировании инноваций обязательную роль государства. Более того, наиболее популярна модель равного участия государственного и частного капитала (41,17 %), а идея исключительно частного финансирования находит минимальную поддержку (в сумме менее 8 %). Сопоставление этих данных с предпочтениями в госрасходах (табл. 3) выявляет несколько характерных паттернов, так сторонники инноваций как приоритета трат чаще склоняются к смешанным моделям финансирования, избегая крайностей, приоритезирующие культуру или экологию чаще выступают за преобладающую или исключительно государственную роль в финансировании инноваций, что согласуется с восприятием этих сфер как общественных благ. Сторонники приоритета общественной безопасности демонстрируют поляризацию, с равной вероятностью поддерживая как чисто государственную, так и чисто частную модель. Это может отражать общий запрос на сильное государство в вопросах безопасности, экстраполируемый на другие сферы, либо, напротив, установку на рыночные решения. Те, кто ставит на первое место инфраструктуру, чаще склонны поддерживать частные или частно-государственные модели, вероятно ассоциируя их с большей эффективностью в данной сфере.

Отношение к финансированию инноваций не является изолированным, а встроено в более широкую систему ценностных ориентаций и ожиданий от роли государства в различных областях общественной жизни.

Однако важно отметить, что установка на «формирование общества, основанного на образовании и идеях» также входит в число ключевых приоритетов. Эта категория занимает третье место среди ответов, выбранных в первую очередь,

а в совокупном зачете (первый и второй выбор) ее значимость становится еще более выраженной. В целом, ценность знаний и образования можно считать одним из фундаментальных организующих принципов, который испанское общество связывает с экономическим благополучием и социальным равенством. Это подтверждается тем, что вариант «движение к обществу, где образование и идеи ценятся больше» в общей сложности выбирают 50,70 % респондентов. Данный акцент контрастирует с относительно более низким приоритетом, который в рамках данного вопроса отводится вопросам безопасности и гражданского участия. (См. табл. 5.)

Анализ парных комбинаций целей (табл. 4) выявляет наиболее устойчивые ценностные связки в массовом сознании, такие как: «экономический рост — равенство» (24,69 % граждан); «равенство — образование/знания» (23,68 %), «экономический рост — образование/знания» (17,97 %). Вместе эти три комбинации охватывают около 66 % населения, что свидетельствует о формировании устойчивого общественного запроса на модель развития, синтезирующую экономиче-

Таблица 5

Типы приоритетных целей для испанского общества [5]

Цели	В % от всех респондентов
Экономический рост / Равенство	24,69
Равенство / Образование и идеи	23,68
Экономический рост / Образование и идеи	17,97
Экономический рост / Безопасность граждан	5,51
Образование и идеи / Участие общественности	5,15
Равенство / Участие общественности	5,11
Не уверен	17,89

скую эффективность, социальную справедливость и инвестиции в человеческий капитал. Остальные комбинации, такие как «Экономический рост — Безопасность» (5,51 %) или пары, включающие гражданское участие (около 5 % каждая), имеют значительно меньшую поддержку, что подчеркивает периферийность этих тем в общем дискурсе о будущем развитии Испании в представлении ее граждан.

Результаты исследования дают важный материал для анализа восприятия инноваций в структуре общественного мнения. В испанском обществе знания и образование признаются высокой ценностью, однако характер этой ценности, вероятно, отличается от модели, доминирующей в других развитых странах. Ключевое отличие может заключаться в том, что в Испании принцип социального равенства имеет относительно больший вес по сравнению с приоритетом чисто экономического роста. Можно выдвинуть гипотезу, что в испанском контексте знания и идеи воспринимаются не столько как самостоятельный фундамент социальной организации и двигатель экономического богатства, сколько как связующее звено и механизм выравнивания возможностей. Образование здесь ценится одновременно и как инструмент достижения справедливости, и как средство получения материального благосостояния.

Следовательно, характерная для развитых стран прямая идентификация экономических инноваций со знаниями и образованием в Испании приобретает специфическую социальную окраску. Этот вывод указывает на необходимость дальнейших кросс-культурных сравнительных исследований для более точного понимания того, как культурные и социальные ценности формируют инновационный ландшафт в разных обществах.

Обобщающие выводы по испанской модели и практическая значимость для России

Проведенное исследование, основанное на интерпретационном анализе результатов репрезентативного опроса респондентов в Испании и анализе в рамках концепций инновационного менеджмента и социологии, позволило получить комплексную диагностику инновационного потенциала страны через призму общественного мнения, ценностей и установок.

Исследование позволяет говорить о двойственности природы восприятия инноваций. В массовом сознании инновации прочно ассоциируются с технологическим прогрессом и генерацией новых идей. Однако при оценке приоритетов государственных расходов инновационная политика получает лишь умеренную поддержку (27,7 %), значительно уступая охране окружающей среды и общественной безопасности. Это указывает на разрыв между абстрактным признанием важности инноваций и их конкуренцией с более насущными, с точки зрения граждан, общественными благами.

Отметим доминирование в испанском обществе модели государственно-частного партнерства. Респонденты видят в финансировании инноваций обязательную роль государства. Наиболее предпочтительной моделью является равное участие государственного и частного капитала (41,17 % респондентов), что отражает ожидания сбалансированного подхода, в котором публичная власть задает стратегические ориентиры и снижает риски, а бизнес обеспечивает эффективность внедрения.

Считаем важным подчеркнуть то, что в испанском обществе знания и равенство выступают как базовые ценности. Испанское общество демонстрирует сильную ориентацию

на знания и образование, которые рассматриваются как фундаментальный принцип социальной организации. При этом ценность знаний тесно переплетена с принципом социальной справедливости. Наиболее устойчивые ценностные связки семантических пар «экономический рост — равенство» и «равенство — образование». Это указывает на запрос на модель развития, синтезирующую экономическую эффективность и социальную интеграцию, где инновации и образование выступают инструментами достижения обоих целей.

Результаты позволяют выдвинуть гипотезу о специфике инновационного этоса в Испании. В отличие от моделей, где знания и инновации являются самодостаточными двигателями экономического роста, в испанском общественном сознании, они в большей степени, воспринимаются как социальный лифт и механизм обеспечения равенства возможностей. Это придает инновационному процессу выраженную социальную окраску и требует от политики учета данного ценностного контекста.

Исследование подтверждает, что наряду с формальными правилами («инновационной инфраструктурой») на инновационный потенциал решающее влияние оказывают неформальные институты, глубинные ценности, нормы, социальный капитал и коллективные представления. Социальное восприятие инноваций является критическим элементом инновационной системы, который нельзя игнорировать при разработке стратегий.

Исследование вносит вклад в развитие социологии инноваций, демонстрируя эвристическую силу аксиологического подхода и анализа массового сознания. С практической точки зрения, выводы исследования важны для органов государственного управления, ответственных за научно-

технологическую и инновационную политику. Они указывают на необходимость коммуникации инновационной политики через призму ее вклада в решение социальных задач и обеспечение равенства, акцентирования роли государства как гаранта баланса между экономической эффективностью и общественными интересами, учета устойчивой общественной поддержки смешанных моделей финансирования.

Инновационный потенциал Испании основывается не только на институциональной архитектуре, но и на глубоко укорененном в обществе ценностном комплексе, где стремление к знаниям и технологическому обновлению неразрывно связано с идеалом социальной справедливости. Успешная реализация этого потенциала зависит от способности политики гармонизировать эти два измерения.

Исследование восприятия инноваций в Испании обладает определенной аналитической и практической ценностью для инновационного развития России. Поскольку отображает не готовые рецепты, а методологическую рамку и систему выводов, которые можно адаптировать к российским реалиям, чтобы преодолеть ключевые системные ограничения.

Как в Испании, так и в российском обществе может существовать разрыв между риторической поддержкой «инноваций» и реальными приоритетами в структуре государственных расходов (например, здравоохранение, образование, инфраструктура). Исследование позволяет нащупать тонкую диагностику — отделять абстрактно-позитивное отношение от готовности перераспределять ресурсы. Это позволяет снижать риски отторжения государственных инновационных программ населением. Испанский пример показывает, что инновации успешнее воспринимаются, когда увязываются с глубинными общественными ценностями (в Испании это

равенство возможностей). Для России таким «якорем» может быть, например, национальная технологическая суверенность, безопасность или повышение качества жизни в регионах. Коммуникация инновационной политики через эти ценности повышает ее легитимность и поддержку.

Вывод о том, что большинство населения видит в финансировании инноваций обязательную роль государства, крайне важен для России. Это легитимизирует активную государственную политику, но с важной оговоркой из испанского опыта, так как общество ждет не директивного управления, а эффективного партнерства с бизнесом. Данные о предпочтении смешанного (публично-частного) финансирования (41 % в Испании) — это мощный аргумент для развития в России институтов государственно-частного партнерства (ГЧП) в НИОКР, создания механизмов софинансирования и венчурных фондов с госучастием. Это путь к снижению рисков для бизнеса и повышению эффективности расходования бюджетных средств.

Исследование доказывает, что успех зависит не только от формальных институтов (технопарки, гранты), но и от ценностей, норм и социального капитала. Для России это означает необходимость инвестировать не только в инфраструктуру, но и в «мягкую» среду — популяризацию науки, поддержку научного коммуникатора, развитие культуры предпринимательского риска и доверия внутри научно-производственных коллективов.

Выявленная в Испании сильная связь между ценностью образования и инновационным восприятием подтверждает стратегическую важность реформы и поддержки образования (особенно STEM) для России. Инновации — это следствие качества человеческого капитала.

Значение данного исследования для России заключается в том, что оно смещает фокус с чисто технократического подхода к инновациям (строительство инфраструктуры) к социотехническому. Оно показывает, что ядром успешной национальной инновационной системы является не только технология, но и человек с его ценностями, установками и готовностью поддерживать изменения. Адаптация этого подхода позволит России строить более устойчивую, легитимную и, как следствие, эффективную инновационную экономику, основанную на понимании и поддержке со стороны общества.

Библиографический список

1. Boltanski, Luc., Chiapello, Ives. *El nuevo espíritu del capitalismo*. Madrid: Akal. 2002.
2. Bourdieu, Pierre. *The Forms of Capital*. En: Richards, J.G. (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press. 1986.
3. Burt, Ronald S. *Structural Holes*. Cambridge: Harvard University Press. 1992.
4. Cozzens, Susan E. *Innovation and Inequality*. Atlanta: School of Public Policy, Georgia Institute of Technology. 2008. Working Paper #30.
5. Fernandez Esquinas, Manuel; Gonzalez de la Fe, Marta Teresa y Ostrom, Madelon. *van Innovaciyn y sociedad: una exploraciyn de las actitudes, capacidades y comportamientos innovadores de la poblaciyn espacola* / Manuel Fernandez Esquinas, Maria Teresa Gonzalez de la Fe y Madelon van Ostrom. — Madrid: Centro de Investigaciones Sociolygicas, 2022. P. 82.
6. Ferrari, Michael y Granovetter, Mark. *Social Networks and Innovation*. En: Bathelt, H. (ed.). *The Elgar Companion to Innovation and Knowledge Creation*. Cheltenham: Edward Elgar. 2017.

7. Hitlin, Steven y Piliavin, Jane A. Values: Reviving a Dormant Concept // *Annual Review of Sociology*, 2004. № 30. Pp. 359-393.
8. Inglehart, Ronald, Welzel, Christian *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
9. Lamo de Espinosa, E. *Sociedades de cultura, sociedades de ciencia*. Madrid: Nobel. 1996.
10. Svarck, Jadranka y Laznjak, Jasminka *Innovation Culture in Crony Capitalism. Does Hofstede's Model Matter?* Zagreb: Ivo Pilar Institute of Social Sciences. 2017.
11. Гарафиев И.З. Взаимосвязь инноваций и социального развития в современных теориях общества / И.З. Гарафиев // *Вестник СГТУ*. 2012. № 1.
12. Гуцаленко, Л.А. Противоречивость инновационного процесса и самовыражение личности / Л.А. Гуцаленко // *Новое в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
13. Давыдов А. А. Трансфер инноваций между Россией и ЕС: прорывы и препятствия в сотрудничестве через Horizon Europe, EUREKA и ERA.NetRUSplus / А.А. Давыдов // *Система научных ценностей российского общества: междисциплинарные исследования: Сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием, Казань, 22 мая 2024 года*. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС». 2024. С. 64–66.
14. Имгрунт С.И. Методологический конструкт изучения специфики формирующейся национальной инновационной системы России / С.И. Имгрунт, Э.Э. Эмирбекова, М.А. Гнатюк, Е.Е. Шулятьев // *Гуманитарий Юга России*. 2016. Т. 17, № 1.
15. Фирсова Н.Ю. Предвестник исследований диффузии инноваций Габриэль Тард: «Общество — это подражание» / Н.Ю. Фирсова // *Социология власти*. 2012. № 6–7.

References

1. Boltanski, Luc., Chiapello, Ives. *El nuevo espíritu del capitalismo*. Madrid: Akal. 2002.
2. Bourdieu, Pierre. *The Forms of Capital*. En: Richards, J.G. (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press. 1986.
3. Burt, Ronald S. *Structural Holes*. Cambridge: Harvard University Press. 1992.
4. Cozzens, Susan E. *Innovation and Inequality*. Atlanta: School of Public Policy, Georgia Institute of Technology. 2008. Working Paper #30.
5. Fernandez Esquinas, Manuel; Gonzalez de la Fe, Marta Teresa y Ostrom, Madelon. *van Innovaciyn y sociedad: una exploraciyn de las actitudes, capacidades y comportamientos innovadores de la poblaciyn espacola* / Manuel Fernandez Esquinas, Maria Teresa Gonzalez de la Fe y Madelon van Ostrom. — Madrid: Centro de Investigaciones Sociologicas, 2022. P. 82.
6. Ferrari, Michael y Granovetter, Mark. *Social Networks and Innovation*. En: Bathelt, H. (ed.). *The Elgar Companion to Innovation and Knowledge Creation*. Cheltenham: Edward Elgar. 2017.
7. Hitlin, Steven y Piliavin, Jane A. *Values: Reviving a Dormant Concept* // *Annual Review of Sociology*, 2004. №30. Pp. 359-393.
8. Inglehart, Ronald, Welzel, Christian. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
9. Lamo de Espinosa, E. *Sociedades de cultura, sociedades de ciencia*. Madrid: Nobel. 1996.
10. Svarck, Jadranka y Laznjak, Jasminka. *Innovation Culture in Crony Capitalism. Does Hofstede's Model Matter?* Zagreb: Ivo Pilar Institute of Social Sciences. 2017.
11. Garafiev, I.Z. *Vzaimosvyaz` innovacij i social`nogo razvitiya v sovremenny`x teoriyax obshhestva* / I.Z. Garafiev // *Vestnik SGTU*. 2012. № 1.

12. Guczalenko L.A. Protivorechivost` innovacionnogo processa i samovy`razhenie lichnosti / L.A. Guczalenko / L.A. Guczalenko // *Novoe v sociologii: monografiya / otv. red. Zh.T. Toshhenko. M.: YuNITI-DANA, 2013.*
13. Davy`dov A.A. innovacij mezhdru Rossiej i es: prory`vy` i prepyatstviya v sotrudnichestve cherez Horizon Europe, EUREKA i ERA.Net RUS Plus / A.A. Davy`dov // *Sistema nauchny`xcennostejrossijskogoobshhestva: mezhdisciplinarny`eissledovaniya: SbornikstatejNacional`noj (Vserossijskoj) nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodny`muchastiem, Kazan`, 22 maya 2024 goda. Ufa: Obshhestvo s ogranichennojotvetstvennost`yu OMEGA SAJNS. 2024. S. 64-66.*
14. Imgrunt S.I. Metodologicheskij konstrukt izucheniya specifiki formiruyushhejsya nacional`noj innovacionnoj sistemy` Rossii / S.I. Imgrunt, E`.E`. E`mirbekova, M.A. Gnatyuk, E.E. Shulyat`ev // *Gumanitarij Yuga Rossii. 2016. T. 17, № 1.*
15. Firsova N.Yu. Predvestnik issledovaniy diffuzii innovacij Gabrie`l` Tard: «Obshhestvo — e`topodrazhanie» / N.Yu. Firsova // *Sociologiya vlasti. 2012. № 6–7.*

Контактная информация / Contact Information

ФГБУ «Государственная Публичная научно-техническая библиотека»

123298, г. Москва, ул. 3-я Хорошевская, д. 17

State Public Scientific and Technical Library

3rd Khoroshevskaya St., Building 17, 123298, Moscow, Russia

Большакова Юлия Михайловна / Yulia M. Bolshakova

project.edu.2024@gmail.com

orcid. 0000-0002-4884-2077, Scopus Author ID: 56993943400,

SPIN-код: 5762-8168, AuthorID: 875873

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-162-182
EDNQCTHMY

**ПРАКТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДИКИ
ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРИНИМАЕМЫХ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
РЕШЕНИЙ
В ОРГАНИЗАЦИЯХ**
**THE PRACTICAL
POTENTIAL
OF THE METHODOLOGY
FOR IMPROVING
THE EFFECTIVENESS
OF MANAGERIAL
DECISION-MAKING
IN ORGANIZATIONS**

ДРОЗДОВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА
 Санкт-Петербургский государственный
 архитектурно-строительный университет,
 доктор экономических наук, профессор

IRINA V. DROZDOVA
 Saint Petersburg State University of Architecture
 and Civil Engineering, doctor of Sciences
 in Economics, Professor

ЛЕВИН ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
 Московский государственный институт
 международных отношений (университет)
 министерства иностранных дел Российской
 Федерации, профессор кафедры национальной
 экономики и экономического регулирования,
 доктор экономических наук, профессор

YURY A. LEVIN
 Moscow State Institute of International Relations
 (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the
 Russian Federation, professor of the Department
 of National Economy and Economic Regulation;
 Doctor of Sciences in Economics, Professor

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ
 Санкт-Петербургский государственный
 аграрный университет, декан факультета,
 доктор экономических наук

ALEXANDER A. PETROV
 Saint Petersburg State Agrarian University,
 Dean of the Faculty, Doctor of Economics

ТОКУНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА
 Санкт-Петербургский государственный
 архитектурно-строительный университет,
 доктор экономических наук, профессор

GALINA F. TOKUNOVA
 Saint Petersburg State University of Architecture
 and Civil Engineering, doctor of Sciences
 in Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

Анализируется методика повышения эффективности принимаемых управленческих решений в организациях, разработанных в научной школе «Методологические проблемы эффективности региональных инвестиционно-строительных комплексов как самоорганизующейся и самоуправляемой системы» под руководством профессора А.Н. Асаула на предмет практической ценности в современных условиях.

ABSTRACT

This paper analyzes the methodology for improving the effectiveness of management decisions in organizations, developed by the scientific school «Methodological Problems of the Efficiency of Regional Investment and Construction Complexes as Self-Organizing and Self-Governing Systems» under the guidance of Professor A. N. Asaul, for its practical value in modern conditions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Принимаемые управленческие решения, повышение результативности управленческих решений в организациях, разработано в научной школе.

KEYWORDS

Management decisions, improving the effectiveness of management decisions in organizations, developed within a scientific school.

ВВЕДЕНИЕ

Разработка и принятие управленческих решений занимают центральное место в менеджменте организаций. От качества и обоснованности принятых управленческих решений во многом зависит эффективность функционирования организаций в долгосрочной перспективе [1]. В современных условиях нестабильности внутренней и внешней среды особую актуальность приобретает поиск методов повышения

результативности управленческих решений. Научная школа «Методологические проблемы эффективности региональных инвестиционно-строительных комплексов как самоорганизующейся и самоуправяемой системы» (основатель и лидер — профессор А.Н. Асаул) при Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете [2–5] внесла значительный вклад в теорию и практику этого вопроса. Под редакцией заслуженного деятеля науки РФ, д.э.н., профессора А.Н. Асаула опубликована монография «Теория и практика разработки, принятия и реализации управленческих решений в предпринимательстве» [6], где представлена методика поэтапной оценки и повышения эффективности управленческих решений. В настоящей работе рассматривается развитие теоретических положений и методологических подходов А.Н. Асаула, а также анализируется практическое применение предложенной им методики.

Актуальность проявляется в том, что в настоящее время выявлены проблемы по повышению эффективности разработки и принятия управленческих решений (необъективность анализа, поспешность, одновариантность решений и др.) реально присутствует в менеджменте организаций и приводит к значительным потерям.

Цель исследования: провести анализ и дать оценку потенциалу методики поэтапной оценки эффективности принимаемых управленческих решений в развитии. Объект исследования: теоретические положения, методологические подходы и практические рекомендации по повышению эффективности разработки и принятия управленческих решений в организациях. Предмет: методика повышения эффективности принимаемых управленческих решений в организациях.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая основа исследования: современная диалектическая философия и экономическая теория, академические принципы и методы исследования социально-экономических процессов. Основные методы: системный подход и анализ научных трудов по проблеме исследования, сравнения, сопоставления и обобщения. Информационная база: результаты исследования научной школы «Методологические проблемы эффективности региональных ИСК как самоорганизующейся и самоуправляемой системы», отечественные и зарубежные публикации по проблемам повышения эффективности разработки и принятия управленческих решений.

ОБСУЖДЕНИЕ

Методика повышения эффективности управленческих решений, разработанная А.Н. Асаулом и соавторами, представляет собой структурированный процесс из шести основных этапов. Каждый этап включает инструменты анализа и контроля, образуя своеобразный «аппарат контроля и регулирования» процесса принятия решений [7], охватывает весь цикл работы с управленческим решением — от выявления и формулирования проблемы до реализации решения и последующего контроля результатов. На каждом этапе предполагается оценка эффективности проделанных действий, корректировка дальнейших шагов при необходимости [8], что позволяет выявлять узкие места и причины снижения качества решений на ранних стадиях.

Методика опирается на принцип процедурной рациональности: строгое соблюдение технологической последовательности этапов разработки и выбора решения должно

вести к более обоснованным и качественным решениям [9]. Шесть основных этапов методики (по данным монографии [6]) включают примерно следующее: 1) распознавание проблемы или неиспользованной возможности, требующей управленческого решения; 2) диагностика ситуации и сбор необходимой информации; 3) разработка альтернативных вариантов решения; 4) оценка вариантов по системе критериев эффективности; 5) выбор оптимального решения; 6) организация исполнения принятого решения и контроль выполнения с обратной связью [10–13]. На каждом этапе предусматривается использование соответствующих методов (количественных, экспертных, аналитических и др.) для оценки качества принятых промежуточных решений [14–16].

Практическое значение методики состоит в том, что она дает руководителям четкий алгоритм действий при проработке сложных управленческих проблем. Следование этапам методики дисциплинирует процесс мышления руководителя, не позволяет перескакивать через важные стадии анализа. Например, исследования Асаула и коллег показали, что на практике многие руководители действуют интуитивно и ограничиваются рассмотрением первого же приемлемого варианта решения — так поступают 79 % опрошенных менеджеров. Кроме того, 61,8 % руководителей нарушают последовательность этапов и переходят к следующему шагу, не завершив полностью предыдущий, что подрывает рациональность процесса. Методика же нацелена на то, чтобы менеджеры генерировали несколько альтернатив, тщательно сравнивали их и следовали структуре процесса до финальной стадии. Авторы разработали систему показателей для оценки эффективности решения на каждом этапе, позволяющую

количественно замерять результативность управленческого решения на разных фазах внедрения.

Методика интегрирует теоретические подходы с практическими инструментами управления, обобщает лучшие практики разработки решений и дополняет их авторскими разработками. В монографии [6] даны конкретные рекомендации по применению методики в деятельности организаций, а также пути совершенствования самой методики на основе обратной связи от практики.

ПРИМЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

1. *Инвестиционно-строительная сфера (исток методики).* Научная школа изначально формировалась в контексте экономики строительства и предпринимательства. Еще в 1997 году А.Н. Асаулом защищена докторская диссертация по методологии эффективной организации предпринимательской деятельности в ИСК [17]. Многие идеи, впоследствии легшие в основу методики, прорабатывались на материале проектно-строительных организаций [18]. Одним из первых полей применения методологических подходов Асаула стала инвестиционно-строительная сфера — через исследования ее инвестиционных и управленческих процессов.

2. *Субъект предпринимательства в регионах России и СНГ.* Методика Асаула нашла отражение в исследованиях управленческих процессов в организациях различных видов экономической деятельности на постсоветском пространстве. Так, в Донецкой и Луганской Народных Республиках проведена оценка качества системы принятия управленческих решений на предприятиях пищевой промышленности, сферы сервиса и торговли. Исследователи И.А. Ангелина

и Е.С. Кожухова [19] разработали собственную методику параметрической оценки качества решений, ссылаясь при этом на труды А.Н. Асаула и соавторов как на теоретическую основу. В их работе прямо цитируется монография [6] как ключевой источник при обосновании параметров и критериев качества решений. Результатом применения методики (в адаптированном виде) стало выявление узких мест в процессах выработки решений на ряде локальных организаций и формулирование рекомендаций по их устранению. Например, анализ в ДНР/ЛНР выявил типичные недостатки: отсутствие системного сбора информации, недостаточная альтернативность решений и пр., что созвучно тем проблемам, на которые указывал Асаул А.Н.

3. *Исследования вузов РФ.* Методика Асаула активно цитируется (> 100) и развивается отечественными учеными в области менеджмента. В Ставропольском государственном аграрном университете группа преподавателей предложила алгоритм совершенствования процесса принятия управленческих решений в организации [20], фактически реализующий принципы, заложенные в методике А.Н. Асаула. В списке литературы прямо упоминается кандидатская диссертация О.С. Коваля, выполненная под руководством д.э.н., профессора А.Н. Асаула, как один из фундаментальных источников. Ставропольские исследователи адаптировали методику поэтапного принятия решений к своим задачам. Их работа ориентирована на обобщенный тип организаций и имела целью повысить технологичность управленческого процесса за счет устранения ошибок на каждой стадии.

4. *Социологические и междисциплинарные исследования.* Социолог Е.В. Левина проанализировала особенности принятия решений в организациях разного типа, и [22] она

опирается на классические и современные подходы процесса принятия решений. При описании стандартных стадий разработки и реализации решения автор ссылается на монографию, отмечая, что процесс включает этапы: осознание необходимости решения, выработка альтернатив и критериев, выбор, исполнение и контроль с обратной связью [6, с. 15], что подтверждает распространение идей профессора А.Н. Асаула в смежных областях (социология управления) и свидетельствует о междисциплинарной значимости методологических положений, как база для исследований групповой динамики принятия решений, социальных технологий командной работы и т.п.

5. *Международный и образовательный контекст.* Методика А.Н. Асаула, через публикации и конференции [7, 23], проникла на международный уровень. Ключевые результаты были опубликованы на украинской площадке (Киев, «Экономика Украины», и г. Ровно), что позволило ознакомить с методикой широкую аудиторию ученых в соседней стране. Кроме того, в том же году издана статья о системе показателей эффективности решений в международном журнале (International Journal of Applied and Fundamental Research), где также излагались основы методики. Это говорит о стремлении авторов заявить о своих разработках за пределами РФ.

Помимо научных статей, методика Асаула внедрена в образовательный процесс подготовки управленцев. Книга [6] включена в рекомендованные списки литературы для программ по менеджменту. Например, в Высшей школе экономики (НИУ ВШЭ) она значится среди основной литературы курса по разработке и принятию управленческих решений. Отдельные положения методики цитируются в учебных изданиях. Образовательная сфера является еще одной

областью применения: будущие менеджеры знакомятся с методикой на лекциях, изучают примеры ее использования. Это способствует распространению идей А.Н. Асаула и, потенциально, их применению молодыми специалистами на практике.

6. *Смежные сферы управления.* Отдельный вопрос — использовалась ли методика в государственном управлении и образовании. Профессор А.Н. Асаул в своих работах [24–27] отмечал, что государство как субъект управления принимает решения, охватывающие все общество, и, по сути, применимы те же законы и подходы, что и в корпоративном управлении. В приложениях к ряду изданий [28–30] его коллектив рассматривал процедуры принятия государственных решений наряду с корпоративными. Это означает, что методологические принципы могут быть адаптированы и к публичному управлению — тем более, что там остро стоит задача повышения обоснованности государственных решений.

В сфере образования методика упоминается преимущественно в контексте управления образовательными организациями и разработки управленческих решений директорами школ, вузов и т.д. Здесь элементы методики (сбор информации, альтернативность, анализ рисков) преподносятся как часть общей культуры управленческого решения. Например, в книге [31] изложены исследования по управлению университетами, имеется более 250 прямых ссылок. То есть через учебные пособия и научные статьи методика оказывает влияние на управленцев в образовании, предлагая им структурированный способ думать о решениях.

География и сферы применения методики достаточно широки. Везде, где возникает необходимость улучшить процесс принятия решений, идеи профессора А.Н. Асаула

оказываются востребованными. Однако следует учесть, что чаще методика используется в научно-методических работах, тогда как прямых отчетов о ее практической реализации на уровне конкретных организаций не так много.

Анализ и выводы

Методика заслуженного деятеля науки РФ, профессора А.Н. Асаула по повышению эффективности управленческих решений получила признание в академической среде и нашла отражение в ряде эмпирических исследований. Большинство упоминаний методики — это научные статьи, диссертации, учебные материалы, где она либо описывается теоретически, либо проверяется на небольших выборках. Это позволяет сделать вывод, что методика преимущественно служит инструментом диагностики и обучения, но пока не оформлена как готовый консалтинговый продукт, широко используемый субъектами экономической деятельности.

Вместе с тем влияние методики на практику прослеживается опосредованно. Например, исследования в Донецке и Луганске (2021) показали типичные проблемы процесса принятия решений, совпадающие с теми, на которые указывал профессор А.Н. Асаул: недостаточная проработка альтернатив, слабое информационное обеспечение, нарушения последовательности этапов. То есть проблемы, выявленные методикой, реально присутствуют в деятельности организаций. Рекомендации, по итогам таких исследований, по сути, соответствуют внедрению элементов методики в практику управления, т.е. методика вливается в практику через осознание проблем: менеджеры начинают больше внимания уделять ранним этапам (формулировке проблемы, анализу данных) и критически оценивают свои решения на каждом шаге.

Подводя итог, можно заключить, что методика А.Н. Асаула и его соавторов заняла достойное место в ряду научных подходов совершенствования управленческих решений. В ней обобщен предыдущий управленческий опыт, предложена ясная структура и дан импульс новым исследованиям. Ее практическая ценность подтверждается тем, что многие выявленные ею проблемы (нехватка анализа, поспешность, одновариантность решений) реально присутствуют в менеджменте организаций и приводят к потерям. Методика предлагает способы эти проблемы решить — через обучение менеджеров и реформирование процессов принятия решений внутри организаций. Хотя еще рано говорить о массовом распространении методики в корпоративной среде, ее идеи постепенно проникают в практику посредством подготовки управленцев нового поколения и точечных проектов улучшения управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, методика, предложенная заслуженным деятелем науки РФ, профессором А.Н. Асаулом опирается на прочную теоретическую базу и представляет собой многоэтапный алгоритм, обеспечивающий комплексную оценку и повышение эффективности управленческих решений. Во-вторых, методика нашла отражение во множестве научных трудов — как самих авторов, так и независимых исследователей — что подтверждает ее научную востребованность и универсальность. В-третьих, примеры применения (Донбасс, Ставрополь, др.) показали, что методика может адаптироваться к различным видам экономической деятельности и масштабам организаций. При этом выявляются сходные проблемы

принятия решений, а реализация рекомендаций методики способствует улучшению управленческих процессов. Методики в системе госуправления или образования немного, принципы методики созвучны подходам, применяемым в этих сферах, и могут быть интегрированы при желании.

То есть обладает значимым практическим потенциалом: служит ориентиром для руководителей, стремящихся принимать более обоснованные и эффективные решения. Реализация этого потенциала зависит от готовности организаций инвестировать время и ресурсы в систематизацию своего процесса принятия решений. На сегодняшний день методика, главным образом, выполняет образовательную и диагностическую функцию, помогая выявить резервы улучшения управления. Но, по мере усиления конкуренции и усложнения внешней среды, спрос на такие инструменты будет расти. Таким образом, работы профессора А.Н. Асаула и его последователей, посвященные эффективному принятию решений, сохраняют актуальность и имеют все шансы получить дальнейшее развитие как в научной, так и в прикладной плоскости.

Библиографический список

1. Управление фирмой на основе разработки стратегий ее развития. Асаул А.Н., Денисова И.В., Матвеев Ю.Л., Фролов В.И. — СПб.: Гуманитарика, 2003. 217 с.
2. Асаул А.Н. Научная школа — структура, где формируется критическая масса единомышленников // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2011. № 9. С. 72–74.
3. Асаул А.Н. Деятельность научной школы «Методологические проблемы эффективности ИСК как самоорганизующейся и самоуправяемой системы» на благо России / Саморазвитие, самоуправление и трансформационные изменения в инвестиционно-

- строительной сфере: материалы XV Междунар. научн. конф. — СПб.: АНО «ИПЭВ», 2013. С. 29–60.
4. Асаул А.Н. Деятельность научной школы как условие реализации мобильности отечественной экономики строительства // Саморазвитие, самоуправление и трансформационные изменения в инвестиционно-строительной сфере: материалы XV Междунар. научн. конф., том 1. — СПб.: АНО «ИПЭВ», 2013. С. 9–14. — EDNWIETPB.
 5. Асаул А.Н. Научная школа «Методологические проблемы эффективности региональных ИСК как самоорганизующейся и самоуправляемой системы». Истоки, этапы и результаты // Технологическое предпринимательство и коммерциализация в инвестиционно-строительной сфере (Часть 1): материалы Междунар. XX научн. конф. — СПб.: АНО «ИПЭВ», 2018. С. 13–48.
 6. Теория и практика разработки, принятия и реализации управленческих решений в предпринимательстве. Асаул А.Н., Грахов В.П., Коваль О.С., Рыбнов Е.И. — СПб.: АНО «ИПЭВ», 2014. — 304 с.
 7. Асаул А.Н., Коваль О.С. Основные направления повышения качества и эффективности разработки и принятия управленческих решений в предпринимательских структурах // Экономика Украины. — 2012. — № 11. — С. 29–37.
 8. Асаул А.Н., Коваль О.С. Система показателей поэтапной эффективности разработки и принятия управленческого решения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2012. № 10. С. 53–61.
 9. Асаул А.Н., Люлин П.Б. Рекомендации по реализации модели управления субъектом предпринимательской деятельности как живой системой на разных этапах жизненного цикла // Экономика и управление, 2013. № 5 (91). С. 51–57.
 10. Асаул А.Н. Формирование системы управления строительным комплексом в современных условиях // Региональные и отраслевые

- проблемы инвестиционной политики: материалы Междунар. научн. конф., МАИЭС. — Владимир: Вл.ГУ, 2002.
11. Асаул А.Н., Асаул Н.А., Симонов А.В. Формирование и оценка эффективности организационной структуры управления в компаниях инвестиционно-строительной сферы / СПб.: ГАСУ, 2009. 258 с. DOI: 10.175131, пр. 311.
 12. Асаул А.Н., Грахов В.П., Коваль О.С., Рыбнов Е.И. Теория и практика разработки, принятия и реализации управленческих решений в предпринимательстве // Международный журнал экспериментального образования. 2015, № 8-2. С. 276–277.
 13. Асаул А.Н., Белоус А.Б. Состояние экономической теории и методологии в решении проблемы управляемости // Регион: политика, экономика, социология, 2002. № 3-47. С. 24–27.
 14. Асаул А.Н., Князь И.П., Коротаева Ю.В. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса // Современные наукоемкие технологии, 2016. № 2. С. 141.
 15. Асаул А.Н., Павлов В.И., Бескиерь Ф.И., Мышко О.А. Менеджмент корпорации и корпоративное управление. — СПб.: Гуманистика, 2006. 328 с.
 16. Асаул А.Н., Абаев Х.С., Молчанов Ю.А. Теория и практика управления и развития имущественных комплексов. — СПб.: Гуманистика, 2006. 240 с.
 17. Асаул А.Н. Методология и методика эффективной организации предпринимательской деятельности в строительном комплексе: диссертация доктора экономических наук: 08.00.30. — Санкт-Петербург, 1997. 386 с. URL: <https://search.rsl.nu/ru/record/01000175418>.
 18. Асаул А.Н. Предпринимательская деятельность в строительном комплексе (экономические проблемы). ИСЭП РАН. 1996. 236 с.
 19. Ангелина И.А., Кожухова Е.С. Оценка качества системы формирования управленческих решений предприятий // Экономика,

- предпринимательство и право. — 2021. — Т. 11, № 12. — С. 2721–2736.
20. Звягинцева О.С., Кенина Д.С., Черникова Л.И., Исаенко А.П. Совершенствование процесса принятия управленческих решений в организации // Российский экономический интернет-журнал. — 2018. — № 2. — С. 30.
 21. Коваль О.С. Развитие технологии процесса принятия и реализации управленческих решений в предпринимательских структурах: дис... канд. экон. наук. — СПб: СПбГУУЭ, 2012. — 163 с.
 22. Левина Е.В. Принятие и реализация управленческих решений в организациях разного типа // International Research Journal. — 2017. — № 9(63). — С. (на рус. яз.) 74–79.
 23. Асаул А.Н. Менеджмент и корпоративное управление корпорацией // Корпоративне управління в Україні: менеджмент, фінанси, аудит: матеріали Міжнар. научн.-практ. конф. Рівне: НУВГП, 2006.
 24. Асаул А.Н., Капаров Б.М. Управление социально-экономическими системами с позиций теории самоорганизации // Экономическое возрождение России в XXI веке: материалы российской науч.-практ. конф. — М.; СПб.: ВЭО, 2006. С. 329–335.
 25. Асаул А.Н., Анисимов В.Г., Тузов В.А. Управление в экономических и социальных системах // Экономическое возрождение России. № 1. 2007. С. 79–82.
 26. Асаул А.Н. Корпоративное управление и корпоративные отношения: сущность и проблемы // Экономическое возрождение России, 2008. № 1 (15). С. 3–6.
 27. Асаул А.Н., Абаев Х.С., Молчанов Ю.А. Управление, эксплуатация и развитие имущественных комплексов. — СПб.: Гуманистика, 2007. 240 с.
 28. Асаул А.Н., Князь И.П., Коротаева Ю.В. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса. — СПб.: АНО ИПЭВ, 2007. 224 с.

29. Асаул А.Н., Джаман М.А. Антикризисное управление корпоративными структурами в инвестиционно-строительном комплексе. — СПб.: СПбГАСУ, 2001. 253 с.
30. Асаул А.Н., Джаман М.А. Управление предприятием в условиях кризиса // Регион: политика, экономика, социология, 2001. № 2–3. С. 40–44.
31. Асаул А.Н., Капаров Б.М. Управление высшим учебным заведением в условиях инновационной экономики. Научное и учебно-методическое справочное пособие / СПб.; «Гуманистика», 2007, 280 с.

References

1. Upravlenie firmoj na osnove razrabotki strategij ejo razvitija, Asaul A.N., Denisova I.V., Matveev Ju.L., Frolov V.I. SPb.: Gumanistika, 2003. 217 s.
2. Asaul A. N. nauchnaja shkola – struktura, gde formiruetsja kriticheskaja massa edinomyshlennikov // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij, 2011. № 9. S. 72-74.
3. Asaul A.N. Dejatel'nost' nauchnoj shkoly «Metodologicheskie problemy jeffektivnosti ISK kak samoorganizujushhejsja i samoupravljaemoj sistemy» na blago Rossii / Samorazvitie, samoupravlenie i transformacionnye izmenenija v investicionno-stroitel'noj sfere: materialy XV Mezhdunar. nauchn. konf. SPb.: ANO «IPJeV», 2013. S. 29-60.
4. Asaul A.N. Dejatel'nost' nauchnoj shkoly kak uslovie realizacii mobil'nosti otechestvennoj jekonomiki stroitel'stva // Samorazvitie, samoupravlenie i transformacionnye izmenenija v investicionno-stroitel'noj sfere : materialy XV Mezhdunar. nauchn. konf., Tom 1. – SPb.: ANO «IPJeV», 2013. S. 9-14. – EDN WIETPB.
5. Asaul A.N. Nauchnaja shkola «Metodologicheskie problemy jeffektivnosti regional'nyh ISK kak samoorganizujushhejsja i samoupravljaemoj sistemy». Istoki, jetapy i rezul'taty // Tehnologicheskoe predprinimatel'stvo i kommercializacija v investicionno-stroitel'noj sfere (Chast' 1):

- materialy Mezhdunar. XX nauchn. konf. – SPb.: ANO «IPJeV», 2018. S. 13-48.
6. Teorija i praktika razrabotki, prinjatija i realizacii upravlencheskih reshenij v predprinimatel'stve. Asaul A.N., Grahov V.P., Koval' O.S., Rybnov E.I. – SPb.: ANO «IPJeV», 2014. – 304 s.
 7. Asaul A.N., Koval' O.S. Osnovnye napravlenija povyshenija kachestva i jeffektivnosti razrabotki i prinjatija upravlencheskih reshenij v predprinimatel'skih strukturah // Jekonomika Ukrainy. – 2012. – № 11. – S. 29–37.
 8. Asaul A.N., Koval' O.S. Sistema pokazatelej pojetapnoj jeffektivnosti razrabotki i prinjatija upravlencheskogo reshenija // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij, 2012. № 10. S. 53-61.
 9. Asaul A.N., Ljulin P.B. Rekomendacii po realizacii modeli upravlenija sub#ektom predprinimatel'skoj dejatel'nosti kak zhivoj sistemoj na raznyh jetapah zhiznennogo cikla // Jekonomika i upravlenie, 2013. № 5 (91). S. 51-57.
 10. Asaul A.N. Formirovanie sistemy upravlenija stroitel'nyh kompleksom v sovremennyh uslovijah // Regional'nye i otraslevye problemy investicionnoj politiki: materialy Mezhdunar. nauchn. konf., MAIJeS. Vladimir: VI.GU, 2002.
 11. Asaul A.N., Asaul N.A., Simonov A.V. Formirovanie i ocenka jeffektivnosti organizacionnoj struktury upravlenija v kompanijah investicionno-stroitel'noj sfery / SPb.: GASU. 2009. 258 s. DOI: 10.175131, pr. 311.
 12. Asaul A.N., Grahov V.P., Koval' O.S., Rybnov E.I. Teorija i praktika razrabotki, prinjatija i realizacii upravlencheskih reshenij v predprinimatel'stve // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. 2015, № 8-2. C. 276-277.
 13. Asaul A.N., Belous A. B. Sostojanie jekonomicheskoy teorii i metodologii v reshenii problemy upravljaemosti // Region: politika, jekonomika, sociologija, 2002. № 3-47. C. 24-27.

14. Asaul A.N., Knjaz' I.P., Korotaeva Ju. V. Teorija i praktika prinjatija reshenij po vyhodu organizacij iz krizisa // *Sovremennye naukoemkie tehnologii*, 2016. № 2. C. 141.
15. Menedzhment korporacii i korporativnoe upravlenie. Asaul A.N., Pavlov V.I., Beskier' F.I., Myshko O. A. SPb.: Gumanistika, 2006. 328 s.
16. Asaul A. N., Abaev H. S., Molchanov Ju. A. Teorija i praktika upravljenja i razvitija imushhestvennyh kompleksov. SPb.: Gumanistika, 2006. 240 s.
17. Asaul A.N. Metodologija i metodika jeffektivnoj organizacii predprinimatel'skoj dejatel'nosti v stroitel'nom komplekse: dissertacija doktora jekonomicheskikh nauk: 08.00.30, Sankt-Peterburg, 1997. 386 s. URL: <https://search.rsl.nu/ru/record/01000175418>.
18. Asaul A.N. Predprinimatel'skaja dejatel'nost' v stroitel'nom komplekse (jekonomicheskie problemy). ISJeP RAN. 1996. 236 s.
19. Angelina I.A., Kozhuhova E.S. Ocenka kachestva sistemy formirovanija upravlencheskih reshenij predpriyatij // *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. – 2021. – T. 11, № 12. – S. 2721–2736.
20. Zvjaginceva O.S., Kenina D.S., Chernikova L.I., Isaenko A.P. Sovershenstvovanie processa prinjatija upravlencheskih reshenij v organizacii // *Rossijskij jekonomicheskij internet-zhurnal*. – 2018. – № 2. – S. 30.
21. Koval' O.S. Razvitie tehnologii processa prinjatija i realizacii upravlencheskih reshenij v predprinimatel'skikh strukturah: dis... kand. jekon. nauk. – SPb: SPbGUUJe, 2012. – 163 s.
22. Levina E.V. Prinjatie i realizacija upravlencheskih reshenij v organizacijah raznogo tipa // *International Research Journal*. – 2017. – № 9(63). – S. (na rus. jaz.) 74–79.
23. Asaul A.N. Menedzhment i korporativnoe upravlenie korporacij // *Korporativne upravlinnja v Ukraïni: menedzhment, finansy, audit: materialy Mizhnar. nauchn.-prakt. konf. Rivne: NUVGP*, 2006.
24. Asaul A.N., Kaparov B.M. Upravlenie social'no-jekonomicheskimi sistemami s pozicij teorii samoorganizacii // *Jekonomicheskoe*

- возрождение России в XXI веке: материалы российской науч.-практ. конф. М.; СПб.: ВJeO, 2006. С. 329-335.
25. Asaul A.N., Anisimov V.G., Tuzov V.A. Upravlenie v jekonomicheskikh i social'nyh sistemah // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. № 1. 2007. S. 79-82.
 26. Asaul A.N. Korporativnoe upravlenie i korporativnye otnoshenija: sushhnost' i problemy // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2008. № 1 (15). S. 3-6.
 27. Upravlenie, jekspluatacija i razvitie imushhestvennyh kompleksov. Asaul A.N., Abaev H.S., Molchanov Ju.A. SPb.: Gumanistika, 2007. 240 s.
 28. Teorija i praktika prinjatija reshenij po vyvodu organizacij iz krizisa. Asaul A.N., Knjaz' I.P., Korotaeva Ju.V. SPb.: ANO IPJeV, 2007. 224 s.
 29. Asaul A.N., Dzhaman M.A. Antikrizisnoe upravlenie korporativnymi strukturami v investicionno-stroitel'nom komplekse. SPb.: SPBGASU, 2001. 253 s.
 30. Asaul A.N., Dzhaman M.A. Upravlenie predpriyatijem v uslovijah krizisa // Region: politika, jekonomika, sociologija. 2001, № 2-3. S. 40-44.
 31. Asaul A.N. Kaparov B.M. Upravlenie vysshim uchebnym zavedeniem v uslovijah innovacionnoj jekonomiki. Nauchnoe i uchebno-metodicheskoe spravocnoe posobie / SPb.; «Gumanistika», 2007, 280 s.

Контактная информация / Contact Information

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

190005, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

190005, Saint Petersburg, 2nd Krasnoarmeyskaya St., 4

Дроздова Ирина Валерьевна / Irina V. Drozdova

drozdova@Lan.spbgasu.ru

Петров Александр Алексеевич / Alexander A. Petrov
zusspb@mail.ru

Токунова Галина Федоровна / Galina F. Tokunova
tg608@mail.ru

Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

119454, Russia, Moscow, 76 Vernadsky Avenue

Левин Юрий Анатольевич / Yury A. Levin
u.levin@odin.mgimo.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-183-218

EDN RFEBUQ

**ФИНАНСОВАЯ
АРХИТЕКТУРА
ЭКСПОРТНО-АГРАРНОЙ
ПОЛИТИКИ СТРАН БРИКС
КАК МЕХАНИЗМ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННО-
ФИНАНСОВОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ**

**FINANCIAL
ARCHITECTURE OF BRICS
EXPORT-ORIENTED
AGRICULTURAL POLICY
AS A MECHANISM
OF FOOD-FINANCIAL
RESILIENCE**

УСЕНКО ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА

Председатель Ростовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования, ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», д.э.н., профессор

LYUDMILA N. USENKO

Chair of the Rostov Regional Branch of the Free Economic Society of Russia, Member of the Presidium of the Free Economic Society of Russia, Academic Supervisor of Rostov State University of Economics (RINH), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Business Activity Analysis and Forecasting, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Doctor of Economics, Professor

ВОВЧЕНКО НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

Проректор по научной работе и инновациям, заведующая кафедрой «Финансы», ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», д.э.н., профессор

NATALYA G. VOVCHEENKO

Vice-Rector for Research and Innovation, Head of the Department of Finance, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Doctor of Economics, Professor

УСЕНКО АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА

Заведующая кафедрой финансового и HR менеджмента, ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», д.э.н., доцент

ANASTASIA M. USENKO

Head of the Department of Financial and HR Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Doctor of Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется финансовая архитектура экспортно-аграрной политики стран БРИКС как механизм продовольственно-финансовой устойчивости в условиях геоэкономической фрагментации, валютной нестабильности, климатических, логистических и санкционных рисков. Актуальность работы определяется тем, что устойчивость аграрного экспорта зависит не только от производственного потенциала, но и от доступности долгосрочного капитала, стоимости финансирования, валютно-расчетной инфраструктуры, страхования, гарантий, проектного финансирования и цифрового сопровождения экспортных цепочек. Теоретическую основу составляют положения современной экономической теории, теории финансового развития, институциональной экономики, теории глобальных цепочек стоимости, международной политической экономики и концепции продовольственной безопасности. Предложено авторское определение финансовой архитектуры экспортно-аграрной политики БРИКС, раскрыто содержание механизма продовольственно-финансовой устойчивости, обоснованы специализация стран и платформенные решения по укреплению устойчивости. Научная новизна состоит в трактовке финансовой архитектуры БРИКС как многоуровневого финансово-инвестиционного механизма, снижающего транзакционные издержки, перераспределяющего риски, повышающего доступность капитала, устойчивость расчетов и непрерывность агропродовольственных экспортных потоков.

ABSTRACT

The article examines the financial architecture of BRICS export-oriented agricultural policy as a mechanism of food-financial resilience under geo-economic fragmentation, currency instability, climate, logistics and sanctions-related risks. The relevance of the study is determined by the fact that agricultural export sustainability increasingly depends not only on production capacity, but also on access to long-term capital, financing costs, settlement infrastructure, insurance, guarantees, project finance and digital support for export value chains. The theoretical framework integrates modern economic theory, financial development theory, institutional economics, global value chain theory, international political economy and food security theory. The article develops an author's definition of BRICS financial architecture, discloses the mechanism of food-financial resilience, substantiates the specialization of countries and platform-based solutions for strengthening resilience. The scientific novelty lies in conceptualising BRICS financial architecture as a multi-level financial-investment mechanism that reduces transaction costs, redistributes risks, improves capital accessibility, strengthens payment stability and supports the continuity of agri-food export flows.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

БРИКС, финансовая архитектура, экспортно-аграрная политика, аграрный экспорт, продовольственно-финансовая устойчивость, Новый банк развития БРИКС, проектное финансирование, расчеты в национальных валютах, экспортные гарантии, страхование рисков, инфраструктурные инвестиции.

KEYWORDS

BRICS, financial architecture, export-oriented agricultural policy, agricultural exports, food-financial resilience, New Development Bank BRICS, project finance, national-currency settlements, export guarantees, risk insurance, infrastructure investment.

ВВЕДЕНИЕ

Современная мировая агропродовольственная система вступила в этап, когда устойчивость продовольственных рынков определяется не только объемами сельскохозяйственного производства, но и качеством финансовых механизмов, обеспечивающих движение продовольствия по всей цепочке: производство, хранение, переработка, логистика, экспорт, страхование, расчеты и доступность конечного потребления. В условиях геоэкономической фрагментации финансовая инфраструктура становится одним из ключевых факторов устойчивости аграрного экспорта, поскольку именно она обеспечивает непрерывность контрактов, снижение риска неплатежей, распределение валютных и климатических рисков, а также возможность модернизации критической инфраструктуры.

Глобальная актуальность проблемы подтверждается статистикой международных организаций. Согласно докладу «Состояние продовольственной безопасности и питания в мире», в 2023 г. около 733 млн человек сталкивались с голодом, 2,33 млрд человек находились в состоянии умеренной или серьезной продовольственной небезопасности, а более 2,8 млрд человек не могли позволить себе здоровый рацион [25]. Эти данные свидетельствуют, что продовольственная проблема имеет не только производственную, но и финансово-институциональную природу: доступность продовольствия зависит от доходов населения, цен, устойчивости торговых каналов, расчетов, страхования поставок и механизмов распределения.

Для стран БРИКС данная проблематика имеет особое значение. Говоря о финансовой архитектуре экспортной аграрной политики БРИКС, можно сказать, что такая архитектура

включает институты, каналы финансирования, расчетные механизмы, гарантии, страхование, проектное финансирование и поддержку торгово-логистической инфраструктуры, охватывая всю цепочку создания стоимости — от поля и элеватора до порта, внешнего рынка и системы расчетов. БРИКС уже выступает одним из ключевых центров глобального продовольственного предложения: на страны объединения приходится значительная часть сельскохозяйственных земель (30 %), морского вылова (около 30 %), аквакультуры (около 70 %) и примерно половина населения мира [12]. Поэтому развитие финансовой архитектуры БРИКС имеет значение не только для экспортной конкурентоспособности стран объединения, но и для устойчивости мирового продовольственного баланса.

Исследовательский вопрос состоит в том, каким образом формирующаяся финансовая архитектура БРИКС влияет на транзакционные издержки, распределение рисков и доступность финансирования в аграрном экспорте и в какой мере она способствует формированию продовольственно-финансовой устойчивости.

Цель исследования — разработать теоретико-прикладное обоснование финансовой архитектуры экспортно-аграрной политики стран БРИКС как системы управления капиталом, рисками и расчетами, обеспечивающей устойчивость аграрных экспортных потоков. Для достижения цели уточняются теоретические основания исследования, предлагается авторское определение финансовой архитектуры, раскрывается механизм продовольственно-финансовой устойчивости, выявляются ключевые финансовые контуры, обосновываются платформенные решения и определяется значение данной архитектуры для России.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая рамка статьи формируется на основе синтеза нескольких направлений экономической и финансовой науки. Современная экономическая теория рассматривает рынок как механизм координации ограниченных ресурсов, а финансовую систему — как инструмент трансформации сбережений в инвестиции, обеспечения движения капитала и распределения рисков [2–3]. Эти положения позволяют рассматривать финансовую архитектуру БРИКС не как набор инструментов обслуживания экспорта, а как систему стимулов, институтов и каналов капитала, обеспечивающих устойчивость агропродовольственных цепочек.

Теория финансового развития обосновывает роль финансовых институтов в мобилизации сбережений, распределении капитала, мониторинге инвестиций, управлении рисками и снижении информационных издержек [13]. В контексте аграрного экспорта БРИКС это означает, что банки развития, экспортно-кредитные агентства, гарантийные механизмы, страхование и долговые инструменты выступают не вспомогательными элементами, а факторами устойчивости экспортных потоков.

Институциональная теория позволяет анализировать финансовую архитектуру через правила, контракты, гарантии, механизмы доверия и снижение транзакционных издержек [18; 22]. Международный аграрный экспорт связан с длительными контрактами, валютными рисками, логистическими задержками, сертификацией, страхованием и политическими ограничениями; следовательно, именно институциональные механизмы определяют способность финансовой системы обеспечивать предсказуемость поставок.

Теория глобальных цепочек стоимости раскрывает аграрный экспорт как комплексную цепочку взаимосвязанных процессов: производство, хранение, переработка, логистика, финансирование, страхование, экспорт и расчеты [14]. В такой логике финансовые инструменты встроены в каждое звено цепочки, а разрыв в расчетах, страховании или кредитовании способен нарушить поставки даже при наличии достаточного объема продукции.

Теория продовольственной безопасности смещает акцент с физического наличия продовольствия на доступность, распределение, платежеспособность, устойчивость рынков и качество институтов [15; 24; 26]. Данный подход важен для темы финансовой архитектуры, поскольку доступ к продовольствию определяется не только урожаем или объемом производства, но и финансовой способностью оплатить, доставить, застраховать и распределить продовольствие.

Финансово-инвестиционный подход к развитию инфраструктурных субъектов усиливает финансовый фокус исследования. Для капиталоемких организаций ключевыми проблемами являются доступность долгосрочного капитала, снижение стоимости финансирования, устойчивость денежных потоков, рост процентных, валютных, регуляторных и геополитических рисков. Поэтому финансово-инвестиционный механизм должен обеспечивать рациональное распределение инвестиционных ресурсов, оптимизацию структуры источников финансирования, снижение средневзвешенной стоимости капитала, управление рисками и согласование финансовых параметров с приоритетами модернизации активов. Синтез указанных подходов позволяет трактовать финансовую архитектуру БРИКС как многоуровневый механизм, соединяющий рыночные стимулы, институты, капитал,

страхование, гарантии, цифровую инфраструктуру и экспортные цепочки в единую систему продовольственно-финансовой устойчивости.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составляют системный, институциональный, структурно-функциональный, сравнительный и логико-теоретический подходы. Системный подход позволил рассмотреть финансовую архитектуру БРИКС как совокупность взаимосвязанных контуров: институционально-финансового, валютно-расчетного, гарантийного, страхового, проектно-инвестиционного, торгово-финансового, инфраструктурного и цифрового. Институциональный подход использован для анализа роли правил, гарантий, банков развития, расчетных каналов и межгосударственной координации. Структурно-функциональный подход позволил выявить функциональные роли стран БРИКС и партнеров в аграрно-финансовой системе. Сравнительный подход применен для сопоставления решений БРИКС с практиками международных институтов развития.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили научные источники по современной экономической теории, теории финансового развития, институциональной экономике, глобальным цепочкам стоимости и продовольственной безопасности; программные документы БРИКС и Нового банка развития; статистические материалы Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН; данные по российскому экспорту зерновых культур и удобрений; материалы доклада по финансовой архитектуре экспортной аграрной политики стран БРИКС [1; 4; 5–12; 16; 17; 19–21; 25; 27; 28].

В качестве документальной базы использованы: Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года, План действий по аграрному сотрудничеству стран БРИКС на 2021–2024 годы, Стратегия сотрудничества стран БРИКС в области продовольственной безопасности, Казанская декларация XVI саммита БРИКС 2024 года, Совместная декларация министров сельского хозяйства БРИКС 2025 года, материалы председательства Бразилии в БРИКС 2025 года, а также Стратегия Нового банка развития на 2022–2026 годы [1; 4; 7; 8; 11; 16; 17]. Эти документы фиксируют институциональную направленность объединения на устойчивые цепочки поставок, продовольственную безопасность, цифровизацию, агрофинансирование, открытую международную торговую систему и расширение финансирования устойчивого развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках исследования предлагается следующее авторское определение. Финансовая архитектура экспортно-аграрной политики стран БРИКС — это многоуровневая система финансовых институтов, источников долгосрочного капитала, проектного и торгового финансирования, валютно-расчетных механизмов, экспортных гарантий, страховых инструментов, цифровых платформ, инфраструктурных инвестиционных каналов и межгосударственной финансовой координации, обеспечивающая снижение стоимости капитала, сокращение транзакционных издержек, перераспределение рисков, устойчивость денежных потоков и непрерывность агропродовольственных экспортных цепочек.

Данное определение позволяет рассматривать финансовую архитектуру не как совокупность отдельных банковских

инструментов, а как воспроизводимую систему финансового обеспечения всего экспортно-аграрного цикла: от производства, хранения и переработки до логистики, страхования, внешнеторговых расчетов и доступа конечного потребителя к продовольствию. Структурно она включает институциональный контур, представленный Новым банком развития (НБР), национальными банками развития, экспортно-кредитными агентствами, гарантийными фондами и страховыми институтами; капитальный контур, включающий долгосрочные кредиты, проектное финансирование, аграрные и инфраструктурные облигации, смешанное финансирование; валютно-расчетный контур, основанный на расчетах в национальных валютах, клиринговых механизмах и альтернативных платежных каналах; гарантийно-страховой контур, покрывающий экспортные, политические, климатические, логистические и платежные риски; инфраструктурный контур, связанный с финансированием портов, элеваторов, зернохранилищ, холодильных цепочек, транспортных коридоров, ирригации и переработки; цифровой контур, включающий цифровую сертификацию, прослеживаемость поставок, смарт-контракты, платформы данных и мониторинг контрактного исполнения.

Под механизмом продовольственно-финансовой устойчивости понимается система финансовых, институциональных, инфраструктурных и цифровых решений, обеспечивающих способность агропродовольственной системы сохранять непрерывность производства, хранения, логистики, экспорта, страхования, расчетов и доступности продовольствия при воздействии внешних и внутренних рисков. Содержательно данный механизм включает финансовую доступность, расчетную устойчивость, риск-защиту, инфраструктурную

непрерывность, цифровую прозрачность и институциональную координацию. Если финансовая архитектура описывает систему институтов, инструментов и каналов капитала, то механизм продовольственно-финансовой устойчивости показывает, каким образом эта система обеспечивает устойчивость экспортных потоков и снижение финансовых рисков.

Статистическое обоснование данной логики связано с тем, что глобальная продовольственная уязвимость формирует спрос на устойчивые продовольственные цепочки; масштаб мировой торговли продовольствием требует расчетной, страховой и логистической инфраструктуры; потенциал БРИКС задает институциональную базу для многополярной финансовой архитектуры; российские показатели по зерну и удобрениям обосновывают необходимость отдельного российского контура. Следовательно, финансовая архитектура БРИКС должна строиться не вокруг одного инструмента, а как система согласования капитала, рисков, расчетов, инфраструктуры и экспортной специализации. (См. табл. 1.)

Интегрированная модель отражает переход от набора отдельных финансовых инструментов к системной архитектуре управления капиталом, рисками, расчетами и инфраструктурой. Ее ключевая функция заключается в согласовании стоимости капитала, распределения рисков, устойчивости расчетов и инфраструктурной связанности. Такой подход соответствует финансово-инвестиционной логике развития инфраструктурных субъектов, где устойчивость обеспечивается через структуру источников финансирования, контроль стоимости капитала, риск-ограничения и цифровое сопровождение инвестиционного цикла.

Таблица 1

**Интегрированная модель финансовой архитектуры
экспортно-аграрной политики БРИКС**

Контур архитектуры	Финансовые инструменты	Основной риск	Ожидаемый эффект для БРИКС и России
Институциональный	Новый банк развития, национальные банки развития, экспортно-кредитные агентства, гарантийные фонды	Дефицит долгосрочного капитала и слабая межстрановая координация	Удешевление капитала, повышение финансово-кредитной устойчивости проекта, формирование общего финансового периметра [16; 17]
Валютно-расчетный	Расчеты в национальных валютах, клиринг, валютные свопы, альтернативные платежные каналы	Валютная волатильность, санкционная и платежная уязвимость	Снижение внешней платежной зависимости и укрепление расчетного суверенитета экспортных контрактов [1; 4]
Гарантийный	Фонд гарантий аграрного экспорта, гарантии банков развития, межгосударственные гарантии	Кредитный и проектный риск	Снижение риск-премии, расширение доступа к финансированию портов, элеваторов и логистических коридоров
Страховой	Страхование экспортной выручки, политических, климатических, логистических и платежных рисков	Неплатежи, перебои поставок, климатические шоки	Стабилизация экспортной выручки и повышение доверия банков, страховщиков, экспортеров и импортеров

Таблица 1 (Продолжение)

Контур архитектуры	Финансовые инструменты	Основной риск	Ожидаемый эффект для БРИКС и России
Проектно-инвестиционный	Проектное финансирование, смешанное финансирование, инфраструктурные и аграрные облигации	Недофинансирование критической инфраструктуры	Мобилизация частного капитала и снижение нагрузки на бюджетные источники
Торгово-финансовый	Аккредитивы, факторинг, экспортный кредит, форвардные контракты, хеджирование	Риск ликвидности и ценовая волатильность	Ускорение оборота капитала и повышение устойчивости внешнеторговых контрактов
Инфраструктурный	Финансирование портов, элеваторов, охлаждающее хранение, ирригации транспортных коридоров	Логистические разрывы и сезонные ограничения	Снижение стоимости поставок, повышение качества хранения и диверсификация маршрутов экспорта
Цифровой	Смарт-контракты, цифровая сертификация, прослеживаемость, платформы данных	Информационная асимметрия, сертификационные и операционные риски	Рост прозрачности, ускорение торгового финансирования и снижение транзакционных издержек

Специализация стран БРИКС и партнеров показывает, что финансовая архитектура объединения не может быть унифицированной. Россия выступает опорным центром по производству и экспорту зерна, удобрений и продовольствия; Бразилия — глобальным агроэкспортером и контуром климатически чувствительного торгового финансирования; Индия — крупным внутренним рынком, пространством цифровых финансов и сельскохозяйственного кредита; Китай — центром спроса, переработки, инфраструктурных инвестиций и технологических платформ; ЮАР — логистическим узлом Африки; Египет — крупным импортером зерна, требующим инструментов импортного финансирования; ОАЭ и Саудовская Аравия — финансово-логистическими и инвестиционными хабами; Индонезия, Эфиопия, Иран и партнеры БРИКС расширяют продовольственно-финансовый периметр через переработку, льготное проектное финансирование, альтернативные расчеты и региональную кооперацию. Такая функциональная дифференциация позволяет перейти от аграрной кооперации к распределенной продовольственно-финансовой системе [11; 12].

Платформенные решения выступают прикладным ядром этой системы. Продовольственно-финансовая платформа БРИКС могла бы объединять данные о запасах, контрактах, логистике, кредитах, страховании и расчетах; фонд гарантий аграрного экспорта — снижать риск-премию и повышать банковскую пригодность проектов; механизм страхования продовольственного экспорта — покрывать климатические, логистические, политические и платежные риски; специальное окно Нового банка развития для аграрной инфраструктуры — финансировать порты, элеваторы, ирригацию, переработку, охлаждающее хранение и продовольственные

коридоры; расчетная система аграрных контрактов — расширять расчеты в национальных валютах; цифровая система прослеживаемости и сертификации — укреплять доверие импортеров, банков и страховщиков. В совокупности эти решения переводят финансовую архитектуру БРИКС из режима отдельных инструментов в режим проектно-платформенной системы.

Российский контур финансовой архитектуры БРИКС имеет стратегическое значение. Россия сохраняет статус крупнейшего мирового экспортера пшеницы: по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), экспорт российской пшеницы составил 42,6 млн т в 2024/2025 сельскохозяйственном году и 46,5 млн т (прогноз) в 2025/2026 году, что соответствует примерно 22–23 % мирового рынка [21]. Кроме того, Россия занимает системное положение на мировом рынке минеральных удобрений: ее доля в мировой торговле минеральными удобрениями оценивается примерно в 19–20 %, а целевой ориентир российских производителей связан с ростом глобальной доли до 25 % к 2030 году; при этом страны БРИКС формируют почти половину мирового потребления минеральных удобрений [10; 19].

Для России участие в финансовой архитектуре БРИКС означает возможность перехода от роли крупного поставщика зерна и удобрений к роли одного из институциональных архитекторов новой продовольственно-финансовой системы. Практически это предполагает развитие устойчивых расчетных каналов, страхования экспортных поставок, гарантийных механизмов, проектного финансирования портовой и зерновой инфраструктуры, цифровой прослеживаемости аграрных контрактов, зерновой биржи БРИКС

и долгосрочных аграрных облигаций. Такой подход связывает национальную цель роста сельскохозяйственного экспорта с задачами финансового суверенитета, снижения внешней расчетной зависимости и привлечения долгосрочного капитала в критическую инфраструктуру [20].

Дополнительно следует подчеркнуть, что финансовая архитектура БРИКС имеет не только торговое, но и макрофинансовое измерение. Для стран-экспортеров аграрной продукции она снижает зависимость от краткосрочного банковского фондирования и внешних ценовых бенчмарков; для стран-импортеров обеспечивает предсказуемость поставок и возможность распределять платежную нагрузку; для стран-инвесторов создает проекты с понятным денежным потоком и измеримым социально-экономическим эффектом. Поэтому финансовая архитектура БРИКС может рассматриваться как особая форма многостороннего финансового посредничества, в которой капитал, гарантии, страхование и данные соединяются с долгосрочными задачами продовольственной безопасности.

Принципиальное отличие предлагаемой модели от традиционной экспортной поддержки заключается в том, что она переносит центр тяжести с субсидирования отдельного экспортера на формирование устойчивой институциональной среды. В классической схеме государство поддерживает производителя или экспортера через льготный кредит, компенсацию части процентной ставки, экспортное страхование или гарантию. В платформенной модели БРИКС эти инструменты объединяются с цифровой информационной базой, инфраструктурным портфелем и расчетным контуром, что позволяет банкам и страховщикам оценивать не только отдельную сделку, но и качество всей цепочки поставки.

Это снижает информационную асимметрию и делает финансовые решения более точными.

Связь финансовой архитектуры с климатической повесткой имеет ключевое значение. Климатические риски напрямую влияют на урожайность, логистику, хранение, качество продукции и стоимость страхования. При этом стратегия Нового банка развития предусматривает значительную долю операций, направленных на смягчение последствий изменения климата и адаптацию [16]. В этих условиях аграрная инфраструктура БРИКС может выступать каналом климатического финансирования: модернизация ирригации, холодовых цепочек, энергоэффективных элеваторов, портов и систем цифрового мониторинга одновременно повышает продовольственную устойчивость и снижает экологические риски.

Для России это особенно актуально, поскольку экспорт зерна и удобрений требует не только расширения рынков, но и большей предсказуемости денежных потоков. Использование расчетов в национальных валютах, экспортного страхования, гарантийных механизмов и цифровой прослеживаемости снижает внешние расчетные риски и укрепляет устойчивость экспортной выручки. При этом развитие портовой, элеваторной и железнодорожной инфраструктуры может стать предметом проектного финансирования с участием институтов развития (Новый банк развития БРИКС, ВЭБ.РФ, Российский экспортный центр, национальные банки стран БРИКС и др.), что соответствует финансово-инвестиционному подходу к модернизации инфраструктурных субъектов.

С учетом изложенного практическая модель для России может включать несколько последовательных решений: формирование реестра приоритетных аграрно-инфраструктурных

проектов, подготовку финансовых паспортов таких проектов, включение гарантийного покрытия, согласование страхового механизма, увязку проектов с расчетами в национальных валютах и последующее размещение аграрных или инфраструктурных облигаций. В таком случае финансовая архитектура БРИКС становится не декларативной конструкцией, а набором инвестиционно устойчивых решений, которые могут быть представлены банкам развития, национальным регуляторам и крупным участникам внешнеторговых цепочек.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют утверждать, что финансовая архитектура БРИКС должна рассматриваться не как вспомогательный элемент аграрной торговли, а как самостоятельный механизм финансового обеспечения продовольственных цепочек. Если теория продовольственной безопасности акцентирует внимание на доступности продовольствия, теория финансового развития — на роли финансовых институтов и капитала, институциональная теория — на снижении транзакционных издержек, теория глобальных цепочек стоимости — на устойчивости всех звеньев движения продукции, а финансово-инвестиционный подход — на стоимости капитала, долговой устойчивости и риск-профиле инфраструктурных субъектов, то их синтез формирует основание для категории продовольственно-финансовой устойчивости.

В логике настоящего исследования финансовая архитектура экспортно-аграрной политики стран БРИКС выступает структурной основой, а механизм продовольственно-финансовой устойчивости — функциональной формой ее реализации.

Первая категория отвечает на вопрос, какие институты, инструменты и каналы формируют систему финансового обеспечения аграрного экспорта. Вторая категория раскрывает, как эта система обеспечивает непрерывность поставок, доступность продовольствия, устойчивость расчетов, распределение рисков и снижение стоимости капитала. Такое разграничение принципиально важно, поскольку позволяет не смешивать аграрную, торговую и финансовую проблематику: объектом анализа становится не сам аграрный экспорт, а финансово-институциональная система его обеспечения.

Финансовая архитектура БРИКС выполняет четыре ключевые функции. Первая — снижение стоимости капитала за счет участия институтов развития, гарантий, смешанного и проектного финансирования. Вторая — распределение рисков через страхование, гарантийные механизмы, хеджирование валютных и логистических рисков, а также создание специальных фондов. Третья — обеспечение устойчивости расчетов за счет расширения использования национальных валют, альтернативных платежных каналов и снижения зависимости от внешних расчетных центров. Четвертая функция — инфраструктурная связанность, формируемая через финансирование портов, элеваторов, охлаждающего хранения, транспортных коридоров и цифровых систем мониторинга.

Именно инфраструктурная функция показывает, что финансовая архитектура БРИКС не может ограничиваться разрозненными инструментами кредитования, страхования, гарантий и расчетов, поскольку устойчивость агропродовольственного экспорта зависит от согласованного движения капитала, данных, логистики и платежных механизмов.

В этой связи на рис. 1 целесообразно предложить расширенную продовольственно-финансовую платформу БРИКС как институционально-финансовое ядро, объединяющее ключевые сегменты сопровождения агропродовольственных экспортных потоков.

Предложенная платформа позволяет рассматривать финансовую архитектуру БРИКС не как набор отдельных мер поддержки аграрного экспорта, а как единую систему управления капиталом, рисками, расчетами, инфраструктурой и данными. В прикладном отношении она создает основу для перехода от фрагментарной финансовой поддержки экспортных операций к комплексному механизму продовольственно-финансовой устойчивости стран БРИКС.

Программные документы БРИКС подтверждают, что данная логика соответствует институциональной повестке объединения. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года закрепила направления торговли, инвестиций, финансов, цифровой экономики и устойчивого развития; План действий по аграрному сотрудничеству ориентирован на обмен информацией, устойчивое сельское хозяйство и продовольственную безопасность; Стратегия сотрудничества в области продовольственной безопасности включает цифровое сельское хозяйство, аграрную науку и технологии; Казанская декларация подчеркивает значение устойчивых цепочек поставок и беспрепятственной торговли сельскохозяйственной продукцией [1; 4: 7; 8; 11]. Следовательно, сила БРИКС определяется не только масштабом производства, но и способностью объединить производство, экспорт, инвестиции, расчеты и гарантии в единую систему продовольственной устойчивости.

1. Информационно-аналитический сегмент

Единая база запасов, урожайности, экспортного предложения, импортного спроса, ценовая динамика, контракты, платежная дисциплина, инфраструктурные ограничения, карта рисков и спроса

4. Гарантский сегмент

Гарантии Нового банка развития (НБР), национальных банков развития, экспортно-кредитных агентств и государства, гарантии исполнения обязательств, частичное покрытие кредитного и проектного риска

2. Торгово-финансовый сегмент

Аккредитивы, документарное инкассо, факторинг, форфейтинг, пред- и пост-экспортное финансирование, кредитование оборотного капитала, финансирование запасов и складских свидетельств

5. Страховой сегмент

Страхование экспортной выручки, неплатежа, урожая, складских запасов, перевозки, политических, климатических, валютных, логистических и ценовых рисков, стабилизация денежных потоков

3. Проектно-инфраструктурный сегмент

Проектное финансирование портов, элеваторов, зернохранилищ, охлаждающего хранения, переработки, ирригации, ж/д и сухопутных коридоров, ГЧП, инфраструктурные и аграрные облигации

6. Валютно-расчётный сегмент

Расчёты в национальных валютах, клиринговые механизмы, валютные свопы, корреспондентские каналы, цифровые платёжные решения, расчётные пары

7. Инвестиционный сегмент

Новый банк развития, нац. банки развития, ВЭБ.РФ, РЭЦ, суверенные фонды, Росэксимбанк, аграрные и инфраструктурные фонды, целевые кредитные линии, мезонинное и субординированное финансирование

8. Цифровая прослеживаемость и сертификация

Цифровые паспорта партий, эл. фитосанитарные сертификаты, подтверждение происхождения и качества, смарт-контракты, блокчейн-реестры, интеграция с таможенными, банковскими и страховыми системами

9. Логистико-инфраструктурный сегмент

Порты, зерновые терминалы, склады, охлаждающее хранение, ж/д, сухопутные и мультимодальные коридоры, контейнерные решения, экспортные распределительные центры

10. Риск-менеджмент и стресс-мониторинг

Стресс-тестирование продовольственных коридоров, раннее предупреждение о сбоях, мониторинг санкционных, валютных, ценовых, климатических, кредитных и логистических рисков

ПРОДОВОЛЬСТВЕННО-ФИНАНСОВАЯ ПЛАТФОРМА БРИКС

Единый институционально-финансовый контур: данные, капитал, гарантии, страхование, расчёты, логистика, сертификация, риск-мониторинг, поставки

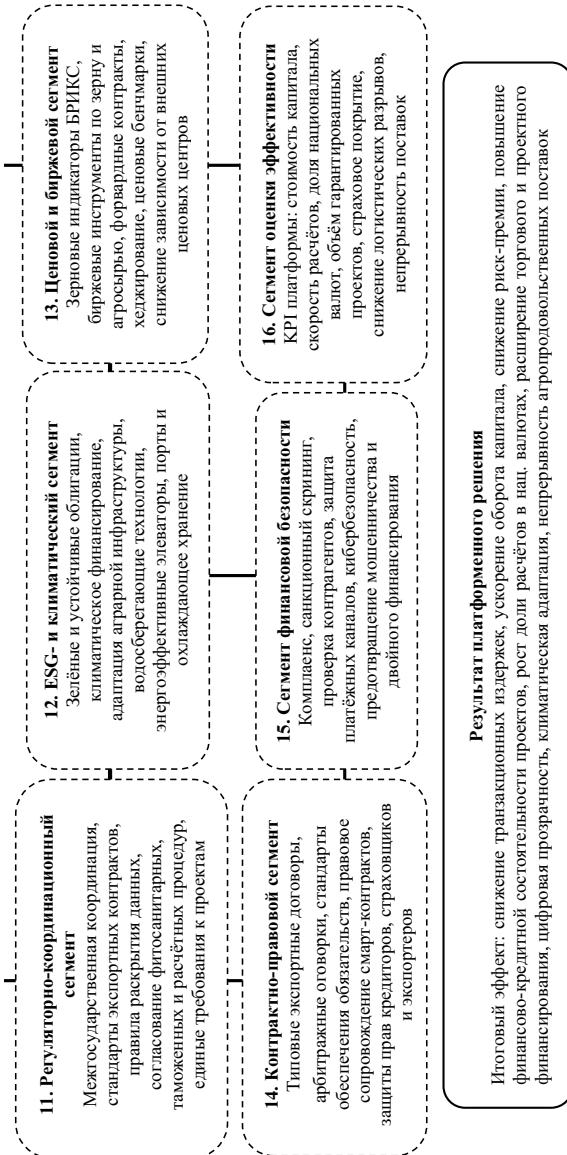

Рисунок 1. Продовольственно-финансовая платформа БРИКС

Дискуссионным является вопрос о степени институциональной зрелости такой архитектуры. С одной стороны, БРИКС пока не обладает единым наднациональным финансовым регулятором, унифицированной системой аграрного страхования, общей биржевой площадкой продовольственных товаров и полностью согласованными правилами проектного финансирования. Это замедляет переход от политико-стратегических заявлений к масштабным финансовым механизмам. В то же время сетевой характер БРИКС обеспечивает гибкость и модульность: страны могут запускать пилотные расчетные пары, гарантийные инструменты, цифровую сертификацию и инфраструктурные проекты без полной унификации правил.

Перспективной является поэтапная модель развития. На первом этапе — определение приоритетных продовольственных коридоров и инфраструктурных узких мест. На втором — формирование финансовых паспортов проектов (структура капитала, прогноз денежных потоков, риски, гарантии, валюты расчетов). На третьем — подключение банков развития, экспортно-кредитных агентств, страховых организаций и цифровых платформ прослеживаемости. На четвертом — создание рынка долгосрочных аграрных и инфраструктурных инструментов: облигаций, смешанного финансирования и проектного кредитования.

Такой подход связывает теорию финансовой архитектуры с практикой управления: она становится не описанием институтов, а инструментом проектирования устойчивых цепочек, где каждая сделка или объект получает свою финансовую конфигурацию — источники капитала, гарантии, страхование, валюту расчета, цифровое подтверждение и систему контроля рисков. В этом ее прикладная ценность для финансовой науки и государственного управления.

Для российской финансовой политики важно, что участие в БРИКС возможно не только через экспорт, но и через формирование финансовых стандартов. Россия могла бы инициировать методiku оценки банковского соответствия аграрно-инфраструктурных проектов, типовые модели гарантий экспортных поставок, цифровой паспорт зернового контракта, подходы к страхованию логистических рисков и финансовые модели приоритетных коридоров. Эти решения важны не только для внешней торговли, но и для развития рынка долгосрочного капитала, формируя инвестиционные инструменты с реальной товарной и инфраструктурной базой.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в нескольких взаимосвязанных положениях. Во-первых, уточнено содержание категории «финансовая архитектура экспортно-аграрной политики стран БРИКС» как многоуровневой системы институтов развития, источников капитала, расчетных механизмов, гарантий, страхования, цифровых платформ и инфраструктурных инвестиционных каналов, обеспечивающей устойчивость агропродовольственных экспортных цепочек. Во-вторых, раскрыто понятие «механизм продовольственно-финансовой устойчивости» как функциональной формы реализации финансовой архитектуры, обеспечивающей непрерывность производства, хранения, логистики, экспорта, страхования, расчетов и доступности продовольствия в условиях валютных, климатических, санкционных, инфраструктурных и рыночных рисков.

В-третьих, разработана модель специализации стран БРИКС и партнеров в финансовой архитектуре аграрного

экспорта, отражающая распределение ролей между экспортерами, импортерами, инвесторами, логистическими узлами и расчетными центрами. В-четвертых, обоснована проектно-платформенная модель укрепления финансовой архитектуры БРИКС, включающая продовольственно-финансовую платформу, фонд гарантий аграрного экспорта, механизм страхования продовольственного экспорта, специальное окно Нового банка развития (НБР) для аграрной инфраструктуры, расчетную систему аграрных контрактов и цифровую систему прослеживаемости. В-пятых, выделен российский контур финансовой архитектуры БРИКС, включающий зерновой экспорт, экспорт удобрений, расчеты в национальных валютах, страхование, гарантии и проектное финансирование портовой и зерновой инфраструктуры.

В совокупности эти положения позволяют доказать, что финансовая архитектура БРИКС является механизмом институциональной коррекции рыночных провалов, поскольку снижает внешние эффекты, информационную асимметрию, валютные риски, риск-премии и недофинансирование критической продовольственной инфраструктуры.

Теоретическая значимость исследования состоит также в расширении финансовой трактовки продовольственной устойчивости: устойчивость предлагается понимать не только как наличие товарного предложения, но и как способность финансовой системы обеспечивать доступность капитала, непрерывность расчетов, страховое покрытие, гарантии и инвестиционную модернизацию инфраструктуры. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной модели при подготовке межгосударственных инициатив БРИКС, проектных предложений

для институтов развития, программ поддержки аграрного экспорта и российских финансово-инфраструктурных проектов.

Ограничение исследования связано с тем, что финансовая архитектура БРИКС находится в стадии формирования, а ряд инструментов пока существует как проектная или концептуальная возможность. Поэтому дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку количественной методики оценки продовольственно-финансовой устойчивости, построение индекса устойчивости аграрных экспортных цепочек, оценку стоимости капитала по инфраструктурным проектам и моделирование эффектов расчетов в национальных валютах для экспортеров и импортеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финансовая архитектура экспортно-аграрной политики стран БРИКС представляет собой формирующийся механизм продовольственно-финансовой устойчивости. Ее значение заключается в способности снижать транзакционные издержки, расширять доступ к долгосрочному капиталу, перераспределять риски, развивать расчеты в национальных валютах и финансировать критическую экспортную инфраструктуру. Данная тема имеет самостоятельную научную значимость, поскольку переводит анализ аграрного экспорта из плоскости производства и торговли в плоскость финансовых институтов, механизмов фондирования, страхования, гарантий, платежной инфраструктуры и управления рисками.

Платформенные решения являются ключевым прикладным результатом исследования. Продовольственно-финансовая платформа БРИКС, фонд гарантий аграрного экспорта,

механизм страхования продовольственных поставок, специальное окно НБР для аграрной инфраструктуры, расчетная система аграрных контрактов и цифровая система прослеживаемости позволяют трансформировать БРИКС из пространства аграрной кооперации в полноценную финансово-институциональную систему обеспечения продовольственной устойчивости.

Для России участие в такой архитектуре имеет стратегический характер. Россия может выступать не только как крупный поставщик зерна и удобрений, но и как один из инициаторов формирования новой многополярной продовольственно-финансовой системы, основанной на устойчивых расчетных каналах, проектном финансировании инфраструктуры, страховании экспортных поставок и развитии долгосрочных инвестиционных механизмов. В прикладном плане это означает необходимость согласования аграрной, финансовой, инфраструктурной и внешнеторговой политики: экспортные цели должны сопровождаться проектами портовой и элеваторной модернизации, инструментами страхования и гарантий, цифровыми механизмами подтверждения качества и происхождения продукции, а также расчетными каналами, снижающими уязвимость внешнеторговых контрактов.

Таким образом, финансовая архитектура экспортно-аграрной политики стран БРИКС представляет собой институционально-финансовую основу новой многополярной системы агропродовольственного обеспечения, а механизм продовольственно-финансовой устойчивости — практическую форму ее действия. Архитектура задает состав институтов, инструментов и каналов капитала, а механизм обеспечивает достижение устойчивого результата: снижение

рисков, доступность финансирования, надежность расчетов, непрерывность экспортных поставок и укрепление продовольственной безопасности.

Библиографический список

1. XVI Саммит БРИКС: Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». [Электронный ресурс] URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUi-CAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
2. Мэнкью Н.Г., Тейлор М. Экономикс: учебное пособие. 2-е изд. — СПб.: Питер Пресс, 2015. 655 с.
3. Чепурин М.Н., Киселева Е.А. (ред.). Курс экономической теории: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. — Киров: АСА, 2000. 752 с.
4. Action Plan 2021–2024 for Agricultural Cooperation of BRICS Countries. [Электронный ресурс] URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/210827-agriculture-action-plan.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
5. AgNews: Russia stops ammonium nitrate exports for one month amid global supply crunch, 2026. [Электронный ресурс] URL: <https://news.agropages.com/News/NewsDetail--57189.htm> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Asian Development Bank. ADB Annual Meeting: Strengthening Partnerships for Scalable, Investable Food System Solutions. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fao.org/partnerships/fao-un-system/spotlight/adb-annual-meeting--strengthening-partnerships-for-scalable--investable-food-system-solutions/en> (дата обращения: 04.05.2026).
7. BRICS 2025, Motto: «Strengthening Global South Cooperation to a more inclusive and sustainable governance». Concept note of brazil's chairship. [Электронный ресурс] URL: <https://brics.br/en/>

documents/issue-note-brazils-brics-presidency-english.pdf/@@download/file (дата обращения: 04.05.2026).

8. BRICS Strategy on Food Security Cooperation. [Электронный ресурс] URL: <https://brics2022.mfa.gov.cn/eng/hywj/ODMM/202207/P020220707546231285340.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
9. FAO Cereal Supply and Demand Brief. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/csdb/en> (дата обращения: 04.05.2026).
10. Interfax. Russia may increase fertilizer exports to at least 46 mln tonnes in 2026 compared to 45 mln tonnes in 2025 – industry association head, 2026. [Электронный ресурс] URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/115999/> (дата обращения: 04.05.2026).
11. Joint Declaration of the 15th Meeting of BRICS Ministers of Agriculture. [Электронный ресурс] URL: <https://brics.br/en/documents/economy-finance-trade-and-infrastructure/250417-brics-agriculturewg-15thmeeting-ministerial-declaration.pdf/@@download/file> (дата обращения: 04.05.2026).
12. Kennedy H.J. BRICS+ AGRI-SECTOR: Strategic Overview and Policy Recommendations. [Электронный ресурс] URL: https://agro.insper.edu.br/storage/papers/July2025/Brics_Agritrade_Outlook_and_Policies.pdf (дата обращения: 04.05.2026).
13. Levine R. Finance and Growth: Theory and Evidence // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1. P. 865–934. DOI 10.3386/w10766.
14. McWilliam S.E., Nielsen B.B. Global value chains and development: Redefining the contours of 21st century capitalism: Gary Gereffi Cambridge University Press, Cambridge, 2018, 494 pp. ISBN: 978-1108458863. — 2020.
15. Sen A. Poverty and famines: An essay on entitlement and deprivation. – Oxford University Press, 1982.

16. NDB Board of Governors approved the Bank's General Strategy for 2022–2026. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ndb.int/news/ndb-board-of-governors-approved-the-banks-general-strategy-for-2022-2026/> (дата обращения: 04.05.2026).
17. New development bank general strategy for 2022–2026: Scaling Up Development Finance for a Sustainable Future. [Электронный ресурс] URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/07/NDB_StrategyDocument_Eversion-1.pdf (дата обращения: 04.05.2026).
18. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. — Cambridge University Press, 1990.
19. Reuters. Russian fertilizer producers target 25 % global market share by 2030, lobby group says, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.tradingview.com/news/reuters.com,2025:newsml_L8N3TE12N:0-russian-fertilizer-producers-target-25-global-market-share-by-2030-lobby-group-says/ (дата обращения: 04.05.2026).
20. Russia says food and fertiliser sanctions must be lifted for Black Sea deal | Reuters, 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-has-agreed-ensure-safe-navigation-black-sea-kremlin-says-2025-03-25/> (дата обращения: 04.05.2026).
21. Russia to remain world's largest wheat exporter: FAO, 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://en.people.cn/n3/2025/0614/c90000-20327633.html> (дата обращения: 04.05.2026).
22. Williamson O.E. The economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting // Das Summa Summarum des Management: Die 25 wichtigsten Werke für Strategie, Führung und Veränderung. – Wiesbaden : Gabler, 1985. – С. 61-75.
23. Strategy for BRICS Economic Partnership 2025, November 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3a71260309ef290a0cfa3fe698a55e83/Strategy%20for%20BRICS%202025.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).

24. Timmer C.P. Food security, structural transformation, markets and government policy // *Asia & the Pacific Policy Studies*. — 2017. — Т. 4. — №. 1. — С. 4–19.
25. Unicef et al. The state of food security and nutrition in the world 2024. — 2024. <https://doi.org/10.4060/cd1254en>.
26. Von Braun J. Food and nutrition security the concept and its realization // *Bread and Brain, Education and Poverty Pontifical Academy of Sciences, Scripta Varia*. — 2014. — Т. 125.
27. Wheat Outlook: April 2026 | Economic Research Service. [Электронный ресурс] URL: https://ers.usda.gov/sites/default/files/_laserfiche/outlooks/114053/WHS-26d.pdf?v=32440 (дата обращения: 04.05.2026).
28. WTO. Trade is key to food and nutrition security, 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://caribbeannewsglobal.com/trade-is-key-to-food-and-nutrition-security/> (дата обращения: 04.05.2026).

References

1. XVI Sammit BRIKS: Kazanskaya deklaratsiya «Ukrepnenie mnogostoronnosti dlya spravedlivogo global'nogo razvitiya i bezopasnosti». [Electronic resource] URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUi-CAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (date accessed 04.05.2026).
2. Mankiw N.G., Taylor M. *Economics*. 2nd ed. — St. Petersburg: Piter Press, 2015. — 655 p.
3. Chepurin M.N., Kiseleva E.A. (red.). *Kurs ekonomicheskoi teorii: ucheb-nik*. 4-e izd., dop. i pererab. — Kirov: ASA, 2000. 752 s.
4. Action Plan 2021–2024 for Agricultural Cooperation of BRICS Countries. [Electronic resource] URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/210827-agriculture-action-plan.pdf> (date accessed 04.05.2026).
5. AgNews: Russia stops ammonium nitrate exports for one month amid global supply crunch, 2026. [Electronic resource] URL:

- <https://news.agropages.com/News/NewsDetail--57189.htm> (date accessed 04.05.2026).
6. Asian Development Bank. ADB Annual Meeting: Strengthening Partnerships for Scalable, Investable Food System Solutions. [Electronic resource] URL: <https://www.fao.org/partnerships/fao-un-system/spotlight/adb-annual-meeting--strengthening-partnerships-for-scalable--investable-food-system-solutions/en> (date accessed 04.05.2026)
 7. BRICS 2025, Motto: «Strengthening Global South Cooperation to a more inclusive and sustainable governance». Concept note of brazil's chairship. [Electronic resource] URL: <https://brics.br/en/documents/issue-note-brazils-brics-presidency-english.pdf/@@download/file> (date accessed 04.05.2026).
 8. BRICS Strategy on Food Security Cooperation. [Electronic resource] URL: <https://brics2022.mfa.gov.cn/eng/hywj/ODMM/202207/P020220707546231285340.pdf> (date accessed 04.05.2026).
 9. FAO Cereal Supply and Demand Brief. [Electronic resource] URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/csdb/en> (date accessed 04.05.2026)
 10. Interfax. Russia may increase fertilizer exports to at least 46 mln tonnes in 2026 compared to 45 mln tonnes in 2025 — industry association head, 2026. [Electronic resource] URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/115999/> (date accessed 04.05.2026).
 11. Joint Declaration of the 15th Meeting of BRICS Ministers of Agriculture. [Electronic resource] URL: <https://brics.br/en/documents/economy-finance-trade-and-infrastructure/250417-brics-agriculturewg-15thmeeting-ministerial-declaration.pdf/@@download/file> (date accessed 04.05.2026).
 12. Kennedy H.J. BRICS+ AGRI-SECTOR: Strategic Overview and Policy Recommendations. [Electronic resource] URL: https://agro.insper.edu.br/storage/papers/July2025/Brics_Agritrade_Outlook_and_Policies.pdf (date accessed 04.05.2026)

13. Levine R. Finance and Growth: Theory and Evidence // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1. P. 865–934. DOI 10.3386/w10766.
14. McWilliam S.E., Nielsen B.B. Global value chains and development: Redefining the contours of 21st century capitalism: Gary Gereffi Cambridge University Press, Cambridge, 2018, 494 pp. ISBN: 978-1108458863. — 2020.
15. Sen A. Poverty and famines: An essay on entitlement and deprivation. — Oxford University Press, 1982.
16. NDB Board of Governors approved the Bank’s General Strategy for 2022–2026. [Electronic resource] URL: <https://www.ndb.int/news/ndb-board-of-governors-approved-the-banks-general-strategy-for-2022-2026/> (date accessed 04.05.2026).
17. New development bank general strategy for 2022–2026: Scaling Up Development Finance for a Sustainable Future. [Electronic resource] URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/07/NDB_StrategyDocument_Eversion-1.pdf (date accessed 04.05.2026).
18. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. — Cambridge University Press, 1990.
19. Reuters. Russian fertilizer producers target 25 % global market share by 2030, lobby group says, 2025. [Electronic resource] URL: https://www.tradingview.com/news/reuters.com,2025:newsml_L8N3TE12N:0-russian-fertilizer-producers-target-25-global-market-share-by-2030-lobby-group-says/ (date accessed 04.05.2026).
20. Russia says food and fertiliser sanctions must be lifted for Black Sea deal | Reuters, 2025. [Electronic resource] URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-has-agreed-ensure-safe-navigation-black-sea-kremlin-says-2025-03-25/> (date accessed 04.05.2026).
21. Russia to remain world’s largest wheat exporter: FAO, 2025. [Electronic resource] URL: <https://en.people.cn/n3/2025/0614/c90000-20327633.html> (date accessed 04.05.2026).

22. Williamson O.E. The economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting // Das Summa Summarum des Management: Die 25 wichtigsten Werke für Strategie, Führung und Veränderung. — Wiesbaden : Gabler, 1985. — С. 61-75.
23. Strategy for BRICS Economic Partnership 2025, November 2020. [Electronic resource] URL: [https://www.economy.gov.ru/material/file/3a71260309ef290a0cfa3fe698a55e83/Strategy %20for %20BRICS %202025.pdf](https://www.economy.gov.ru/material/file/3a71260309ef290a0cfa3fe698a55e83/Strategy%20for%20BRICS%202025.pdf) (date accessed 04.05.2026).
24. Timmer C.P. Food security, structural transformation, markets and government policy //Asia & the Pacific Policy Studies. — 2017. — Т. 4. — №. 1. — С. 4-19.
25. Unicef et al. The state of food security and nutrition in the world 2024. — 2024. <https://doi.org/10.4060/cd1254en>.
26. Von Braun J. Food and nutrition security the concept and its realization // Bread and Brain, Education and Poverty Pontifical Academy of Sciences, Scripta Varia. — 2014. — Т. 125.
27. Wheat Outlook: April 2026 | Economic Research Service. [Electronic resource] URL: https://ers.usda.gov/sites/default/files/_laserfiche/outlooks/114053/WHS-26d.pdf?v=32440 (date accessed 04.05.2026).
28. WTO. Trade is key to food and nutrition security, 2024. [Electronic resource] URL: <https://caribbeannewsglobal.com/trade-is-key-to-food-and-nutrition-security/> (date accessed 04.05.2026).

Контактная информация / Contact Information

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

344002, г. Ростов-на-Дону,

ул. Большая Садовая, д. 69

Rostov State University of Economics

69 Bolshaya Sadovaya St, 344002, Rostov-on-Don, Russia

Усенко Людмила Николаевна / Lyudmila N. Usenko

analytic@rsue.ru

Вовченко Наталья Геннадьевна / Natalya G. Vovchenko

наука@rsue.ru

Усенко Анастасия Михайловна / Anastasia M. Usenko

fm_hr@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-219-243
EDNVRFERS

**РЫНОК ТРУДА
И ПРОБЛЕМЫ
ВОСПРОИЗВОДСТВА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА
В СЕЛЬСКОМ
ХОЗЯЙСТВЕ**

**THE LABOR MARKET
AND THE PROBLEMS
OF HUMAN CAPITAL
REPRODUCTION
IN AGRICULTURE**

КЛИМЕНТОВА ЭЛЬВИРА АНАТОЛЬЕВНА

Доцент кафедры экономики и коммерции Мичуринского государственного аграрного университета, кандидат экономических наук

ELVIRA A. KLIMENTOVA

Associate Professor of the Department of Economics and Commerce of Michurinsk State Agrarian University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

ДУБОВИЦКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Профессор кафедры экономики и коммерции Мичуринского государственного аграрного университета, доктор экономических наук, доцент

ALEXANDER A. DUBOVITSKY

Professor of the Department of Economics and Commerce of Michurinsk State Agrarian University, Doctor of Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению процессов функционирования аграрного рынка труда, формирования и использования человеческого капитала в России с целью выявления проблем и обоснования направлений совершенствования его воспроизводства. В результате проведенного исследования выявлены проблемы функционирования аграрного рынка труда, среди которых демографическая ситуация, безработица, структурные диспропорции и низкий уровень заработной платы в сельском хозяйстве. На основе сопоставления параметров формирования и использования человеческого капитала получены данные об отрицательном балансе, что свидетельствует о суженном воспроизводстве человеческого капитала в секторе сельского хозяйства. Выявлены причины сложившейся ситуации и предложены меры по преодолению негативных тенденций.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the processes of functioning of the agrarian labor market, the formation and use of human capital in Russia in order to identify problems and substantiate the directions for improving its reproduction. As a result of the conducted research, the problems of functioning of the agrarian labor market have been identified, including the demographic situation, unemployment, structural imbalances and low wages in agriculture. Based on a comparison of the parameters of the formation and use of human capital, data on a negative balance was obtained, which indicates a narrowed reproduction of human capital in the agricultural sector. The causes of the current situation have been identified and measures have been proposed to overcome negative trends.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сельское хозяйство, рынок труда, рабочая сила, человеческий капитал, воспроизводство, заработная плата, социальные проблемы, механизм регулирования.

KEYWORDS

Agriculture, labor market, labor force, human capital, reproduction, wages, social problems, regulatory mechanism.

Как и любой рынок, рынок труда представляет собой экономические отношения по поводу купли-продажи определенного объекта. Этим объектом выступает рабочая сила, а сами отношения формируются на трехсторонней основе, между работниками, работодателями и государством как регулятором трудовых отношений. При этом на рынке приобретается не сама рабочая сила, а ее способность к умственному и физическому труду. Конъюнктура рынка труда формируется как результат взаимодействия спроса и предложения рабочей силы. Спрос на рабочую силу

представляет собой потребность работодателей в кадрах, формируемую отраслевыми пропорциями и темпами экономического роста, предложение — экономически активное население. Результатом рыночного взаимодействия выступает цена труда — заработная плата за единицу работ или рабочего времени.

Капитализированная рабочая сила приобретает свойства человеческого капитала, который представляет собой стоимостную оценку совокупности знаний, умений, навыков, компетенций работников, используемых для создания экономической ценности. Если рабочая сила оценивается численностью занятого в сферах экономики населения и безработных, то человеческий капитал в денежном выражении — затратами на его воспроизводство или потенциально возможными доходами от его использования. Чрезвычайно важным является тот факт, что человеческий капитал может принимать стоимостную форму не только на уровне предприятия, отрасли или региона, но также воплощаться в отдельных работниках этих предприятий.

Рынок труда как сложная и постоянно меняющаяся система в реальных экономических условиях практически никогда не приходит к той идеальной точке равновесия, которую описывают классические теоретические конструкции. Его повседневное функционирование сопряжено с целым спектром трудностей. Одни из них можно назвать объективными, они коренятся в самой природе трудовых взаимоотношений. Другие же носят субъективный характер и проистекают из несовершенства действующих институтов, просчетов в государственном регулировании либо имеющихся структурных перекосов в экономике.

Важно подчеркнуть, что перечисленные проблемы имеют не только экономическое, но и острое социальное измерение. Ведь для абсолютного большинства населения именно занятость и заработки от труда служат главным источником средств к существованию. Современная действительность позволяет говорить о целом спектре неполадок в функционировании аграрного рынка труда. Их можно систематизировать, выделив несколько укрупненных блоков: демографическая ситуация (1), безработица в ее различных проявлениях (2), структурные диспропорции (3), а также низкий уровень заработной платы в сельском хозяйстве — основной сфере приложения труда на сельских территориях (4).

(1) Демографическая ситуация, сложившаяся в России, отличается естественной убылью населения, постепенным старением тех, кто формирует категорию рабочей силы (занятых и безработных) и устойчиво низкой рождаемостью. Все это выступает источником долгосрочных угроз для нормального функционирования рынка труда. Согласно прогнозам, к 2030 году количество граждан в трудоспособном возрасте может сократиться еще на 5–7 % по сравнению с сегодняшними показателями. Результатом станет дефицит предложения рабочей силы, который начнет сдерживать экономическое развитие.

Особенно остро демографические проблемы проявляются на селе. Здесь смертность превышает рождаемость в полтора-два раза, а молодежь активно уезжает в города. Все это в совокупности обеспечивает отток населения с села. В течение пяти лет (с 2020 г. по 2024 г.) численность сельского населения сократилась на 562 тыс. чел. (табл. 1).

Таблица 1

**Демографическая ситуация и занятость на сельских территориях
Российской Федерации, тыс. чел.**

Показатели	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
Сельское население	37 186	36 919	36 998	36 792	36 624
Сельское население в трудоспособном возрасте	20 397	20 653	20 490	20 739	20 627
Рабочая сила в трудоспособном возрасте*	15 716	15 984	15 958	16 198	...*
в т.ч. занятые	14 410	14 828	15 050	15 391	
из них занятые в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве	4278	4238	4226	4020	3722
безработные	1305	1156	908	808	...*
Лица, не входящие в состав рабочей силы	4681	4669	4532	4541	...*
Среднегодовая численность занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыболовстве**	4565,7	4514,8	4494,8	4407,9	4272,8

* За 2024 г. информация в разрезе данного показателя отсутствует в открытом доступе.

** Включая работающих иностранных граждан.

Только за последний год численность жителей села сократилась более чем на 168 тыс. чел. Сегодня на селе живет около 36,6 млн чел. — каждый четвертый россиянин, в то время как в конце 1980-х жителем деревни был каждый третий гражданин.

(2) Самым очевидным и чаще всего обсуждаемым симптомом неблагополучия на рынке труда выступает безработица. Под ней понимают социально-экономическую ситуацию,

при которой часть граждан, относящихся к экономически активному населению, лишена возможности реализовать свое право на труд и получать достойное вознаграждение за свою работу. Уровень безработицы среди сельских жителей составляет 4,2 %, что существенно превышает уровень безработицы среди городского населения, где он равен 2,5 %.

При этом безработица не является однородным явлением. Чтобы по-настоящему оценить глубину проблемы, необходимо иметь в виду ее основные формы: фрикционную, возникающую вследствие естественных перемещений рабочей силы; структурную, вызываемую рассогласованием между потребностями в специалистах, и реальным составом работников; циклическую, обусловленную спадом производства в фазах экономических кризисов и рецессий; скрытую безработицу. Последняя особенно широко распространена в аграрном секторе и малых городах. Ее типичным проявлением является неполная занятость (вынужденные неполные дни или недели, административные отпуска без сохранения содержания).

Российской экономике свойственна особенность проявления структурной безработицы. В отличие от многих западных стран, где она обычно возникает из сокращения рабочих мест в одних отраслях и создания в других, в России актуальны низкоквалифицированные вакансии, с невысокой зарплатой, а среди безработных много специалистов с высшим образованием. Подобную ситуацию принято называть структурно-регрессивной безработицей. В России, особенно на селе, существует значительный уровень скрытой безработицы, что можно назвать добровольной или вынужденной недозанятостью.

В сельскохозяйственных организациях в последнее время сложилась практика установления уровня заработной платы в зависимости от сезонности. Если в период активного проведения агротехнических мероприятий зарплата механизаторов может составлять 130–150 тыс. руб. в месяц, то в зимне-осенний период лишь 25–30 тыс. руб., что существенно снижает средний уровень заработной платы в отрасли, и в конечном счете сказывается на заинтересованности приложения труда в отрасли.

(3) Проблема структурного дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда весьма актуальна и в сельской местности. Даже в условиях сравнительно невысокого уровня безработицы на многих территориальных рынках труда можно наблюдать парадоксальную картину: одновременно фиксируется и большое число незанятых граждан, и множество открытых вакансий. Причин такого положения дел несколько.

Во-первых, это разрыв в профессиональной квалификации. Работодатели нуждаются в специалистах, владеющих конкретными, порой очень узкими навыками, скажем, операторах современной сельхозтехники с умением работать с GPS-навигацией и ГИС-технологиями. В то же время среди безработных преобладают люди без необходимого профиля образования или вовсе не имеющие специальной подготовки.

Во-вторых, сказывается территориальный разрыв. Большинство вакансий сосредоточено в благоприятных для ведения сельскохозяйственного производства регионах с высоким уровнем социально-экономической освоенности, тогда как безработица нередко носит локальный характер и концентрируется в населенных пунктах отдаленных регионов. Низкая территориальная мобильность россиян (по разным

подсчетах, лишь 1–2 % населения ежегодно меняет место жительства ради работы [1]) лишь обостряет ситуацию. Многие безработные не готовы переезжать в другой регион из-за отсутствия жилья, невысоких предлагаемых зарплат, семейных обстоятельств или недостаточной информированности о реальных условиях труда на новом месте.

В-третьих, существуют отраслевые диспропорции. Негативной тенденцией является сокращение рабочих мест в сельском хозяйстве, где общее количество занятых уменьшилось за эти годы на 556 тыс. чел. или на 13 %, составив в 2024 г. 3722 тыс. чел. По данным Росстата, только в течение 2024 г. в организациях было ликвидировано 58,3 тыс. рабочих мест, а создано лишь 24,9 тысяч. Сокращение составило 33,4 тыс. рабочих мест. Высвобождение рабочей силы в аграрном секторе происходит под влиянием процессов концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, что способствует миграции населения в городскую местность [2].

В то же время примечателен почти двукратный рост числа занятых в сельском хозяйстве иностранных граждан, как постоянно проживающих, так и временно находящихся на территории Российской Федерации, который в 2024 г. составил 550,8 тыс. человек, а их доля в структуре занятых почти 13 %.

(4) Проблема заниженной цены рабочей силы и искажения в оплате труда. Заработная плата, которая по своей экономической сути является ценой труда на рынке, в современной России во многом перестала выполнять две основные функции — воспроизводственную и стимулирующую. Согласно данным Росстата, существенная доля работников (порядка 15–20 %) получает зарплату ниже величины прожиточного минимума, установленного для трудоспособного населения.

Еще примерно треть занятых имеет доход на уровне двух прожиточных минимумов, что также не обеспечивает расширенного воспроизводства рабочей силы.

В хронической форме эта проблема проявляется в бюджетной сфере — у учителей, врачей, работников культуры, а также в сельском хозяйстве, где уровень оплаты традиционно ниже средних значений по экономике. В 2024 г. средняя зарплата по РФ составила 87,9 тыс. руб., увеличившись за пять лет на 72,2 %. В сельском хозяйстве за тот же период заработная плата выросла на 85,6 % и достигла 63,6 тыс. руб. Несмотря на это она остается ниже среднероссийских значений на 27,6 %.

Чересчур низкая заработная плата тянет за собой целую цепочку негативных последствий: ухудшение здоровья работников из-за неполноценного питания и отдыха, медицинского обслуживания; падение мотивации к производительному труду и повышению квалификации; отток наиболее энергичных и талантливых кадров в другие сектора либо в теневую экономику; воспроизводство бедности среди имеющих работу — феномен, известный в мировой науке как «работающие бедняки».

Кроме того, в сельском хозяйстве, как и во всей российской экономике широко распространены разнообразные деформации в сфере оплаты труда. Это и «серые», и «черные» схемы выплат (так называемые зарплаты в конвертах, неформальная занятость), и регулярные задержки зарплаты, и дискриминация по полу, возрасту или иным признакам, особенно на малых предприятиях и фермерских хозяйствах, работающих на упрощенной системе налогообложения. Как показывают последние исследования, доля теневой занятости в России составляет 13,4 % (около 9,6 млн чел.) от офи-

циального уровня, что формирует оборот заработанных ими средств порядка 10 трлн руб. [3] Это не только лишает работников социальных гарантий (оплачиваемых больничных, отпусков, полноценных пенсий), но и серьезно искажает сигнальную функцию цены на рынке труда.

Проявление проблем на рынке труда во многом зависит от качества институтов, призванных регулировать трудовые отношения. Формирующаяся в последние два десятка лет российская модель трудовых отношений подвержена влиянию сразу нескольких факторов. Во-первых, она сохраняет отпечаток прежней социально-экономической системы, во-вторых — привносит многих негативный опыт экономически развитых стран, в-третьих — вырабатывает собственные приспособительные механизмы, учитывающие специфику национальной экономики. А ее отличительной чертой становится превалирование интересов работодателей на фоне слабости системы социального партнерства. Отдельные работники на рынке труда не имеют реальной переговорной силы в процессе трудоустройства при определении цены труда. Профсоюзы в России, особенно на уровне конкретных предприятий и отраслей, по большей части, не являются полноценными участниками коллективно-договорного регулирования. Их функции чаще всего сводятся к социально-бытовым (организация досуга, оказание материальной помощи). Реальная способность профсоюзов влиять на условия труда, размер заработной платы и защиту прав наемных работников в нашей стране крайне мала по сравнению с тем, что мы видим в странах Западной Европы.

Отмеченные проблемы определяют неблагоприятные параметры воспроизводства человеческого капитала в секторе сельского хозяйства. Оценить их позволяет методика

Всемирного Банка, основанная на доходном подходе. В соответствии с данной методикой стоимость человеческого капитала составляет величину потенциального размера заработной платы за время трудоспособного возраста — денежную сумму, которую человек может заработать в условиях определенной экономической системы. По представленным Всемирным Банком данным, стоимость человеческого капитала в России составляет 100 тыс. долл. США, или примерно 7,4 млн руб. по актуальному курсу на начало 2026 года. Опуская за скобки достоверность и объективность указанной суммы, отметим, что для оценки процесса воспроизводства определяющее значение имеет не общая величина человеческого капитала, а баланс материально-денежных потоков и его формирование и использование.

В данном случае оплата труда представляет собой положительный материально-денежный поток, реализуя воспроизводственную функцию заработной платы, на что в свое время указывал К. Маркс применительно к стоимости рабочей силы [4] и на чем акцентируют внимание современные авторы [5]. В условиях взятого правительством курса на переход от патерналистской к субсидиарной модели государства в России продолжается перераспределение основных расходов по инвестированию человеческого капитала на предприятия и население [6]. Заработная плата становится не только источником удовлетворения материальных и духовных потребностей работника, но и во все большей степени его образования, повышения профессионального уровня и медицинского обслуживания.

В целом в секторе сельского хозяйства Российской Федерации наблюдается положительная динамика расходов в воспроизводство человеческого капитала (рис. 1).

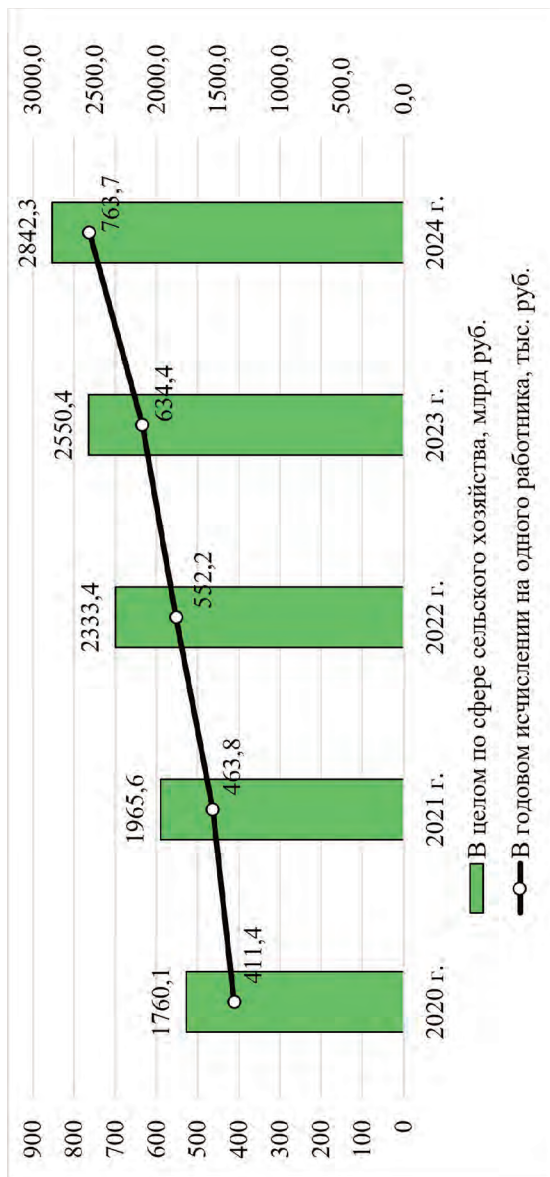

Рисунок 1. Затраты на воспроизводство человеческого капитала в секторе сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства Российской Федерации

Происходит это в результате сокращения численности работников и одновременно роста уровня оплаты труда.

Затраты на воспроизводство человеческого капитала в секторе сельского хозяйства выросли на 352,3 тыс. руб. — с 411,4 тыс. руб. в 2020 г. до 763,7 тыс. руб. в 2024 г. Совокупный индекс роста составил 185,6 %. В целом по сфере сельского хозяйства затраты на воспроизводство за это время выросли с 1760,1 млрд руб. до 2842,3 млрд руб., с индексом роста 161,5 %. Относительно меньший прирост затрат в целом по представленному экономическому сектору объясняется сокращением численности работников на 13 %.

Представленные данные позволяют сделать сдержанный вывод об улучшении условий воспроизводства человеческого капитала в аграрной сфере РФ. Однако он будет неполным без сравнения параметров положительных материально-денежных потоков с отрицательными.

Отрицательный материально-денежный поток формирует величина использования, или своеобразного «износа» человеческого капитала, которому, как и любой вид капитала, подвержена капитализированная рабочая сила. Каждый год стоимость человеческого капитала в отношении конкретного работника мужского пола в среднем уменьшается на 1/49 и на 1/44 — работников женского пола. Это величина потенциально возможной заработной платы, которую работник мог бы получить в течение года в условиях данной экономической системы (рис. 2).

Стоимостная оценка использования человеческого капитала превысила затраты на его воспроизводство в секторе сельского хозяйства Российской Федерации в 2020 г. на 49 %, составив 613 тыс. руб. на одного работника.

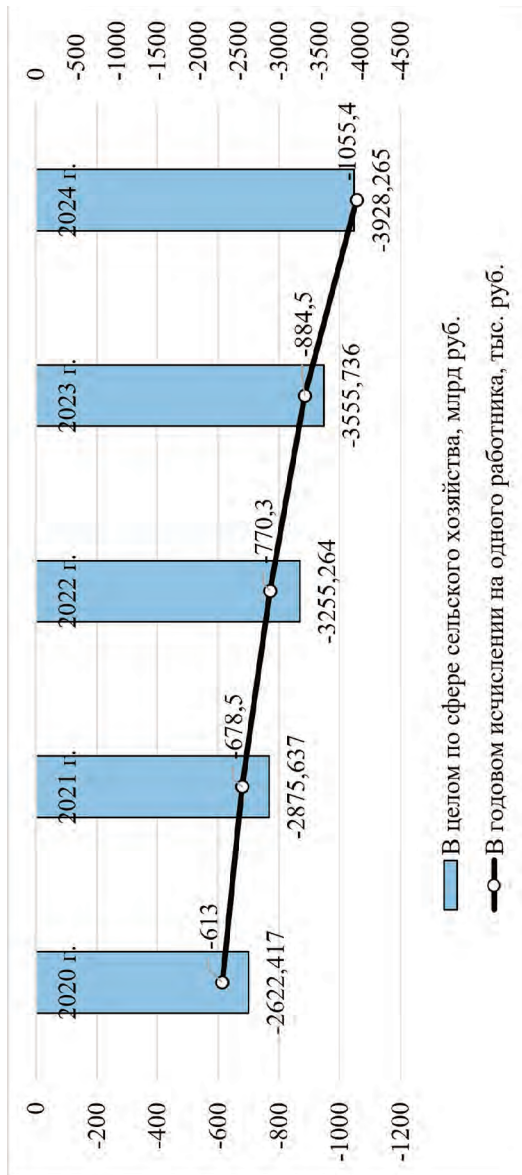

Рисунок 2. Стоимостная оценка использования человеческого капитала в секторе сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовств и рыбоводства Российской Федерации

В течение 2020–2024 гг. годовой отрицательный денежный поток или «износ» человеческого капитала вырос с 613 тыс. руб. до 1055,4 тыс. руб. в расчете на одного занятого в секторе работника. Индекс роста составил 172 %. Аналогичная тенденция прослеживается по совокупному человеческому капиталу в секторе, где рост данного показателя составил 1305,8 млрд руб. и индексом роста 149,8 %. Меньший прирост в целом по представленному экономическому сектору здесь также происходит по причине сокращения численности работников.

Сопоставив расходы в воспроизводство и стоимостную оценку использования человеческого капитала в годовом исчислении, можно оценить его баланс (рис. 3).

В 2020 г. отрицательная часть баланса составила -201,6 тыс. руб. в расчете на одного работника, и -862,3 млрд руб. в целом по сектору сельского хозяйства. В течение пяти отмеченных лет дефицит баланса человеческого капитала вырос в абсолютном выражении в расчете на одного работника с -201,6 тыс. руб. в 2020 г. до -291,8 тыс. руб. в 2024 г. Совокупный индекс роста составил 144,7 %. В целом по сфере сельского хозяйства дефицит за это время вырос с -862 млрд руб. до -1085 млрд руб., или на 25,9 %.

Отрицательный баланс говорит о суженном воспроизводстве человеческого капитала в секторе сельского хозяйства, основная причина которого в относительно низком уровне заработной платы. На фоне низких зарплат происходит отток работников из сферы сельского хозяйства и в целом рабочей силы с сельских территорий. И в последние годы ситуация только ухудшается. В этих условиях невозможно решение ни проблемы бедности на селе, ни проблемы дефицита кадров.

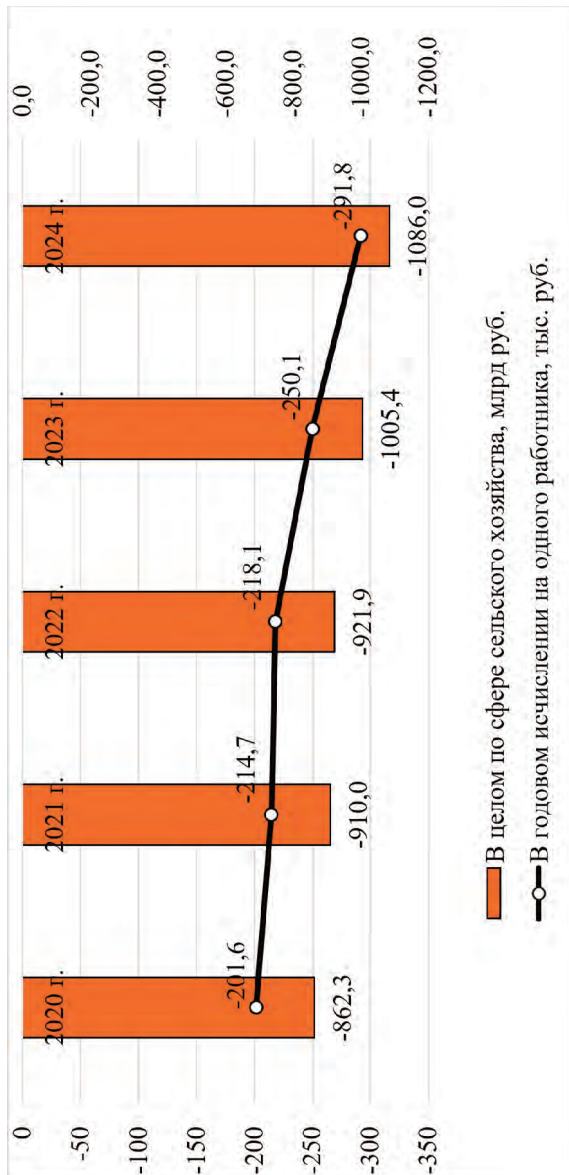

Рисунок 3. Баланс человеческого капитала в секторе сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыболовства Российской Федерации

Во многих экономических исследованиях сформирована доказательная база важности человеческого капитала для экономического роста в условиях технологического развития [7, 8] и формирования конкурентоспособного агропромышленного производства [9]. Отмечается необходимость приоритетного внимания к сохранению человеческого капитала при распределении инвестиций с целью обеспечения его расширенного воспроизводства [10, 11].

Сельское хозяйство функционирует как составная часть экономики страны, где распределение рабочей силы происходит в рамках открытого рынка труда. При этом движение трудовых ресурсов между секторами экономики определяется различиями в заработной плате, что уже достаточно давно доказано на примере модели трудовой внутренней миграции [12, 13].

Сложившийся в сельском хозяйстве откровенно низкий уровень оплаты труда по сравнению с промышленностью и секторами услуг, сезонность труда, а «соответственно» и зарплаты, а также различные формы скрытой безработицы способствуют оттоку трудовых ресурсов из агросектора [14, 15]. Это абсолютно объективный процесс, не позволяющий без кардинального повышения уровня заработной платы в сельском хозяйстве в ближайшем будущем переломить ситуацию в лучшую сторону.

Проблема дефицита кадров, о которой говорят многие эксперты, имеет логичное решение на основе предложения в сельском хозяйстве конкурентного уровня оплаты труда. Это позволяет оперативно закрыть слабые места по перспективным отраслям и направлениям развития. Однако в большинстве случаев собственники и менеджмент компаний рассматривают заработную плату персонала как резерв экономии издержек производства

и роста прибыльности агробизнеса. Данное отношение строится не на пустом месте. В основе бесспорно лежат положения государственной политики в области цены труда в государственных учреждениях (школах, вузах, больницах и поликлиниках, учреждениях культуры и досуга), а также определения минимального уровня оплаты труда, который самый низкий среди всех европейских стран. На открытом рынке труда рост зарплат при отсутствии государственных инициатив является экономически не обоснованным процессом со стороны бизнеса. И работодатели активно этим пользуются.

Таким образом, именно критически низкий уровень заработной платы в сельском хозяйстве выступает тем системным фактором, который отрицательно сказывается и на состоянии аграрного рынка труда, и на воспроизводстве человеческого капитала, и на благосостоянии сельского населения. Особенно остро данный фактор проявляется на фоне демографических проблем на селе.

Эффективное решение задач воспроизводства человеческого капитала в сельском хозяйстве требует комплексного подхода, охватывающего активную государственную политику, модернизацию институтов рынка труда и трудовых отношений, активное взаимодействие общества и бизнеса.

Наиболее актуальным направлением совершенствования воспроизводства человеческого капитала является повышение заработной платы и мотивации работников. Необходимо обеспечить дальнейшее повышение оплаты труда в сельском хозяйстве и расширение социальных гарантий. Заработная плата должна мотивировать работников к осуществлению трудовой деятельности в сельском хозяйстве. Основная задача сводится к обеспечению условий

деятельности предпринимательских структур, позволяющих сформировать механизм заинтересованности к выплате приемлемого для расширенного воспроизводства человеческого капитала уровня заработной платы.

Основные рекомендации включают:

- модернизацию механизма процедуры расчета и национальной практики применения минимального уровня оплаты труда;
- разработку и внедрение прогрессивно-убывающей шкалы отчислений на социальные нужды в сельском хозяйстве;
- кардинальное повышение уровня оплаты труда работников бюджетной сферы;
- продолжение государственной финансовой поддержки образовательных проектов и инфраструктурных улучшений в сельской местности;
- повышение эффективности функционирования служб трудоустройства для улучшения взаимодействия между работниками и работодателями на рынке труда;
- поддержку малого и среднего бизнеса через налоговые льготы и программы финансирования для создания новых, высокопродуктивных рабочих мест.

Для этого требуется законодательное совершенствование институционального обеспечения, направленное на регулирование рынка труда и трудовых отношений с обеспечением паритета экономических интересов работников и работодателей.

Проблемы функционирования рынка труда и воспроизводства человеческого капитала носят многоуровневый и взаимосвязанный характер. Их невозможно решить разрозненными, разовыми мерами. Необходим комплексный

подход, объединяющий макроэкономическую политику, институциональные преобразования, активные программы содействия занятости и адресную поддержку наиболее уязвимых групп населения сельских территорий.

Библиографический список

1. Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Зенкова О.А. Региональный рынок труда в условиях социально-экономических преобразований. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. — 159 с.
2. Дубовицкий А.А., Климентова Э.А., Печуркин А.С. Проблема безработицы в контексте устойчивого развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. — 2020. — Т. 18, № 12(483). — С. 2334–2353.
3. Гаджиева М., Строителева М. С черного дохода: Минтруд оценил число занятых в тени россиян в 9,6 млн. // Известия, 10 июня 2024 г. <https://iz.ru/1709349/milana-gadzhieva-mariia-stroiteleva/s-chernogo-dokhoda-mintrud-otcenil-chislo-zaniatykh-v-teni-rossiian-v-96-mln>.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., из-е второе. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. — Т. 23. — С. 178–181.
5. Бондаренко Л.В. Функции заработной платы в сельском хозяйстве и их реализация // Экономика сельского хозяйства России. — 2022. — № 6. — С. 2–14.
6. Гражданкина Л.Ю., Горбунова В.В. Особенности воспроизводства человеческого капитала в условиях инновационного развития современного российского общества // Фундаментальные исследования. — 2019. — № 7. — С. 42–46.
7. Аганбегян А.Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал — два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. — 2017. — № 4(163). — С. 17–20.

8. Коваль С.В. Современные подходы к формированию человеческого капитала для сельскохозяйственной отрасли // Экономика сельского хозяйства России. — 2023. — № 2. — С. 76–81.
9. Сафронов В. Роль человеческого капитала в формировании конкурентоспособности агропроизводства // Экономика сельского хозяйства России. — 2005. — № 5. — С. 15.
10. Нгуен Т.Х. К вопросу о влиянии человеческого и физического капитала на экономический рост в странах БРИКС и АСЕАН // Экономический анализ: теория и практика. — 2024. — Т. 23, № 8(551). — С. 1550–1564
11. Проблемы формирования человеческого капитала в аграрной сфере / Д.А. Григоров, Д.В. Зюкин, С.В. Баринов, Д.И. Жилияков // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2025. — № 4. — С. 262–268.
12. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. — 1970. — Vol. 60. — No. 1. — Pp. 126–142.
13. Todaro M.P. A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries // The American Economic Review. — 1969. — Vol. 59. — No. 1. — Pp. 138–148.
14. Дубовицкий А.А., Климентова Э.А. Системные проблемы научно-инновационного развития сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2026. — № 4(135). — С. 56–66.
15. Дубовицкий А.А., Климентова Э.А. Оценка воспроизводства природного капитала как фактора устойчивого развития сельского хозяйства // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. — 2025. — № 2(81). — С. 154–159.

References

1. Dashkova E.S., Dorokhova N.V., Zenkova O.A. Regional'nyj rynek truda v uslovijah social'no-jekonomicheskikh preobrazovanij [The regional labor market in the context of socio-economic transformations]. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU [Voronezh: VSU Publishing House], 2023. 159 p. (In Russian).
2. Dubovitsky A.A., Klimentova E.A., Pechurkin A.S. Problema bezraboticy v kontekste ustojchivogo razvitija sel'skih territorij [The problem of unemployment in the context of sustainable rural development]. Regional'naja jekonomika: teorija i praktika [Regional economics: theory and practice], 2020. vol. 18, no. 12(483). Pp. 2334-2353. (In Russian).
3. Gadzhieva M., Stroiteleva M. S chernogo dohoda: Mintrud ocenil chislo zanjatyh v teni rossijan v 9,6 mln. [From black income: The Ministry of Labor estimated the number of Russians employed in the shadow at 9.6 million]. Izvestija [Izvestia], June 10, 2024. (In Russian). <https://iz.ru/1709349/milana-gadzhieva-mariia-stroiteleva/s-chnogo-dokhoda-mintrud-otcenil-chislo-zaniatykh-v-teni-rossiian-v-96-mln>.
4. Marx K. and Engels F. Soch., Iz-e vtoroe [Essays. Second edition]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury [Moscow: State Publishing House of Political Literature], 1960, vol. 23, pp. 178-181. (In Russian).
5. Bondarenko L.V. Funkcii zarabotnoj platy v sel'skom hozjajstve i ih realizacija [Wage functions in agriculture and their implementation]. Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii [Economics of agriculture in Russia], 2022, no. 6, pp. 2-14. (In Russian).
6. Grazhdankina L.Yu., Gorbunova V. V. Osobennosti vosproizvodstva chelovecheskogo kapitala v uslovijah innovacionnogo razvitija sovremenogo rossijskogo obshhestva [Features of reproduction of human capital in the conditions of innovative development of modern Russian

- society]. Fundamental'nye issledovanija [Fundamental research], 2019, no. 7, pp. 42-46. (In Russian).
7. Aganbegyan A.G. Investicii v osnovnoj kapital i vlozhenija v chelovecheskij kapital – dva vzaimosvjazannyh istochnika social'no-jekonomicheskogo rosta [Investments in fixed assets and investments in human capital – two interrelated sources of socio-economic growth]. Problemy prognozirovanija [Problems of forecasting], 2017, no. 4(163), pp. 17-20. (In Russian).
 8. Koval S.V. Sovremennye podhody k formirovaniju chelovecheskogo kapitala dlja sel'skohozjajstvennoj otrasli [Modern approaches to the formation of human capital for the agricultural sector]. Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii [Economics of agriculture in Russia], 2023, no. 2, pp. 76-81.
 9. Safronov V. Rol' chelovecheskogo kapitala v formirovanii konkurentosposobnosti agroprodukcii [The role of human capital in the formation of competitiveness of agricultural production]. Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii [Economics of agriculture in Russia], 2005, no. 5, pp. 15. (In Russian).
 10. Nguyen T.H. K voprosu o vlijanii chelovecheskogo i fizicheskogo kapitala na jekonomicheskij rost v stranah BRIKS i ASEAN [On the impact of human and physical capital on economic growth in the BRICS and ASEAN countries]. Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika [Economic Analysis: theory and practice], 2024, vol. 23, no. 8(551), pp. 1550-1564. (In Russian).
 11. Problemy formirovanija chelovecheskogo kapitala v agrarnoj sfere [Problems of human capital formation in the agricultural sector]. D.A. Grigorov, D.V. Zyukin, S.V. Barinov, D.I. Zhilyakov Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy], 2025, no. 4, pp. 262-268. (In Russian).
 12. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. The American Economic Review, 1970, vol. 60, no. 1, pp. 126-142.

13. Todaro M.P. A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. The American Economic Review, 1969, vol. 59, no. 1. pp. 138-148.
14. Dubovitsky A.A., Klimentova E.A. Sistemnye problemy nauchno-innovacionnogo razvitija sel'skogo hozjajstva [Systemic problems of scientific and innovative development of agriculture]. Jekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozjajstve [Economics, labor, management in agriculture], 2026, no. 4(135), pp. 56-66. (In Russian).
15. Dubovitsky A.A., Klimentova E.A. Ocenka vosproizvodstva prirodnogo kapitala kak faktora ustojchivogo razvitija sel'skogo hozjajstva [Assessment of natural capital reproduction as a factor of sustainable agricultural development]. Vestnik Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of Michurinsk State Agrarian University], 2025, no. 2(81), pp. 154-159. (In Russian).

Контактная информация / Contact Information

ФГБНУ «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Тамбовская область, г. Мичуринск,

ул. Интернациональная, д. 101

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya str., Michurinsk, Tambov Region, 393760

Климентова Эльвира Анатольевна / Elvira A. Klimentova

klim1-408@yandex.ru

Дубовицкий Александр Алексеевич / Alexander A. Dubovitsky

daa1-408@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-244-268
EDN VWTWBY

**ПРОБЛЕМЫ
ТРАНСПОРТНОГО
КОМПЛЕКСА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
И ПРИОРИТЕТНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ ИХ
РЕШЕНИЯ**
**REPUBLIC'S TATARSTAN
TRANSPORT COMPLEX
PROBLEMS AND THEIR
SOLUTION PRIORITY
DIRECTIONS**

ОРЛОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Доцент кафедры экономики и управления
Костромского государственного
университета, к.э.н.

EVGENII V. ORLOV

Associate professor of economics
and management department of Kostroma
State University, PhD in Economics,
associate professor

КУЗНЕЦОВ АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Старший преподаватель кафедры 502
«Экономика промышленности: учет, анализ
и аудит» Московского авиационного
института

ANDREI G. KUZNETSOV

Senior lecturer of the department 502 «Industrial
economics: accounting, analysis and audit»
of Moscow Aviation Institute

АННОТАЦИЯ

Новые условия регионального развития и работы органов управления субъектов РФ, даже таких относительно успешных, как республика Татарстан, делают приоритетными создание комфортных условий жизнедеятельности населения и развитие собственного производства, а также их всестороннее, в т.ч. и транспортное, обеспечение. Одним из возможных направлений развития регионального транспортного комплекса является внедрение дирижаблей, имеющих ряд преимуществ, относительно других видов транспорта, главным из которых является экономия на инфраструктуре.

ABSTRACT

The new conditions of regional development and the work of the Russian Federation region's governments, even in relatively successful regions like

the Republic of Tatarstan, make creating comfortable living conditions for the population and domestic production development a priority, as well as providing comprehensive support for these needs, including transportation. One possible direction for developing the regional transport system is the introduction of airships, which offer a number of advantages over other modes of transport, the most important of which is savings on infrastructure.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Регион, дирижабли, беспилотные авиационные системы, перевозка грузов и пассажиров, документы стратегического планирования, социально-экономическое развитие, международное сотрудничество.

KEYWORDS

Region, airships, unmanned aerial systems, cargo and passenger transportation, strategic planning documents, socio-economic development, international cooperation.

ВВЕДЕНИЕ

Республика Татарстан сегодня — это один из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации, подтверждением чему служит регулярное попадание в число лидеров различных рейтингов социально-экономического развития, составляемых федеральными органами исполнительной власти, РИА «Рейтинг» и другими организациями.

Регион, как и другие субъекты РФ, испытывает воздействие внутренних и внешних факторов, препятствующих достижению потенциально возможных темпов развития. И если влияние на внешние факторы либо невозможно, либо возможно в очень ограниченных рамках, то на внутренние проблемы органы управления и крупные организации могут оказывать существенное позитивное воздействие.

Транспортная система многих регионов, и республика Татарстан здесь не исключение, является одним из «узких мест», которые, с одной стороны, не позволяют набрать максимальную скорость развития, а с другой — поддаются воздействию со стороны региональных и муниципальных органов управления, особенно при поддержке федерации и частного капитала.

В 20-е годы XXI века основной акцент в доступных для анализа исследованиях, связанных с транспортом Татарстана, делается на обеспечении безопасности перевозок (например, [1]) или на необходимости доставки грузов, в том числе и сырьевых, за пределы республики и из-за них (например, [2]).

В данной работе, кроме результатов анализа статистических данных и выявленных на их базе проблем, будут предложены направления их решения, основу которых составляет использование такого вида транспорта, как дирижабли. В 2010-х годах и позднее было издано достаточно большое количество работ, посвященных различным аспектам применения дирижаблей в народном хозяйстве. Среди них необходимо выделить труды А.Н. Кирилина (в частности, [3]).

МАТЕРИАЛЫ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ДАТЬ ОЦЕНКУ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ

Учитывая высокий, относительно подавляющего большинства субъектов РФ, общий уровень социально-экономического развития республики Татарстан, обратим приоритетное внимание на показатели, в разрезе которых наблюдается существенное отставание от лидеров, а также на места в рейтингах, где регион не показывает высоких результатов.

Так, например, по уровню аварийности на дорогах республика занимает 42 место¹, в экологическом рейтинге — 56², а в рейтинге «дронификации»³ вообще отсутствует среди регионов, получивших баллы. При рейтинговании субъектов РФ по итогам 2024 года в порядке повышения значения коэффициента Джинни⁴ республика Татарстан находится на 65-м месте, а значение коэффициента (0,392) указывает на существенное неравенство при наличии негативной динамики. Аналогичная ситуация наблюдается при построении рейтинга субъектов РФ по такому показателю, как «соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченного и 10 % наименее обеспеченного населения»⁵, в котором республика Татарстан находится в пуле регионов, занимающих 63–65 места. Все это позволяет говорить о проблемах, которые, без принятия мер со стороны органов управления, могут негативно отразиться на социально-экономической ситуации.

Наши исследования [4] показывают достаточно высокую рассогласованность системы документов стратегического планирования (государственных и муниципальных программ) в регионе, по сравнению с большинством соседей, что также не позволяет достигать максимально возможных результатов.

При существенно развитой промышленности республики, с учетом природно-климатических условий, аграрный сектор не использует весь свой производственный потенциал (рис. 1). Так доля организаций, работающих в сферах сельского и лесного хозяйства составляет 1,6 % от их общего числа, с долей

¹ <https://riarating.ru/infografika/20250811/630284621.html>

² <https://greenpatrol.ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga>

³ https://s3.objstor.cloud4u.com/pnti/aeronet2035/Рейтинг_дронификации_регионов.xlsx

⁴ https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/NB_Rd_1-2-5.xlsx

⁵ https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/NB_Rd_1-2-7.xlsx

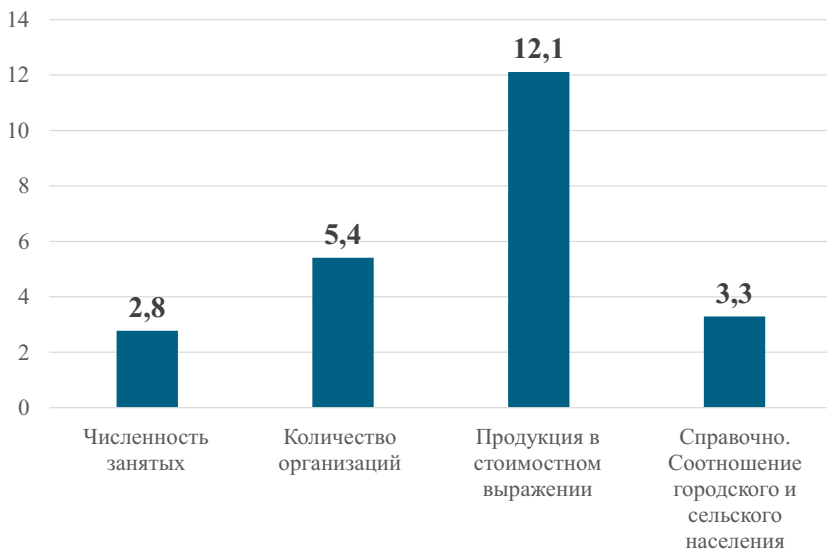

Рисунок 1. Соотношение показателей промышленности и сельского хозяйства Татарстана, раз

занятых 6,3 % (в то время, как у промышленности эти показатели составляют — 8,9 % и 17,4 % соответственно)⁶. В стоимостном выражении предприятиями сельского хозяйства в 2024 году выработано 8,3 % продукции от аналогичного показателя промышленности. При этом доля сельского населения составляет 23,3 % от общей численности. Для существенного повышения эффективности агропромышленного комплекса Татарстана необходимо использовать новые технологические решения, связанные, в том числе, с применением беспилотной техники, значительная доля которой может иметь авиационную основу.

⁶ https://16.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/37301

Согласно материалам доклада «О состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2024 году»⁷, валовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух на территории республики от стационарных и передвижных источников составили 418,9 тысяч тонн. Значение показателя выросло за 20 лет в 1,7 раза. Большая часть выбросов приходится на крупные города, включая Казань. А основной причиной загрязнения воздуха в Казани является автотранспорт.

Также отметим, что для региона и Приволжского федерального округа в целом, учитывая развитие нефтяной, аэрокосмической и некоторых других отраслей, актуальна проблема транспортировки негабаритных грузов. Так, по сведениям, предоставляемым сервисом статистики поисковой системы «Яндекс»⁸, в 2025 году словосочетание «перевозка негабаритных грузов» из республики Татарстан запрашивалось 1849 раз, из Приволжского федерального округа — 14 931 раз, из РФ — 102 970 раз. Такая ситуация не уникальна — с 2018 года (первого года, за который есть данные), количество подобных запросов было значительным, а его снижение в период с 2021 до 2025 года примерно на 30 % может объясняться тем, что крупные клиенты находят постоянных перевозчиков и не осуществляют поиск, но могут переключиться на более выгодные по стоимости и времени варианты доставки, в случае их появления. Доставка негабаритных грузов необходима не только для промышленных отраслей, но и для строительства и ремонта коммунальных сооружений (например, очистных).

⁷ https://eco.tatarstan.ru/file/pub/pub_4607449.pdf

⁸ <https://wordstat.yandex.ru/>

Аналогичный поиск по словосочетанию «транспортровка буровых вышек» дает за 2025 год следующие результаты: из Татарстана оно запрашивалось 2 раза, из ПФО — 35 раз, из РФ — 115 раз. Кроме вышек, нефтяная промышленность Татарстана испытывает потребность в перевозке других негабаритных и тяжеловесных грузов: оборудование для нефтеперерабатывающих заводов, крупногабаритные резервуары, модули для строительства нефтехимических комплексов и т.д. Традиционные способы доставки (автомобильный и железнодорожный транспорт) часто сталкиваются с ограничениями по габаритам, весу, доступности инфраструктуры и требуют значительных затрат на логистику, согласования, разборку/сборку оборудования, усиление дорог и мостов, привлечение специальной техники.

Также актуальны вопросы доставки грузов в отдаленные или труднодоступные населенные пункты, которых в Татарстане насчитывается 2951. Остаются нерешенными проблемы оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации, контроля за состоянием протяженных объектов инфраструктуры, в значительной степени зависящих от состояния иностранной авиатехники, приобретение запасных деталей к которой сегодня затруднено.

Завершая аналитический раздел, необходимо выделить те показатели транспортного комплекса республики, представленные в табл. 1, которые демонстрируют тенденции, существенно отличающиеся от общероссийских.

При проведении анализа необходимо также учитывать, что темпы роста численности населения в регионе и в стране за указанный период практически совпадают. На снижение показателей общественного пассажирского транспорта влияние может оказывать автомобилизация населения, создающая

Таблица 1

**Сравнительные результаты развития транспорта в Татарстане
и РФ в 2000-2024 годах***

Показатель	Изменение, %	
	РФ	Татарстан
Отправление пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования	91,3	45,8
Пассажирооборот автобусов общего пользования	67,5	37,6
Число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения	123,9	47,0
Грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности	253,6	433,9

* Рассчитано авторами на основании данных приложения к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели»
https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Region_Pokaz_2025.rar

дополнительные транспортные, экологические и иные проблемы, но число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения за рассматриваемый период в стране выросло в 2,6 раза, а в республике — в 2,7 раза.

Рост грузооборота автомобильного транспорта сопровождается меньшим, но существенным (в 2,6 раза) ростом плотности автомобильных дорог, что создает, кроме экологических, проблемы безопасности, а также повышает затраты бюджетов и внебюджетных фондов на поддержание дорожной инфраструктуры.

НОРМАТИВНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА

В результате внесения в 2025 году изменений в перечень и наполнение Национальных проектов, выхода новых отраслевых стратегий и программ, принятия подзаконных актов, существенно смещаются акценты как во внутреннем (в том

числе и региональном) развитии страны, так и в приоритетах международного сотрудничества.

Среди национальных проектов, только непосредственно связанными с развитием транспорта можно назвать следующие:

- Промышленное обеспечение транспортной мобильности (производство транспорта);
- Эффективная транспортная система;
- Беспилотные авиационные системы;
- Инфраструктура для жизни (более половины инициатив которого посвящено транспортной составляющей инфраструктуры).

Значительное воздействие на развитие транспорта окажут такие национальные проекты, как «Экологическое благополучие», «Кадры», «Туризм и гостеприимство».

До 2030 года из федерального бюджета на реализацию Национальных проектов будет направлено более 40 трлн рублей, а также предполагается привлечение не менее чем 13 трлн рублей внебюджетных инвестиций. При этом наибольшие доли в общем объеме распределяемых средств получат проекты, связанные с поддержкой семей и инфраструктуры, в том числе и транспортной. Целью проекта «Производство транспорта» является: создание транспорта, благодаря которому люди смогут передвигаться быстро, безопасно, комфортно, что совпадает с особенностями дирижаблей.

Многие другие документы стратегического планирования также затрагивают развитие транспорта. Так в Транспортной стратегии РФ⁹ выделены следующие приоритеты, достижение которых существенно упрощается при использовании дирижаблей:

⁹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р.

- повышение доступности транспортных услуг, выражающееся, среди прочего, в повышении транспортной подвижности населения и росте объемов пассажирских авиаперевозок;
- повышение качества транспортных услуг в части комфорта и безопасности перевозок, с минимизацией негативного воздействия на окружающую среду;
- рост роли транспорта в обеспечении обороноспособности;
- развитие отраслевых науки и образования, решение кадровой проблемы в отрасли, повышение производительности труда на транспорте, в частности, в его авиасегменте.

В государственной программе Российской Федерации «Развитие транспортной системы»¹⁰ есть направление (подпрограмма) «Гражданская авиация и аэронавигационное обслуживание», в рамках которой бюджетам субъектов РФ предоставляются субсидии из федерального бюджета, а цели, кроме указанного в Транспортной стратегии повышения доступности качественных транспортных услуг, включают: ускорение товародвижения; повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы.

В Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации до 2035 года¹¹ указано, что экспертная оценка объема российского производства беспилотных авиационных систем (БАС) и их компонентов составляет 16–20 млрд рублей в год, а общий объем внутреннего рынка БАС составляет более 50 млрд рублей в год, с потенциалом роста до 200 млрд рублей к 2030 году. С 2018 по 2022 год в рамках государственных закупок было заключено почти 2 тыс. контрактов на сумму более 13 млрд рублей и, в дальнейшем, про-

¹⁰ Утверждена постановлением Правительства РФ от 20.12.2017 № 1596.

¹¹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-р.

гнозируется стабильный государственный спрос.

Основными направлениями российского экспорта БАС стали Судан, Венесуэла и Узбекистан. Общемировой объем рынка растет кратными темпами и к 2030 году оценивается в \$55,8 млрд. БАС находят применение в таких сферах, как: мониторинг нефте- и газопроводов, электросетей, авиационно-химические работы в сельском хозяйстве, работы в целях лесоустройства, обследование объектов капитального строительства, перевозка грузов, картография и кадастр. Так, например, в России применение БАС в сельском хозяйстве позволило в 2 раза увеличить производительность труда, на 12,8 % сократить расходы на средства защиты растений, увеличить удельный рост сбора урожая по отдельным культурам на 10–30 %, а в топливном секторе затраты на воздушное патрулирование газопроводов снизились в 3 раза. Целевые значения реализации данной Стратегии, которые могут быть достигнуты, в том числе с использованием беспилотных дирижаблей, представлены в табл. 2.

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации¹² на ближайшее десятилетие обозначены следующие приоритеты, в реализации которых существенную поддержку может оказать дирижаблестроение:

- переход к передовым технологиям проектирования и создания высокотехнологичной продукции;
- переход к высокопродуктивному и экологически чистому агрохозяйству;
- повышение уровня связанности территории Российской Федерации, освоение и использование воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики;

¹² Утверждена указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145.

Таблица 2

Цели Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации

Показатель	Значение
Доля беспилотных авиационных систем российского производства в общем объеме российского рынка, %	70
Доля беспилотных авиационных систем российского производства в общем объеме государственных закупок, %	80
Количество произведенных российских беспилотных авиационных систем в период 2023-2030 годов, тыс. ед.	157,6
Количество сертифицированных типов беспилотных авиационных систем, ед.	30
Количество подготовленных в 2023-2030 годах специалистов в сфере исследований, разработки, производства и эксплуатации беспилотных авиационных систем, млн чел.	1,1
Количество созданных в 2023-2030 годах опытных, экспериментальных образцов и демонстраторов перспективных технологий беспилотных авиационных систем, ед.	109

– снижение негативного воздействия на окружающую среду и климат.

Дополнительно: разработчики специализированного программного обеспечения для беспилотных летательных аппаратов могут воспользоваться льготами для IT-компаний (сниженные ставки по налогу на прибыль и страховым взносам); Фонд развития промышленности предоставляет льготные кредиты на проекты в сфере производства таких аппаратов; субсидии, связанные с их производством и эксплуатацией, предоставляются, например, в соответствии с такими документами, как:

– постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (приложение № 15 «Правила предоставления субсидий из федераль-

ного бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на создание сети научно-производственных центров испытаний и компетенций в области развития технологий беспилотных авиационных систем»);

– постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2023 № 1075, в соответствии с которым субсидии предоставляются владельцам беспилотных воздушных судов, участвующим в поисково-спасательных операциях;

– решение Министерства промышленности и торговли РФ от 02.11.2024 № 24-66221-01392-Р о порядке предоставления субсидии изготовителям беспилотных авиационных систем, где взлетная масса ограничена 500 кг.

Необходимо отметить, что перечень нормативно-правовых актов федерального уровня не ограничивается указанными выше, а показатели, достижение целевых значений которых может быть существенно упрощено при использовании дирижаблей, встречаются не только в законодательных актах, но и в ведомственных документах.

Переходя на региональный уровень, необходимо отметить, что одной из проблем, выделенных в Стратегии социально-экономического развития республики Татарстан¹³, является слабое развитие инфраструктуры, обеспечивающей экономическую связанность муниципальных образований с сельскими и удаленными территориями. Приоритетными направлениями развития, деятельность в которых может быть поддержана развитием дирижаблестроения, являются:

- транспортная доступность всех типов поселений внутри республики и надежные связи с соседними регионами;
- сохранение сельской местности за счет несельскохозяй-

¹³ Закон республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ.

ственных видов деятельности и развития социальной, общественной и транспортной инфраструктуры;

– эффективное участие государства в инфраструктурных проектах.

Дополнительно можно выделить такие приоритеты, указанные в Стратегии, как осуществление государственной поддержки эколого-ориентированных проектов, развитие альтернативных видов транспорта и логистической инфраструктуры, которые также могут предполагать использование дирижаблей.

В Стратегии развития транспортного комплекса Республики Татарстан до 2030 года¹⁴ среди стратегических приоритетов указаны такие, как интенсивное развитие общественного транспорта (в т.ч. пригородного и междугороднего) и развитие логистической инфраструктуры, а дополнительным фактором, стимулирующим развитие воздушного транспорта, названо участие региона в реализации федеральных программ субсидирования авиаперевозок. Среди указанных в документе слабых сторон воздушного транспорта необходимо выделить высокую себестоимость перевозок. Также отметим, что развитие воздушного сообщения будет способствовать и достижению цели, поставленной относительно автомобильного транспорта: «снижение количества мест концентрации дорожно-транспортных происшествий», за счет принятия на себя воздушными судами части грузо- и пассажиропотока.

Государственная программа «Развитие транспортной системы Республики Татарстан»¹⁵ обозначает следующие

¹⁴ Утверждена приказом Министерства транспорта и дорожного хозяйства РТ от 24.07.2017 № 253.

¹⁵ Утверждена постановлением Кабинета министров РТ от 20.12.2013 № 1012.

стратегические цели политики в транспортном комплексе: повышение пространственной связанности и транспортной доступности территорий; увеличение скорости и объема доставки грузов; повышение мобильности населения. А среди задач, решаемых посредством программы, необходимо выделить: повышение доступности услуг воздушного транспорта; повышение комплексной безопасности транспортной системы. В достижении всех указанных в программе целей и задач также существенную помощь может оказать развитие воздушного сообщения с помощью дирижаблей.

Исходя из текстов муниципальных документов стратегического планирования, принятых в республике Татарстан, среди основных проблем городов и районов, остроту которых можно существенно снизить, используя дирижабли, можно выделить: транспортную перегруженность основных трасс (особенно в городах) и необходимость развития туризма.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИРИЖАБЛЕЙ — ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПРИОРИТЕТОВ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА

Как уже упомянуто выше, решение многих из представленных в документах стратегического планирования проблем, связанных с развитием транспорта, существенно упрощается в случае возобновления активного использования такого вида транспорта, как дирижабли.

Согласно положениям Федеральных правил использования воздушного пространства РФ¹⁶, «дирижабль» — летательный аппарат, перемещающийся в атмосфере при помощи силовой установки и управляемый по высоте, направлению, скорости.

¹⁶ Утверждены постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 138.

Среди преимуществ дирижаблей перед другими видами транспорта необходимо выделить:

- экономичность, поскольку подъемную силу обеспечивает находящийся в баллонах газ, а энергия расходуется только на перемещение, себестоимость перевозок в 1,5–2 раза ниже, чем у самолетов, и в 3–6 раз ниже, чем у вертолетов;

- безопасность полетов — даже в экстремальных ситуациях происходит плавное опускание на землю;

- сниженные требования к инфраструктуре — не требуют не только дорог, но и дорогостоящей аэропортовой инфраструктуры, поскольку взлет и посадка осуществляются вертикально;

- кратчайшие маршруты, при этом есть возможность приема пассажиров и грузов в местах, указанных заказчиком, например, у цеха производственного предприятия, что особенно значимо, если груз негабаритный;

- большая грузоподъемность — 10–40 тонн, с возможностью роста до 500, что существенно превосходит показатели самолетов и вертолетов, при сопоставимых скоростях.

Сегодня дирижабли и дирижаблестроение не входят в перечень приоритетных видов и направлений развития транспорта в большинстве документов стратегического планирования, программирования и отраслевой нормативной базе. При этом в федеральных документах уже начинают появляться ссылки на необходимость развития данного вида транспорта — так он упомянут среди перспективных транспортных технологий, представленных в п. 22 Концепции научно-технологического развития транспортного комплекса Российской Федерации на период до 2035 года¹⁷.

¹⁷ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 19.12.2025 № 3871-р.

Отметим, что частично создание инфраструктуры для дирижаблей можно профинансировать за счет инфраструктурных бюджетных кредитов¹⁸, которые предоставляются из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ по ставке 3 % годовых на срок не менее 15 лет, а погашать их нужно с третьего года после получения.

Необходимо внесение изменений в нормативно-правовые акты, которые позволят эксплуатировать подобные летательные аппараты для перевозок пассажиров и грузов на всей территории Российской Федерации, что создаст внутренние рынки таких транспортных средств и их услуг. А, следовательно, регионы, на территории которых будут располагаться производства, получают стратегические преимущества как от использования, так и от реализации дирижаблей, повышая занятость и доходы населения, налоговые поступления, загрузку смежных производств и т.д.

Предоставление федеральной и региональной поддержки, получение льготных кредитов и субсидий, могут содействовать ускорению организации производства и эксплуатации дирижаблей, привлечению инвестиций. Инновационные кластеры, действующие на территории региона, дают возможность кооперироваться со смежниками, а также с вузами и научными учреждениями для разработки новых технологий и решений. Так, организации, связанные с разработкой дирижаблей, могут стать резидентами особой экономической зоны «Алабуга» или Камского инновационного кластера. Возможно построение партнерских отношений производителей и эксплуатантов дирижаблей с Казанским национальным исследовательским техническим

¹⁸ Постановления Правительства РФ от 14.07.2021 № 1189 и № 1190.

университетом имени А.Н. Туполева. А взаимодействие с Казанским аграрным университетом позволит эффективно реализовать потенциал беспилотных дирижаблей в сельском хозяйстве.

Появление еще одного вида транспортных средств станет дополнительным стимулом развития логистической инфраструктуры в регионе — указанных в Стратегии развития транспортного комплекса республики Татарстан до 2030 года логистических комплексов и мультимодальных логистических центров.

Использование беспилотных дирижаблей представляет собой инновационный подход к решению задач в сельском хозяйстве и других отраслях, так как дирижабли обладают рядом преимуществ перед квадрокоптерами, особенно в контексте задач, требующих больших грузоподъемности и продолжительности времени нахождения в воздухе, например таких, как мониторинг протяженных объектов инфраструктуры или посевов, точное внесение удобрений и средств защиты растений, создание карт полей и др. Также к преимуществам летательных аппаратов дирижабельного типа можно отнести большие энергоэффективность, экологичность, плавность и стабильность полета, при более низких стоимости эксплуатации и аварийности.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Широкое использование дирижаблей будет способствовать улучшению позиций республики, в разрезе всех представленных выше и иных рейтингов, достижению установленных в стратегических документах значений ключевых показателей и решению значительной части выявленных проблем. К получаемым результатам также можно отнести:

– позитивное влияние на экологию, т.к. не только затрачивается существенно меньше топлива на единицу веса перевозимого груза, но и отсутствует необходимость строительства травматичной для природы инфраструктуры;

– снижение числа аварий на дорогах за счет сокращения количества передвигающихся по ним транспортных средств;

– повышение размеров оплаты труда в сферах, связанных с разработкой и эксплуатацией дирижаблей, а также в смежных отраслях, позитивно отразится на социальной стабильности.

Возможность ускоренной доставки «от точки до точки» без необходимости перемены транспортных средств, что особенно значимо для негабаритных грузов, придаст дополнительный импульс развитию приоритетных отраслей экономики региона, в частности, нефтедобыче и машиностроению. А создание полноценной транспортно-логистической системы для перевозки грузов и пассажиров с применением дирижаблей, в том числе, в малонаселенных и труднодоступных местностях, позволит решить не только транспортные, но и социальные проблемы, развить производство, повысить наполняемость бюджетов всех уровней.

Строительство и использование дирижаблей будут содействовать достижению поставленных в Стратегии социально-экономического развития республики Татарстан целей, связанных с увеличением туристского потока, пассажиропотока авиатранспорта, доли экспорта республики (в т.ч. не сырьевой продукции) в общем объеме экспорта РФ, доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства и других. Также поддержку получают: дополнительное и профессиональное образование, исследования в области атмосферы, климата и экологии. Повысится эффективность

мониторинга окружающей среды и инфраструктуры. Произойдет стимулирование разработки и внедрения инноваций и передовых технологий в таких областях, как материаловедение, двигателестроение, аэродинамика, автоматика, навигация и других.

Среди обозначенных в Стратегии кластеров, кроме непосредственного участия в развитии кластера «Авиастроение», производство и эксплуатация дирижаблей будет поддерживать композиты, металлургию, «умный» транспорт, логистику, АПК и другие, а также содействовать достижению целей, поставленных в государственных программах республики Татарстан, связанных не только с развитием транспортной системы, но и с защитой населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечением пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, охраной окружающей среды, воспроизводством и использованием природных ресурсов, развитием сельского хозяйства и туризма.

Новые импульсы развития, в связи с использованием дирижаблей, может получить туристический комплекс республики, обладающий значительным количеством объектов показа, доступ к которым затруднен. При этом туристы получают высокий уровень комфорта и безопасности, при существенно более высокой экологичности, чем у других видов транспорта, а отсутствие прямого контакта с объектами показа способствует сохранности памятников природы и истории.

Целевыми регионами применения дирижаблей в России, кроме республики Татарстан, являются Сибирь, Дальний Восток, Арктика. Ключевыми потребителями являются нефтегазовые компании, сельскохозяйственные предприятия,

логистические компании, туристические фирмы, государственные структуры, включая Министерство обороны.

Перспективным является и выход на международные рынки, где подобные проекты актуальны для стран, которые сегодня не могут самостоятельно разрабатывать сложную технику, но испытывают потребность в относительно недорогом (в т.ч. и в эксплуатации), безопасном и энергетически эффективном транспорте, который можно использовать и в труднодоступных для других видов транспорта местностях. К таким странам можно отнести большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Согласно Стратегии развития социально-экономического развития республики Татарстан до 2030 года, ключевой задачей является обеспечение глобальной конкурентоспособности региональной экономики в условиях постоянно меняющегося мира, а одной из задач — стать одним из мировых полюсов роста к 2030 году.

Этому будет способствовать то, что Татарстан, претендующий на роль одного из центров исламского мира, о чем можно судить по проводимым в республике международным мероприятиям, например, форуму «Россия — Исламский мир», может стать проводником российских идей и технологий в самые густонаселенные страны Азии и Африки.

Указанный форум позиционируется как главная площадка экономического взаимодействия РФ со странами, население которых преимущественно исповедует ислам. Не секрет, что эти страны занимают полярные позиции в рейтингах социально-экономического развития, практически во всех из них нет полного набора ресурсов для полномасштабного производства дирижаблей, но каждая из них может получить позитивные результаты от их использования.

Многие страны Азии обладают сложным рельефом (горы, пустыни), что затрудняет доставку грузов традиционными видами транспорта. К таким странам можно отнести и страны, ранее составлявшие азиатскую часть СССР, с которыми сохранились дружественные отношения, минимален языковой барьер. Именно им, учитывая их транспортные проблемы, можно предложить стать вместе с Россией первопроходцами в сфере широкого использования дирижаблей, а затем распространить опыт взаимодействия на страны, с аналогичными уровнями социально-экономического развития и географическими условиями.

Странам Ближнего Востока, особенно обладающим развитой нефтедобывающей отраслью, можно предложить дирижабли класса «люкс», что предусматривает предоставление комфортабельного и эксклюзивного способа передвижения для высокопоставленных лиц и бизнесменов. Также перспективным направлением является организация туров и обзорных полетов над пустынными ландшафтами и современными мегаполисами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня во всем мире возрастает интерес к разработке и эксплуатации дирижаблей, стимулируемый экологическими соображениями, необходимостью перевозок в труднодоступные районы, развитием туризма, применением в сфере мониторинга и связи. Свои образцы или прототипы дирижаблей имеют компании из Китая, США, развитых стран Европы. В Российской Федерации, несмотря на незрелость данного рынка, наблюдается растущий интерес со стороны государства и бизнеса. В данном направлении работает несколько организаций, среди которых необходимо выде-

лить ООО «Аэронова», АО «Долгопрудненское конструкторское бюро автоматики» (ДКБА), МГТУ им. Баумана, МАИ.

Применительно к ситуации, сложившейся в республике Татарстан, появление нового вида транспорта является перспективным. Так, замена грузового транспорта дирижаблями для перевозки негабаритных и обычных грузов позволит снизить транспортные расходы, выбросы углекислого газа, повысить пропускную способность дорог, в том числе в крупных городах. Экологичность дирижаблей, по сравнению с другими видами транспорта, обеспечивается оптимальными маршрутами, минимизацией выбросов, в том числе за счет возможности применения электрических двигателей, солнечных панелей и водородных топливных элементов. Это становится особенно значимым аргументом в переговорах с зарубежными партнерами, уделяющими большое внимание защите окружающей среды.

Учитывая давние традиции авиастроения в республике Татарстан, а также наличие преференциальных зон развития высокотехнологичных производств, специализированных учебных заведений и других преимуществ, регион может стать центром создания и использования дирижаблей, имеющим международное значение.

Библиографический список

1. Валеев И.К. Обеспечение безопасности объектов нефтегазодобычи и магистрального трубопроводного транспорта // Вестник государственной экспертизы. — 2020. — № 3 (16). — С. 40–43.
2. Волкова С.Л. Динамика торгового сотрудничества Турции и Татарстана в XXI веке // Вестник Челябинского государственного университета. — 2023. — № 8 (478). — С. 262–273. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-478-8-262-273.

3. Кирилин А.Н. Дирижабли. — М.: МАИ-ПРИНТ, 2013. 416 с.
4. Орлов Е.В. Оценка согласованности региональных и муниципальных документов стратегического планирования // Экономика региона. — 2023. — 19(3). — С. 711–728. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-8.

References

1. Valeev I.K. Obespechenie bezopasnosti ob'ektov neftegazodobychi i magistral'nogo truboprovodnogo transporta // Vestnik gosudarstvennoi ekspertizy. — 2020. — № 3 (16). — S. 40–43.
2. Volkova S.L. Dinamika torgovogo sotrudnichestva Turtsii i Tatarstana v XXI veke // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2023. — № 8 (478). — S. 262–273. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-478-8-262-273.
3. Kirilin A.N. Dirizhabli. M.: MAI-PRINT, 2013. 416 s.
4. Orlov E.V. Otsenka soglasovannosti regional'nykh i munitsipal'nykh dokumentov strategicheskogo planirovaniya // Ekonomika regiona. — 2023. — 19(3). — S. 711–728. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-8.

Контактная информация / Contact Information

Костромской государственный университет (КГУ)
156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11
Kostroma State University, st. Dzerzhinskogo, 156005, Russia
Орлов Евгений Владимирович / Evgeny V. Orlov
ev_orlov@rambler.ru

Московский авиационный институт (МАИ)
125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4
Moscow Aviation Institute, Volokolamskoe highway, 125993, Russia
Кузнецов Андрей Геннадьевич / Andrei G. Kuznetsov
andrey2322298@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-269-286

EDN WAOTHT

**ЭКОНОМИКО-
СТАТИСТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ДОРОЖНО-
ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЙ
В РОССИИ**
**ECONOMIC
AND STATISTICAL
ANALYSIS OF ROAD
ACCIDENTS
IN RUSSIA**

ЧЕРЕМИСИНА НАТАЛИЯ ВАЛЕНТИНОВНА

Профессор кафедры экономики и управления
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»,
доктор экономических наук

NATALIA V. CHEREMISINA

Professor of the Department of Economics
and Management, Derzhavin Tambov State
University, Doctor of Economics

ЧЕРЕМИСИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Доцент кафедры экономики и управления
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»,
кандидат экономических наук

TATYANA N. CHEREMISINA

Associate Professor of the Department of
Economics and Management, Derzhavin Tambov
State University, Candidate of Economic
Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье произведен экономико-статистический анализ дорожно-транспортных происшествий в России. На основе данных Федеральной службы государственной статистики в длительной динамике проанализированы число дорожно-транспортных происшествий (ДТП), число погибших и пострадавших в них в целом по России и в отдельных регионах Центрального федерального округа (ЦФО). Проведено сравнение с аналогичными показателями в разных государствах мира. Выявлены причины ДТП в России и основные факторы риска водителей транспортных средств, способствующих возникновению ДТП. Доказана зависимость числа ДТП от состояния автомобильных дорог.

ABSTRACT

The article provides an economic and statistical analysis of road accidents in Russia. Based on data from the Federal State Statistics Service, the number of road accidents (DTP), the number of deaths and injuries in them in Russia as a whole and in certain regions of the Central Federal District (CFD) have been analyzed over a long period of time. A comparison was made with similar indicators in different countries of the world. The causes of road accidents in Russia and the main risk factors for drivers of vehicles contributing to accidents have been identified. The dependence of the number of accidents on the condition of highways is proved.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Дорожно-транспортные происшествия (ДТП), безопасность движения, автомобильные дороги, факторы риска.

KEYWORDS

Traffic accidents (TA), traffic safety, highways, risk factors.

ВВЕДЕНИЕ

Всем известно, что ничего нет дороже человеческой жизни... Тем более если она обрывается совершенно неожиданно, принося горе, физические и душевные травмы в семьи погибших. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), из года в год вследствие дорожно-транспортных происшествий в мире погибает более 1,3 миллиона человек и около 50 миллионов получают травмы [1], и это не считая ущерба в материальном и финансовом смысле.

Конечно, автомобиль был создан для улучшения качества жизни людей, и в современном мире мы не можем себя представить без участия этих помощников в различных сферах деятельности человека. С самого детства каждый гражданин нашей страны становится непосредственным участником дорожного

движения как водитель, пешеход, пассажир... Тем не менее масштабное число дорожно-транспортных происшествий (ДТП), сопровождающихся смертностью и травматизмом, побуждают к размышлениям о причинах и последствиях этого печального явления.

Несколько лет назад в нашей стране была принята «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы», целью которой являлось повышение безопасности дорожного движения, а также стремление к нулевой смертности в ДТП к 2030 году. В качестве целевого ориентира на 2024 год был установлен показатель, составляющий не более 4 погибших на 100 тыс. населения.

Используя данные различных источников — Росстата, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), Минтранса, Госавтоинспекции, нормативно-правовых актов, материалов конференций различных уровней, публикаций в средствах массовой информации и сети Интернет, относящихся к предмету исследования, — мы предприняли попытку анализа современной ситуации с ДТП.

Цель исследования — экономико-статистический анализ современной ситуации дорожно-транспортных происшествий в России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Статистика по количеству ДТП в нашей стране свидетельствует о ежегодном снижении, однако в период с 2020 по 2024 гг. в автокатастрофах на дорогах России погибло более 70 тыс. человек... А это, согласитесь, целый небольшой город... На каждые 10 ДТП приходится 1 погибший человек. Такие высокие показатели смертности не могут не создавать демографических угроз для государства, в связи с чем проблема

аварийности и смертности на дорогах России остается по-прежнему острой.

Данные Росстата (рис. 1) показывают, что в России число раненых и погибших в ДТП, как и само количество происшествий в период с 2005 по 2024 гг., снизилось.

Конечно, хорошо, что число аварий снижается. Но снижается оно не теми темпами, на которые мы рассчитывали. Это, наверное, главный вывод, который мы должны сделать. Так, например, мы наблюдаем резкий рост ДТП в 2023 году по сравнению с 2022 годом на 4,5 %, а число погибших — на 2,3 %. При этом если в 2022 г. снижение аварий было на 5,0 %, то в 2024 этот показатель снизился лишь на 0,3 %.

Такие данные говорят о недостаточно безопасной обстановке на дорогах общего пользования и риске роста количества происшествий и, соответственно, летальных исходов.

В табл. 1 представлены данные о количестве совершённых ДТП в регионах ЦФО и России в целом за 2010–2024 гг. [2]

По данным Росстата, в 2024 году по сравнению с 2010 годом в России в целом и практически во всех регионах Центрального федерального округа наблюдается значительное снижение количества совершённых ДТП. Исключение составляет Костромская область, где число ДТП за данный период выросло на 5,9 %. Однако по сравнению с предыдущим 2023 годом наблюдается иная ситуация: если в целом по России число ДТП в расчете на 100 000 человек снизилось, то в ЦФО — выросло на 1,6 или на 2,0 %.

Если говорить о нашем регионе, то в последние годы наблюдается значительное снижение общего числа ДТП, однако, несмотря на позитивные сдвиги, на фоне общероссийской ситуации в Тамбовской области показатель аварийности на 100 000 человек выше на 22,5 %, а по сравнению

Рисунок 1. Статистика ДТП в Российской Федерации за 2005–2024 гг.

Построено авторами на основе данных [1].

Таблица 1

Количество совершённых ДТП в регионах Центрального федерального округа (ЦФО) и Российской Федерации в 2010–2024 гг. (на 100 000 человек населения)[2]

Регионы, области	Годы					2024 г. к 2010 г.		2024 г. к 2023 г.	
	2010	2015	2020	2023	2024	+;-	В %	+;-	В %
Российская Федерация	139,6	125,2	98,2	90,5	90,4	-49,2	64,8	-0,1	99,9
ЦФО	144,7	120,5	88,0	80,2	81,8	-62,9	56,5	+1,6	102,0
Белгородская	94,6	80,1	74,6	73,4	78,3	-16,3	82,8	+4,9	106,7
Брянская	120,8	114,3	73,8	54,7	44,0	-76,8	36,4	-10,7	80,4
Владимирская	231,0	195,1	149,5	139,2	143,0	-88,0	61,9	+3,8	102,7
Воронежская	167,6	138,9	120,7	112,2	113,0	-54,6	67,4	+0,8	100,7
Ивановская	185,2	168,7	112,9	116,0	117,6	-67,6	63,5	+1,6	101,4
Калужская	173,7	198,9	119,5	108,2	104,7	-69,0	60,3	-3,5	96,8
Костромская	163,8	120,0	119,9	140,4	173,4	+ 9,6	105,9	+33,0	123,5
Курская	166,8	166,4	136,8	97,4	112,3	-54,5	67,3	+14,9	115,3
Липецкая	192,0	148,8	123,3	106,9	100,7	-91,3	52,4	-6,2	94,2
Московская	150,9	101,9	58,5	45,9	45,1	-105,8	29,9	-0,8	98,3
Орловская	176,6	155,1	106,3	94,9	95,6	-81,0	54,1	+0,7	100,7
Рязанская	183,6	184,0	140,5	137,9	133,4	-50,2	72,7	-4,5	96,7
Смоленская	129,6	129,5	104,2	108,1	97,8	-31,8	75,5	-10,3	90,5
Тамбовская	167,0	162,4	114,7	113,7	110,7	-56,3	66,3	-3,0	97,4
Тверская	167,2	139,9	146,9	120,2	119,7	-47,5	71,6	-0,5	99,6
Тульская	183,6	172,4	121,0	117,7	115,5	-68,1	62,9	-2,2	98,1
Ярославская	168,3	149,4	138,0	119,9	117,8	-50,5	70,0	-2,1	98,2
г. Москва	102,6	84,7	61,6	61,8	67,7	-34,9	66,0	+5,9	109,5

Составлено и рассчитано авторами на основе данных [2].

со средним по Федеральному округу — выше на 35,3 %. По данному показателю область занимает 56 место в Российской Федерации и 9 место в ЦФО. Это говорит о том, что, несмотря на положительные тенденции в снижении общего числа аварий, регион все еще сталкивается с серьезными проблемами в области дорожной безопасности.

Тот же вывод мы получим при анализе числа погибших в ДТП в регионах Центрального федерального округа и Российской Федерации: динамика показателя за последние годы демонстрирует значительное снижение числа погибших в расчете на 100 000 человек населения (табл. 2). Но все же по сравнению с предыдущим, 2023 годом, число погибших в ДТП на территории Российской Федерации не изменилось. При этом в ЦФО зарегистрирован рост числа погибших в 56 % входящих в него субъектов. Наиболее неблагоприятная обстановка сложилась в Белгородской и Тамбовской областях, где отмечен рост числа погибших в течение анализируемого периода более чем на четверть.

Несмотря на достаточно внушительное снижение числа ДТП и погибших в них в 2024 г. по сравнению с 2010 г., на наш взгляд, пока еще не добиться к 2030 году нулевой смертности на российских дорогах, как предусмотрено федеральной «Стратегией безопасности дорожного движения». В 2024 году в реальности имеем 9,9 погибших при планируемом ориентире не более 4 погибших на 100 тыс. населения. Так что говорить о выполнении стратегии пока очень рано...

Справедливости ради хотелось бы признать, что смертность в ДТП — это общемировая проблема, с которой пока еще не справилось ни одно государство в мире. Это подтверждают и данные статистики (рис. 2): в то время как в США регистрируется 12,7 смертей на 100 тыс. населения, в Китае — 17,4,

Таблица 2

Число погибших в ДТП в регионах Центрального федерального округа (ЦФО) и Российской Федерации в 2010–2024 гг. (на 100 000 человек населения) [3]

Регионы, области	Годы					2024 г. к 2010 г.		2024 г. к 2023 г.	
	2010	2015	2020	2023	2024	+; -	В %	+; -	В %
Российская Федерация	18,6	15,7	10,9	9,9	9,9	-8,7	53,2	-	100,0
ЦФО	18,3	15,4	9,5	8,2	8,4	-9,9	45,9	+ 0,2	102,4
Белгородская	16,4	13,3	8,9	9,4	11,9	-4,5	72,6	+2,5	126,6
Брянская	18,3	19,9	12,8	9,8	9,6	-8,7	55,5	-0,2	98,0
Владимирская	30,9	27,6	17,0	15,3	14,0	-16,9	45,3	-1,3	91,5
Воронежская	22,9	23,2	16,8	14,4	16,1	-6,8	70,3	+1,7	111,8
Ивановская	15,9	12,6	9,1	10,4	10,1	-5,8	63,5	-0,3	97,1
Калужская	26,3	25,9	16,0	10,8	11,8	-14,5	44,9	+1,0	109,3
Костромская	14,2	13,5	7,4	13,4	12,1	-2,1	85,2	-1,3	90,3
Курская	20,7	21,9	15,2	14,0	13,2	-7,5	63,8	-0,8	94,3
Липецкая	23,9	18,2	15,7	13,7	14,7	-9,2	61,5	+1,0	107,3
Московская	26,1	18,0	9,0	7,7	7,4	-18,7	28,3	-0,3	96,1
Орловская	22,2	19,3	15,6	9,0	9,4	-12,8	42,3	+0,4	104,4
Рязанская	29,1	25,7	16,6	15,3	16,9	-12,2	58,1	+1,6	110,5
Смоленская	22,6	19,2	14,4	12,4	13,0	-9,6	57,5	+0,6	104,8
Тамбовская	19,8	19,1	13,2	10,9	13,7	-6,1	69,2	+2,8	125,7
Тверская	21,8	20,9	15,3	11,9	12,6	-9,2	57,8	+0,7	105,9
Тульская	25,7	23,8	16,1	14,2	11,1	-14,6	43,2	-3,1	78,2
Ярославская	19,9	18,4	13,2	14,6	13,6	-6,3	68,3	-1,0	93,1
г. Москва	6,7	5,5	2,9	2,3	2,6	-4,1	38,8	+0,3	113,0

Составлено и рассчитано авторами на основе данных [3].

в Бразилии — 15,7 человек, существуют страны, которые добились значительного прогресса, например, Германия (3,3 смерти

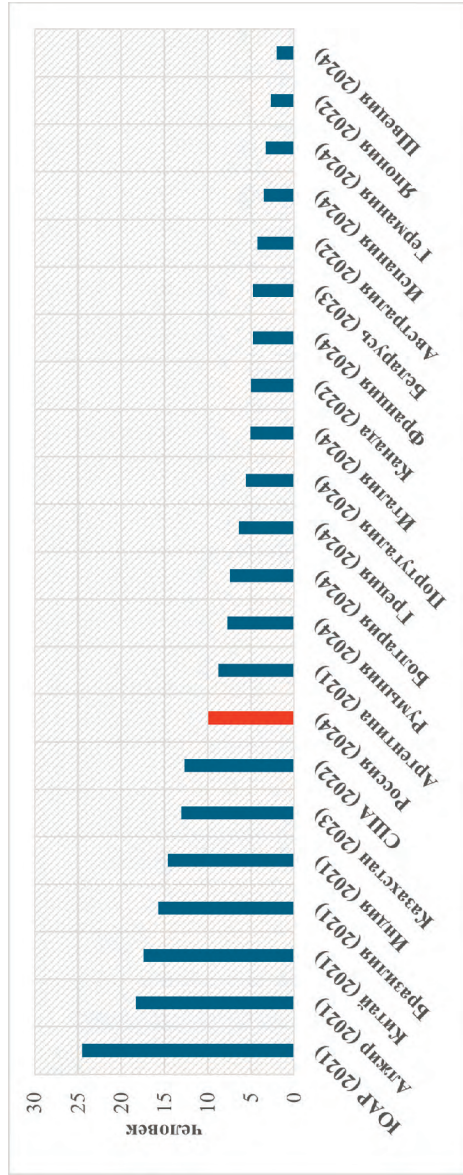

Рисунок 2. Число погибших в ДТП в разных государствах мира в 2021–2024 гг. (на 100 тыс. населения, человек).

Построено авторами на основе данных [4].

на 100 тыс. населения), Япония (2,7), Швеция — (2,0), однако даже у них проблема полностью не решена.

Как видим, наша страна в списке стран мира находится где-то в середине: число смертей в расчете на 100 000 населения уже значительно снизилось, но еще далеко до показателей передовых в этом плане стран мира, хотя по уровню автомобилизации Россия значительно отстает от наиболее автомобилизированных государств мира (рис. 3).

Основное влияние на уровень аварийности в стране оказывают водители транспортных средств из-за нарушения правил дорожного движения, которыми ежегодно совершается более трех четвертей всех ДТП. По данным Госавтоинспекции МВД России, чаще всего виновны в ДТП водители легковых авто — 80,3 %, водители грузовиков — 7,7 %, водители мотоциклов — 5,6 %, водители автобусов — 3,3 % и водители мопедов — 3,1 % [4].

Анализ данных Госавтоинспекции МВД России позволил нам сделать вывод, что главная причина ДТП в России — человеческий фактор и недооценка опасности. На рис. 4 нами представлены основные факторы риска водителей транспортных средств, способствующих возникновению ДТП в России в 2024 году. Второй, по нашему мнению, основной фактор ДТП в России — дороги.

Действительно, причины нарушений Правил дорожного движения могут быть разными. Чаще всего они связаны с личными качествами водителя, такими как спешка, самоуверенность или пренебрежение безопасностью. Однако нередки случаи, когда состояние дорог вынуждает водителей нарушать правила из-за плохих условий эксплуатации транспорта (табл. 3).

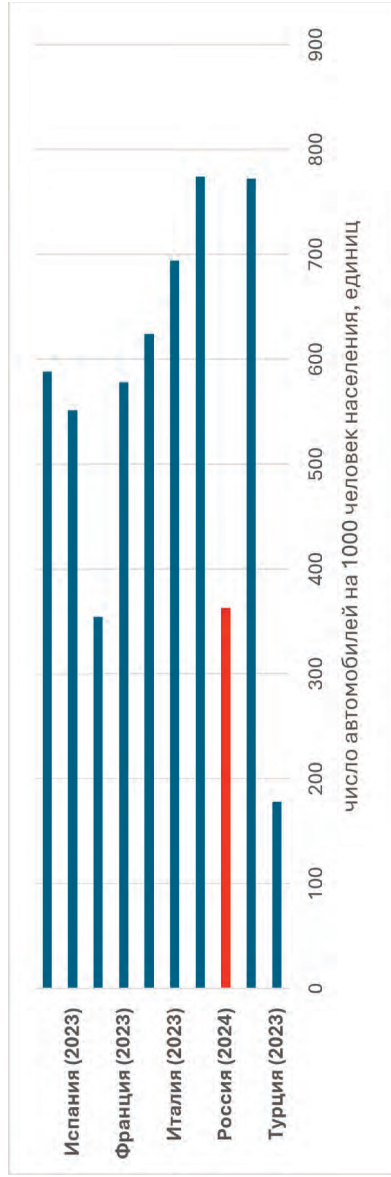

Рисунок 3. Распределение стран по уровню автомобилизации в 2021-2024гг. (число автомобилей на 1000 чел. населения).

Построено авторами на основе данных [4].

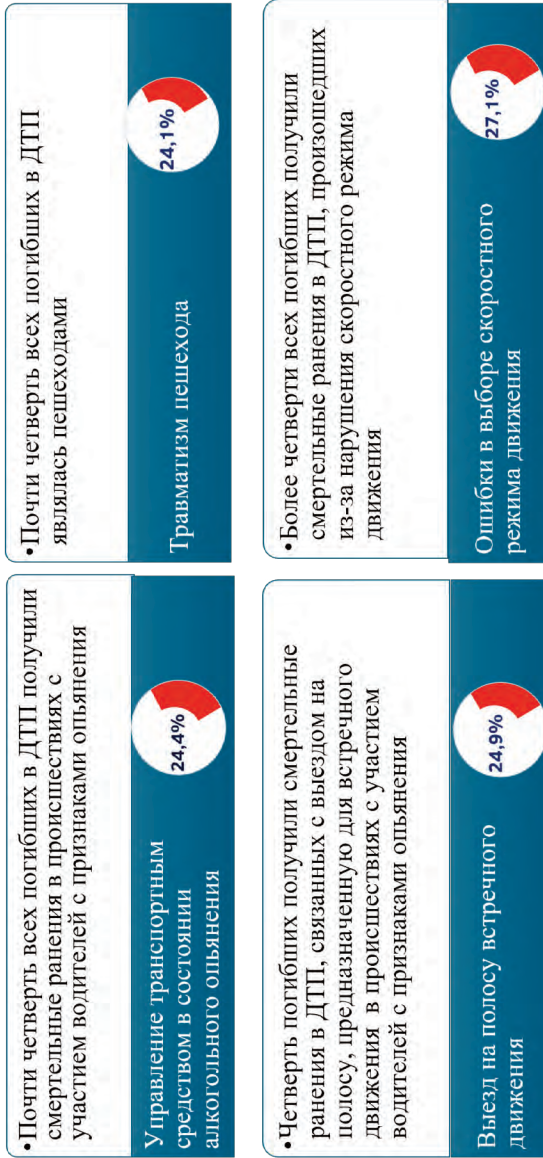

Рисунок 4. Основные факторы риска водителей транспортных средств, способствующих возникновению ДТП в России в 2024 году.

Построено авторами на основе данных [4].

Таблица 3

**Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих
нормативным требованиям, в России и областях ЦФО
за 2010–2024 гг. (на конец года, в процентах) [6]**

Регионы, области	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Российская федерация	45,0	44,8	47,2	47,0	46,3	45,6	45,4
ЦФО	45,9	45,7	49,4	48,5	47,1	45,6	46,3
Белгородская	19,7	9,9	23,0	21,6	20,0	19,8	27,1
Брянская	65,8	62,2	57,9	57,1	56,8	56,3	56,3
Владимирская	65,6	73,1	68,5	66,4	63,3	61,1	59,2
Воронежская	69,6	50,3	72,6	69,3	54,0	50,0	43,8
Ивановская	25,1	23,3	43,6	42,3	44,4	45,3	45,6
Калужская	63,9	58,5	50,3	49,1	50,9	50,2	49,9
Костромская	59,9	60,4	56,5	56,1	55,1	52,8	52,3
Курская	76,8	58,6	59,0	59,1	58,1	57,7	59,7
Липецкая	61,2	41,3	33,2	31,1	31,5	29,8	27,9
Московская	25,1	34,8	30,0	29,4	30,2	26,3	26,8
Орловская	13,6	21,7	44,3	44,9	49,3	49,4	48,5
Рязанская	59,3	62,3	67,2	66,8	68,4	67,6	65,6
Смоленская	40,3	46,3	61,0	59,5	58,4	57,0	57,4
Тамбовская	56,4	65,1	60,8	62,5	63,1	62,7	62,6
Тверская	12,5	12,4	22,5	22,5	20,3	19,7	29,7
Тульская	73,0	50,6	42,7	43,1	43,5	43,1	45,1
Ярославская	88,3	80,8	74,6	72,9	71,7	70,5	69,1
г. Москва	–	–	–	–	–	–	

Составлено авторами на основе данных [6].

При помощи коэффициента корреляции рангов Спирмена определим зависимость между числом совершенных ДТП в расчете на 100 тыс. человек населения и долей автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям, по регионам ЦФО за 2024 год (табл. 4).

Таблица 4

Определение зависимости между числом совершённых ДТП и долей автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям, по регионам ЦФО за 2024 год

Регионы, области	Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям, % X	Число совершённых ДТП на 100 000 человек населения, единиц y	Ранги		Разность рангов $d_i = R_x - R_y$	d_i^2
			R _x	R _y		
Белгородская	27,1	78,3	16	15	1	1
Брянская	56,3	44,0	7	17	10	100
Владимирская	59,2	143,0	5	2	3	9
Воронежская	43,8	113,0	13	8	5	25
Ивановская	45,6	117,6	11	6	5	25
Калужская	49,9	104,7	9	11	2	4
Костромская	52,3	173,4	8	1	7	49
Курская	59,7	112,3	4	9	5	25
Липецкая	27,9	100,7	15	12	3	9
Московская	26,8	45,1	17	16	1	1
Орловская	48,5	95,6	10	14	4	16
Рязанская	65,6	133,4	2	3	1	1
Смоленская	57,4	97,8	6	13	7	49
Тамбовская	62,6	110,7	3	10	7	49
Тверская	29,7	119,7	14	4	10	100
Тульская	45,1	115,5	12	7	5	25
Ярославская	69,1	117,8	1	5	4	16
ИТОГО						504

$$\rho = 1 - \frac{6 \cdot 504}{17 \cdot (17^2 - 1)} = 1 - \frac{3024}{4896} = 0,382$$

Полученный результат свидетельствует нам о том, что в соответствии со шкалой Чеддока, полученная связь прямая, умеренная. Следовательно, с уменьшением доли автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям, в регионах Центрального федерального округа, соответственно, снизится и число совершенных ДТП в расчете на 100 тыс. населения. Этот вывод подтверждает и значимость вычисленного коэффициента:

$$t_p = 0,382 \cdot \sqrt{\frac{17-2}{1 \cdot (0,382)^2}} = 0,382 \cdot \sqrt{\frac{15}{0,146}} = 10,136$$

Значение коэффициента корреляции считается статистически существенным (значимым), если $t_p > t_k$.

При $\alpha = 0,05$, $k = n - 2$; $t_k = 2,131, 10,136, 2,131$.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное нами исследование свидетельствует о том, что в последние годы удалось добиться значительного снижения ДТП на дорогах регионов России и уменьшения смертности и травматизма в них. Ситуация на дорогах нашей страны находится под контролем правительства. Однако до полной победы еще очень далеко...

Да, ДТП в России стало меньше, но число погибших по-прежнему тревожное. Главная причина — человеческий фактор и недооценка опасности. Пока дороги и поведение водителей не станут безопаснее, статистика останется противоречивой. Вопрос не только в контроле и штрафах, а в общей

культуре вождения, которая формируется не законами, а ответственностью каждого участника движения.

Библиографический список:

1. Статистические данные Госавтоинспекции. URL: <http://stat.gibdd.ru/>.
2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <http://www.gks.ru>.
3. Научный центр безопасности дорожного движения. URL: <https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/>.
4. Государственный доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации. URL: https://gosavtoinspekция.рф/upload/site1000/folder/original/downloads/презентация_госдоклад_2025.pdf.pdf.
5. Черемисина Н.В. Дорожно-транспортные происшествия в России: экономико-статистический анализ. / Н.В. Черемисина, Т.Н. Черемисина, Ю.С. Гришко // Вестник Северо-Кавказского федерального университета, 2020. — С. 113–121.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2025: Статистический сборник / Росстат. — М., 2025. — 1035.

References:

1. Statisticheskie dannye Gosavtoinspekicii. URL: <http://stat.gibdd.ru/>
2. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). URL: <http://www.gks.ru>.
3. Nauchnyj centr bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija. URL: <https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/>.
4. Gosudarstvennyj doklad o sostojanii bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija v Rossijskoj Federacii. URL: https://gosavtoinspekция.rf/upload/site1000/folder/original/download/s/prezentacija_gosdoklad_2025.pdf.pdf.

5. Cheremisina N.V Dorozhno-transportnye proisshestviya v Rossii: jekonomiko-statisticheskij analiz / N.V. Cheremisina, T.N. Cheremisina, Ju.S. Grishko // Vestnik Severo – Kavkazskogo federal'nogo universiteta, 2020. — S. 113-121.
6. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli, 2025: Statisticheskij sbornik / Rosstat. — M., 2025. — 1035.

Контактная информация / Contact Information

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Tambov, Internatsionalnaya St., 33

Черемисина Наталия Валентиновна / Natalia V. Cheremisina
cheremisina06@mail.ru

Черемисина Татьяна Николаевна / Tatiana N. Cheremisina
t_cheremisina@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2026-258-2-287-313

EDNWNNGISA

**ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ,
ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ
И ОТСУТСТВИЕ
КОНКУРЕНЦИИ –
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПРИЧИННО-
СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
FINANCIALIZATION,
DISINTEGRATION AND
LACK OF COMPETITION –
A THEORETICAL
ANALYSIS OF CAUSE-
EFFECT RELATIONSHIPS**

ДИНЕЦ ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Заведующий кафедрой «Финансы, учет и аудит» экономического факультета ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, доктор экономических наук, доцент

DARIA A. DINETS

Head of the Department of Finance, Accounting, and Audit, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка осмысления тенденций деглобализации через призму существенного изменения конкурентных сил в мировой экономике. Проведенный литературный обзор и наблюдения автора позволили включить в периметр анализа также процессы финансиализации и геополитические и геоэкономические ограничения развития конкурентных сил. Основной целью статьи является как корректная постановка вопроса о влиянии современной глобальной конкуренции на движущие силы мирового хозяйства, так и поиск ответа о способности существующих рыночных теорий дать ресурс, необходимый для стабилизации мировой экономики. Ответы, сформулированные автором, сводятся к тому, что необходимо продолжение теоретических изысканий поисков новых источников экономического развития, поскольку действующая система экономических отношений во многом исключает рост.

ABSTRACT

This article attempts to understand deglobalization trends through the lens of significant changes in competitive forces in the global economy. A literature review and the author's observations allowed the analysis to also include financialization processes and geopolitical and geoeconomic

constraints on the development of competitive forces. The article's primary goal is to both correctly address the impact of contemporary global competition on the driving forces of the global economy and to explore the ability of existing market theories to provide the resources necessary to stabilize the global economy. The author's answers boil down to the need for continued theoretical research into new sources of economic development, as the current system of economic relations largely precludes growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конкуренция, глобализация, финансиализация, геоэкономика, дезинтеграция.

KEYWORDS

Competition, globalization, financialization, geoeconomics, disintegration.

ВВЕДЕНИЕ

Мировая экономика и мировая валютно-финансовая система постоянно находятся в динамическом процессе преобразований в соответствии с изменениями общественно-политического ландшафта, технологического развития и структуры факторов глобального экономического роста. Нередкими сегодня становятся выводы ученых и политиков о фрагментации и новой организации геополитических и геоэкономических альянсов, дезинтеграции, деглобализации как новыми нормами общественной жизни. О новой регионализации [1] говорится в контекстах торговой и промышленной политик различных стран, политических неурядиц и хищнического либерализма стран «золотого миллиарда».

Вместе с тем конъюнктурные выводы о «дружбе» с одними странами и «токсичности» других можно в некоторой степени считать малопродуктивными, поскольку нового системного качества экономической системе они придать

не в состоянии именно по причине их обусловленности вольно трактуемым геополитическим контекстом. Вольность трактовки сегодня связана с тем, что идея геополитики [2] в оригинальной версии предполагала необходимость строгого учета географических особенностей местности при формировании успешной линии и эффективных политических решений, в том числе и в области международной политики и даже дипломатии, а не примат политических и даже популистских решений над экономической целесообразностью, как это принято трактовать ныне. Кстати, если использовать оригинальные подходы к описанию геополитики, то объединения из разряда БРИКС и ЕАЭС не смогут прийти к устойчивой политической конвергенции за счет крайне различных географических характеристик стран, в союзы входящих. В то время как политический, экономический и финансовый союзы островных крупных стран, например, США, Канады, Британии, Японии, Австралии — годами показывает как способность прийти к соглашениям, так и финансовую прочность отношений.

В работе [3] содержится дискуссия о природе современной конкуренции: от борьбы всех против всех до сотрудничества и кооперации в целях совместного эффективного развития за счет синергетических эффектов. Представляется, что фактически вся мировая экономика с момента окончания холодной войны утратила конкурентный дух.

Цель

Автором выдвигается гипотеза о наличии различных форм интеграции стран в зависимости от возможностей развития конкуренции между ними, причем как острой конкуренции по принципу Гоббса, так и конкуренции с возможностью раз-

деления успеха в конкурентной борьбе за счет того, что конкурентные нововведения делают экономическую систему более эффективной в целом. В связи с этим целью исследования является теоретическое переосмысление подходов к экономической интеграции с позиции движущих ее экономических сил для уточнения методологического базиса исследования мировой экономики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для описания тенденций деглобализации и дезинтеграции предлагается использовать метод научного обобщения эмпирических данных, который позволил сформулировать подход к выявлению актуальных видов интеграции. Предлагаются следующие формы интеграции, которые и определяют критерии успеха как международных, так и внутренних экономических отношений.

Интеграция конкурентная — объединение стран в решении одинаковых задач экономической политики (технологическое превосходство, отраслевое лидерство, экономический рост, благосостояние граждан и т.д.) на условиях жесткого соперничества по перечисленным показателям, например, США и СССР в послевоенный период.

Интеграция паритетная (неконкурентная) — объединение стран с целью формирования общих (и / или единых) рынков с теоретически равным доступом на него, причем рынок может быть формально определен (например, ЕС), либо действовать на основе традиций (например, финансовые рынки США и Британии).

Интеграция диспаритетная (неконкурентная) — участие разных стран в одной производственно-финансово-логистической цепочке на условиях разного уровня доступа к капиталу

(например, США и страны Юго-Восточной Азии или Франция и страны зоны франка КФА).

Поскольку существуют процессы интеграционные, необходимо описание и обратных процессов:

Дезинтеграция геоэкономическая — разрыв или существенное ослабление экономических связей между странами по причинам отсутствия в этих связях мотивов с точки зрения экономической географии, а именно, традиционных отраслей добычи, сельского хозяйства, наличия разумных транспортно-логистических каналов сбыта (например, сокращение поставок ввиду падения уровня воды в Панамском канале или прекращение импорта природных ресурсов, которые обнаружены в недавнем времени в стране). К причинам дезинтеграции такого рода можно отнести и неразвитость логистики внутри стран-экспортеров, когда продвижение на конкретные потребительские рынки производится за счет исключительно экспортера (такую ситуацию можно наблюдать в экономических отношениях Монголии).

Дезинтеграция геополитическая — разрыв или существенное ослабление экономических связей по причине изменения границ национальных государств, либо по причине невозможности установления отношений из-за притязаний на спорные территории [о геополитике] (например, современные экономические отношения между Россией и Украиной).

Дезинтеграция политическая — разрыв или существенное ослабление экономических связей по причине политических, военных и прочих конфликтов или осложнения международных политических отношений (большинство сегодняшних дезинтеграционных процессов).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Вопросам фрагментации, регионализации и трансрегионализации мировой экономики с учетом международного политического контекста уделяется пристальное внимание [4], оцениваются причины и последствия для международной торговли и движения капиталов. При этом часто игнорируется тот неоспоримый факт, что внешние рыночные отношения в условиях, когда ни одна страна в мире не производит все необходимое для обеспечения потребления, не говоря о формировании траекторий экономического роста, формируют и каркас внутренних рынков различных стран. Экономическая сила страны обеспечивается возможностью и легкостью (условно — транзакционными издержками) доступа к глобальной ликвидности для потребления товаров и капитала, которые, вопреки традиционной экономической теории, фактически превосходят потребности экономических индивидов. Получаем, что конкурентные механизмы и традиционное ценообразование, в том числе биржевое, не востребованы в условиях практически полного отсутствия редкости в каких бы то ни было товарах и активах.

Это контрастирует с пониманием редкости ресурсов, в частности, земли, воды, воздуха, ископаемых ресурсов, трудовых ресурсов — но в отсутствии реальных конкурентных механизмов борьбы за них активизируются формы политического, экономического и физического принуждения, а не рыночного обмена.

Ключевая гипотеза исследования: диспаритетная и в меньшей степени паритетная интеграция привели к отсутствию конкуренции внутри замкнутых экономических и финансовых систем, что, в свою очередь, привело к чрезмерному задействованию капитала и, как следствие, к снижению его

качества. Промышленный капитал, теряя производительность, привел к экспансии финансового капитала, который, в свою очередь, привел к экспансии фиктивного капитала — капитала самого низкого качества, поскольку он не приводит к росту качественных показателей, а только количественных. Нарастивание объемов обращения фиктивного капитала привело к росту потребления при снижении качества потребления и отсутствию необходимости повышать качество, что воспроизводит в расширенном масштабе диспаритетность интеграционных процессов и сокращение уровня конкуренции.

Иными словами, предприятиям, фирмам, компаниям нет необходимости в отсутствии значимой конкуренции повышать производительность, поскольку продукция будет приобретена в любом случае. В итоге они не стремятся производить лучше и дешевле, оптимизировать оборудование, придумывать новые способы улучшения потребительских свойств товаров. Все это происходит в рамках четко определенных уровней неравенства, и единственным мотивом принятия решений по росту производительности становятся попытки предприятий «низшей лиги» занять нишу в потребительском сегменте более высокого уровня дохода. Таким образом, возникает необходимость поддержания статуса за счет закрепления ликвидности источников финансирования за определенными классами в соответствии с объемами накопленного капитала.

Отсутствие значимого влияния конкуренции, как таковой, приводит к тому, что теоретический базис поиска оптимального решения, учитывающего интересы всех участников рыночного обмена, фактически отпадает, и когда конкуренция не становится движущим рыночным мотивом, рыночные

механизмы, в том числе ценообразования, перестают фактически работать.

В ситуации диспаритетной интеграции не работают никакие классические экономические законы, процесс состоит только в наращивании объемов потребляемого капитала, соответствующей его фиктивизации и образованию картелей с целью установления неконкурентных цен, а также использованию суперсетевых эффектов для контроля чрезмерного потребления.

Проведен литературный обзор подходов, связывающих современные тенденции интеграции и дезинтеграции в контексте конкурентного поведения стран.

Так, в работе Г. Беккера «Основы теории экономической дискриминации» проведен анализ методов экономической дискриминации: [цит. по 5] описаны издержки, связанные с дискриминацией для всех сторон процесса интеграции. То есть одни платят более высокую цену за счет механизма сужения предложения, другие платят более высокую цену за счет сужения спроса. В итоге происходит сокращение рынка при росте цен. Экономика дискриминации может быть условно перенесена на изменение конкурентных сил в глобальном хозяйстве: при переходе к деглобализации не по принципу геоэкономической эффективности, а по принципу политической или геополитической избирательности в выборе партнера или конкурента, возникают дополнительные издержки как по причине снижения спроса, так и по причине снижения предложения. При этом происходит замещение отношений менее эффективными с экономической точки зрения, но более предпочтительными с точки зрения политической и геополитической.

Интересно при этом то, что в условиях неконкурентной интеграции между странами возникают стимулы

использования капитала с меньшей эффективностью при неизменном объеме торговли. Изменение характера занятости [6] и повсеместный дефицит кадров на высокотехнологичные и управленческие рабочие места, формирование так называемой платформенной занятости — все эти факторы также приводят к изменению характера конкуренции и невозможности реализации эффективных кластерных решений в развитии промышленности.

В условиях массовой кастомизации, шеринговой экономики, развития финансовых технологий и под влиянием трансформации культурного кода современного потребителя [7] происходит, надо полагать, самое коренное изменение отношений, озаглавленных сегодня размытым термином «цифровой экономики» — повсеместная юнитизация экономических отношений, рост их фрагментарности и конструкционной гибкости в ущерб экономической целесообразности по причине избыточности фиктивного капитала. Иными словами, не цифровые технологии, как таковые, определяют цифровую трансформацию экономических отношений, а, напротив, процесс потребления без конкуренции и без страха конкуренции как на стороне спроса, так и на стороне предложения предопределил направление технологического развития в сторону инструментов, позволяющих любую реальную экономическую операцию разбить на независимые юниты и торговать этими юнитами по ценам, далеким от стоимости изначально задействованных в операции ресурсов.

Такое отсутствие конкуренции не является характеристикой монополии или олигополии, оно не связано с захватом рынка или развитием кооперации на нем с целью противодействия конкурентным силам. Ситуация в мировой эконо-

мике сегодня такова, что в конкуренции и конкурентных силах нет необходимости. Доступность финансовых ресурсов, часто в форме фиктивного капитала, приводит к тому, что предприятия, компании, отрасли и даже государства не ведут конкурентную борьбу ни на каком уровне, разве что за кадры, но об этом далее. Отсутствует потребность в конкуренции за ресурсы, так как они доступны и становятся все более универсальными за счет экспансии цифровых технологий и возможности юнитизации и шеринга практически любого производственного процесса, кроме научно-технологического, для которого пока еще требуются носители естественного интеллекта, однако не все процессы такого рода не подлежат юнитизации. Отсутствует потребность в конкуренции за потребителя, поскольку ликвидность финансового рынка сегодня не ограничивает спрос никакими разумными пределами. В итоге начинается корпоративное, общественное и государственное «ожирение *adipositas* (лат.)» — термин, который, по мнению автора, сегодня может заменить традиционное «вздутие» — термин, позаимствованный также из медицины для обозначения роста денежного предложения сверх потребностей обращения, то есть инфляцию. Это касается и вопросов ценообразования — в процитированной выше работе Аузан А.А. цифровая экономика наделяет агентов способностью продавать одни и те же блага разным агентам по разным ценам вне всякой связи с теоретическими традициями ценообразования [7].

Нужно отметить, что и политика таргетирования инфляции с инструментарием, направленным на управление каналами денежной трансмиссии, также внесла определенный вклад в переход от инфляционного «вздутия» к финансовому «ожирению» — управление каналами денежного обращения

представляет собой прямой способ формирования неравного доступа к источникам финансовых ресурсов, что предопределило наиболее быстрые способы распространения проблем неконкурентного поглощения капитала.

Итак, исходя из сказанного во введении, уточняется гипотеза исследования: современные теории развития мировой экономики не способны дать ответов на вопросы причин и последствий трансформации международных экономических отношений, причем произвольно трактуемая геополитика не оказывает существенных искажающих эффектов на эти процессы; дело в том, что процессы паритетной и особенно диспаритетной глобализации привели к тому, что отсутствие конкуренции не означает монополию или олигополию, а напротив, гарантированы завышенные объемы спроса и предложения, которые приводят к условному «ожирению» мировой экономики — ситуации избыточного вовлечения глобального капитала, продукт которого юнитизируется, в том числе за счет инструментов цифровой экономики, и поглощается за счет избыточной ликвидности мирового финансового рынка.

Рынки, таким образом, перестают быть способом ведения конкурентной борьбы за редкие ресурсы, а цены перестают нести в себе информацию о соотношении спроса и предложения, становясь часто инструментами непаритетной интеграции или политической дезинтеграции.

В этом отношении крайне интересен вывод проф. Аузана [7] о том, что цифровые сервисы способны решить проблему масштабируемости производства новых технологичных товаров, конкурентоспособных в мировом масштабе, если противопоставить данный вывод идеям проф. Бузгалина и Колганова [8]: цифровые технологии в обществе пере-

потребления и паразитического роста глобального фиктивного капитала приводят к возникновению иллюзии многообразия товаров, тем самым комплексно подрывая конкуренцию как видовую характеристику гиперглобализированного рынка, сформированного на базе грабительского капитализма, эксплуатирующего цифровые технологии для повсеместного суперсетевого контроля над избыточным потреблением и ростом превратного сектора. Интуитивно принимая вторую из сторон описанной дилеммы, все же постараемся выявить те признаки предлагаемого состояния *adipositas*, которые позволят систематизировать видовые характеристики той системы, которая сегодня подменяет мировую экономику и даже мировые финансы глобальным маркетингом без конкуренции.

Говоря о финансовой системе и финансовых рынках, часто обвиняемых в кризисогенности за счет превалирования на них спекулятивных операций [9], необходимо отметить, что спекуляции были свойственны им всегда — от известных голландских товарных рынков, «Подростка» Достоевского до «Воспоминаний биржевого спекулянта» и «Большой игры на понижение». Спекулятивная игра, как таковая, создает ликвидность, и, следуя логике «цены движутся по пути наименьшего сопротивления» [10], не приводит к кризисам без должного стечения фундаментальных факторов. Напротив, сегодняшняя ситуация рынков без конкуренции, непаритетной интеграции и геополитической деглобализации, финансовые рынки и обслуживающая их мировая валютно-финансовая система стали не столько спекулятивными, сколько всепоглощающими и приватизирующими долговые обязательства в темных пугах ликвидности для компенсации убыточности операций. Развитие инструментария хеджирования приводит

к тому, что операции на финансовых рынках не способны приносить убытки, но это возможно только в том случае, когда у каждой открытой позиции имеется возможность закрытия, а это, в свою очередь, может быть достигнуто только в темных пулах ликвидности, операции которых полностью непрозрачны, а брокеры могут открывать бесконечное число встречных позиций. Поскольку большая игра на понижение показала невозможность тотального хеджирования позиций, постольку темные пулы стали абсорбировать огромную ликвидность, маскировать встречные сделки, а единственным доступным источником финансирования этих операций может стать только создаваемый банками кредит за счет наращивания корреспондентских отношений без фактического увеличения резервов. Таким образом, происходит условная «приватизация долга» пулами ликвидности для того, чтобы встречные финансовые операции были выгодны обеим сторонам сделки с финансовым активом. Именно это, а не рост спекулятивной активности, становится причиной разрастания фиктивного капитала, способствующего дальнейшей *adipositas* мировой экономики.

Кроме того, известно, что рост и развитие финансовых технологий также привели к росту концентрации банковских систем по всему миру [9]. В условиях роста концентрации банковских капиталов усиливаются возможности для создания банковского кредита без роста резервов, что приводит к усилению тенденций финансирования процессов *adipositas* как способа стерилизации банковского кредита в убыточных операциях на реальном и финансовом рынках. Иными словами, убыточность поглощает кредит, предотвращая возникновение на рынках ситуаций соперничества и конкуренции, в результате чего возникает «ожирение», а не «вздутие»

(inflation)». При инфляции возрастают цены, при adipositas возрастают незафиксированные убытки, финансируемые за счет заемных средств, и не покрываемые никакими резервами. Результатом может стать новая линия наименьшего сопротивления — максимальное упрощение процессов, как в производстве, так и в транзакционном секторе. Упрощение приводит к потере динамических свойств систем, а это означает, что при возникновении неопределенности нового типа система окажется неспособна найти способ ее устранения, что будет провоцировать новые затяжные кризисы с неизвестными последствиями и менее цивилизованными способами их разрешения.

В этом контексте имеет смысл согласиться с идеями эндогенного экономического роста: инновационная активность может возникнуть как результат обучения в процессе производства, когда сама по себе умственная работа над улучшением промышленных характеристик создает необходимые навыки для постоянных нововведений, обеспечивающих экономический рост [11]. В условиях, когда это не происходит по причинам а) диспаритетной интеграции, когда работа фактически кипит не там, где расположены «мозговые центры наукоемкого бизнеса»; б) кредитной концентрации и гиперфинансирования убыточности по многим каналам денежной трансмиссии; в) неадекватной оценки результатов промышленной и финансовой деятельности, г) вольной трактовки геополитики и геоэкономики как способа поиска виновных в неэффективности; д) стагнации образования и ухода от реальных специальностей к расходованию четырех лет обучения в бакалавриате для освоения лишь одной-двух трудовых функций; е) культурной пауперизации и формированию нон-конформизма [8] непритязательного потребления

по завышенным ценам, абсорбирующим кредит, — возможности роста за счет развития инноваций становятся ограниченными. Все это в немалой степени характеризует экономику как имеющую инфантильные характеристики, в частности, это проявляется в том, что сегодня зачастую лучшие умы человечества с блестящим образованием занимаются финансовым маркетингом, то есть способами такого совмещения информационных технологий с финансовой сферой, при котором создается игровая модель финансового рынка, похожая на детскую игру «в догонялки» — когда крупные капиталы способны увлечь за собой всю рыночную ликвидность в тот или иной финансовый стартап в ожидании роста его капитализации в чисто виртуальной среде, не имеющей пересечений даже с традиционными финансовыми спекуляциями (может сложиться впечатление, что автор одобряет чрезмерную спекулятивную активность, что не соответствует истине. Однако традиционная деятельность на финансовых рынках сопряжена с управлением рисками, что, в свою очередь, при грамотном управлении рисками способно повышать стабильность финансовой системы — в этом отличие финансовых спекуляций от махинаций в темных пучах ликвидности, в которых потенциально выигрывают все стороны).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

В описанных выше условиях изменяется как характер отношений в мировой экономике, так и последствия ее развития для разных групп стран.

Теоретические исследования существенно запаздывают в попытках обосновать и актуализировать методологический аппарат экономической науки, во многом становясь все

более прикладными и конъюнктурными и опирающимися на инструментарий «после — означает вследствие» при обосновании оптимальных решений по распределению финансовых ресурсов и принятию управленческих стратегий. Экономическое мышление, экономическая целесообразность, ресурсный подход становятся неприменимыми для теоретического осмысления и выявления закономерностей экономического развития. Например, в цитируемой ранее работе [1] говорится о росте цен на продовольствие, удобрения и логистику в результате роста напряженности в мировой политике в масштабах, которые не могли не сказаться на потреблении, однако фактически уровень потребления, как показано в цитируемой статье, по анализируемым позициям сократился лишь в самых финансово зависимых странах с минимальными возможностями участвовать в *adipositas* за неимением выхода на рынки финансового капитала [1]. Ситуации, подобные описанной, не укладываются в базовые теории, и, особенно, в предпосылки для использования базовых теорий, что означает необходимость пересмотра теорий, а также прикладного инструментария принятия решений в области экономики и финансов в условиях, когда прибыль перестает быть мерилем успешности и ограничителем для принятия решений в бизнесе, производстве, финансах.

Ситуация усугубляется ростом числа чисто конъюнктурных или популистских теорий, выдвигаемых зачастую не экономистами, сложно оспариваемых ввиду их интуитивно верной направленности, но не имеющих фактически никакой научной и практической ценности [3].

Данная работа посвящена попытке систематизации данных об изменении методологических основ функционирования мирового рынка и формулировании авторской позиции

на предмет возможности и целесообразности возврата к конкурентной модели развития мировой экономики.

Итак, конкуренция за ресурсы на фоне отсутствия конкуренции за потребителей и между потребителями за избыточные потребительские товары приводит к замещению рыночных механизмов механизмами принуждения. При этом растет уровень неравенства на всех диспаритетных пространствах. Критерий неравенства — это доступ к капиталу, который обеспечивает и доступ к нерыночным способам изъятия. В свою очередь, для потребителей, не имеющих доступа к капиталу, отводится «иллюзия выбора» потребительских благ [8]. При этом навязчивость потребительского выбора в условиях жестких бюджетных ограничений и многоканальности источников финансирования потребления приводит к воспроизводству условий неравенства, то есть неспособность наименее обеспеченных потребителей выражать притязания как на доступ к капиталу, так и к ограниченным ресурсам.

На страже воспроизведения уровня неравенства, комфортного для владельцев капитала и участников нерыночного присвоения ресурсов, стоит система финансирования и институты, ее обслуживающие.

В частности, это финансовый рынок во всем многообразии его форм, государственные финансы, банковское регулирование и эмиссионные институты [12]. Отсутствие значимой полемики вокруг таргетирования инфляции фактически институционализировало возможность управления каналами эмиссии со стороны центральных банков и направление денежных потоков из различных источников в пользу одних и тех же получателей (например, государственный заказ, субсидии в рамках нацпроектов, льготный кредит,

эмиссия облигаций и их приобретение коммерческими банками, использование ценных бумаг в качестве залога, размещение акций, валютные и экспортные операции, банковский мультипликатор и корреспондентские отношения в условиях колоссальной концентрации банковской системы и т.д.).

Таким образом, финансовые институты, представляющие государство или крупные капиталы, активно воспроизводят ситуацию неравенства и отсутствия конкуренции при сохранении приоритетного доступа к ресурсам.

Так называемые цифровые платформы, как и иные инструменты цифровой экономики, несмотря на приветливость для пользователей, также могут быть названы способом устранения конкуренции и обесценения доходов владельцев труда по сравнению с доходами владельцев капитала. Если платформа — это формально не привязанный к географии способ создания ценности многоканального взаимодействия участников [13], то получаем создание материальной ценности из соотношения цифровой и физической инфраструктуры и нематериальной ценности упрощения контактов между участниками, которые никогда бы не смогли встретиться на физическом рынке. Простой бухгалтерский подход говорит следующее: инфраструктура предполагает амортизацию, посреднические операции — комиссионные доходы, они же — транзакционные издержки для всех участников, также добавляем со стороны участников платформ издержки на маркетинг, и все это оплачивается потребителями из их доходов. Источников доходов в системе, кроме доходов собственно системы, нет. Логистика, маркетинг, программное обеспечение — ценности в смысле прибавочной стоимости не создают. Если доставка на 100 км и на 2000 км оплачивается одинаково, то в проигрыше остаются потребители,

размещенные за 100 км от физического места расположения товаров, то есть чаще всего жители крупных городов, в которых перепотребление становится новой нормой жизни. И это сокращает реальную покупательную способность таких потребителей и их возможные притязания на доступ к капиталу или ресурсам (оставим вопрос о политической пассивности пользователя платформ) [14].

Важный вопрос использования платформенных решений касается и ценообразования. Если учесть, что цены на большинство материальных ресурсов определяются биржевыми котировками (энергетические ресурсы, металлы, сельскохозяйственная продукция и т.д.), затраты на оплату труда осуществляются в тех странах, где цена труда минимальна, а цены на потребительские товары кратно разнятся в различных странах, то получаем, что разница в уровнях цен определяется амортизацией и прочими затратами, в том числе коммерческими и трансакционными. То есть приоритетное развитие платформенных технологий в стране с высокой инфляцией приводит к росту цен при прочих равных условиях.

При этом платформенные решения как некий симбиоз достижений цифровой экономики воспроизводят и модель интеграции при международной активности платформы. Паритетные и диспаратетные отношения между странами получают дополнительный импульс ввиду невозможности реальной конкуренции между странами, которые располагают платформенными решениями, и странами, которые такими решениями не располагают, но используют платформы стран-партнеров по интеграционному объединению.

Однако мы немного отклонились от основной задачи данной работы, а именно, обоснование отсутствия конкуренции

вследствие развития современных форм интеграции и дезинтеграции. Принято считать, что противоположностью конкуренции является монополия, что в текущей ситуации не вполне верно. Разве что отсутствие конкуренции связано с монополией глобального финансового капитала, тогда как на потребительских и даже финансовых рынках существует множество игроков, каждый из которых предлагает потребителям множество товаров и услуг. На конкурентном рынке, который, по мнению [15], является гарантом процветания капитализма в большей степени, чем гарантии частной собственности, источник процветания — это спрос на продукцию. На немонопольном рынке без конкуренции источник процветания — это доступ к постоянному рефинансированию. И чем дешевле обходится это рефинансирование, тем ниже будут цены в конкретной стране, но тем выше окажется общий уровень *adipositas*.

Теперь о характеристиках вводимой метафоры *adipositas*. Под состоянием «ожирения» понимается избыточное рефинансирование, позволяющее бизнесу формировать достаточный денежный поток без внедрения каких бы то ни было инноваций, кроме маркетинговых (включая цифровой финансовый маркетинг, который, в свою очередь, включает почти весь сегодняшний финтех). С некоторыми поправками на страновые особенности финансирования можно расширить это определение, заменив в нем «рефинансирование» на «использование множества источников финансирования для одного и того же объекта», то есть необходимость финансирования уже ранее приобретенных и оплаченных активов без существенного изменения их физических свойств.

Выводы

Чем чревато состояние *adipositas*?

Во-первых, углублением ситуации неконкурентности. Чем большее число значимых рыночных агентов прибегают к такой схеме, тем глубже она распространяется в экономическую систему, доходя постепенно до первых переделов, на которых обращаются, как мы помним, реально конкурентные ресурсы. То есть ресурсы, потребность в которых в масштабе поколений выше их известных запасов при данном уровне технологий. Таким образом, возникает рост цен на продукцию первых переделов, что создает фундаментальные предпосылки общего повышения цен на ресурсы, либо, в крайней форме, на усиление использования форм присвоения источников таких ресурсов, в том числе политических и силовых.

Во-вторых, отсутствием мотивации к инновационному развитию, что приводит к стигматизации творческого труда и невостребованности связи производства с наукой и образованием.

В-третьих, необходимостью стимулирования перепотребления, то есть росту затрат на маркетинг и рост разрыва между технологическим развитием в реальном и «превратном» секторах экономики.

В-четвертых, ростом диспаритетности интеграции между странами, обладающими способами контроля конвертируемых источников финансирования. Иными словами, в любой стране, кроме крупнейших островных экономик, объединенных геополитическими признаками и финансовыми отношениями, усиление *adipositas* возможно до тех пор, пока названные страны готовы обеспечивать доступ к своим финансовым рынкам и конвертируемость валют, даже если

ограниченную. Если же доступ будет полностью перекрыт, то в условиях диспаритетной интеграции в целом невозможно будет поддерживать состояние *adipositas*, что чревато полным коллапсом всей национальной экономической системы.

В-пятых, даже для рынков, обладающих неограниченным доступом к рефинансированию, *adipositas* означает нарастание экономической слабости. Если большая доля лучших умов занимается высокотехнологичным маркетингом, то другие сферы, в частности сферы промышленного производства и сельского хозяйства, автоматически морально устаревают. Тогда как угрозы жизнедеятельности человека, и антропогенные, и природные, и технологические, качественно усложняются и нарастают. И именно из экономической сферы может проистекать невозможность человечества построить системы быстрого реагирования на возникающие угрозы.

Если конкуренция утратила свои ресурсы для создания условий экономического процветания, способствующих развитию личности новатора, а прибыль больше не ограничивает возможность пребывания на рынке, то, вероятно, нет смысла пытаться возродить отжившие системы. Но в таком случае перед практиками и теоретиками экономики встает задача разработки и обоснования нового метода обеспечения экономического роста взамен как командному планированию, так и конкурентным рыночным силам.

Библиографический список

1. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Геополитическая фрагментация и продовольственная безопасность // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 1. – С. 106–128.
2. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет: монография. – 2-е изд., эл. – Москва: Социум, 2020. – 462 с. – ISBN 978-5-91603-628-2.

3. Мельников В.В. Знания об экономике и экономическое мировоззрение // *Journal of Institutional Studies*. – 2025. – Vol. 17, No 1. – P. 6–17. – DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.1.006-017.
4. Сарыгулов А.И., Звягинцев А.И., Райпов А., Тик А. Евразийская интеграция: реальность и перспективы развития в условиях внешних шоков и фрагментации мировой торговли // *Terra Economicus*. – 2025. – Vol. 23, No 2. – P. 107–125. – DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-107-125.
5. Писарева О.М. Формирование методологических оснований анализа национального развития в условиях внешнеэкономической дискриминации // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 192–208.
6. Иванова Т.Б., Миронова С.М. Сравнительный анализ развития традиционных и платформенных отношений занятости // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. – 2024. – Т. 59, № 4. – С. 135–159. – DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-7.
7. Аузан А.А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. – 2019. – № 6. – С. 12–19. – DOI: 10.38050/01300105201963.
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Глобальный капитал: в 2 т. – 3-е изд., испр. и существенно доп.* – Москва: Ленанд, 2015. – ISBN 978-5-9710-1845-2.
9. Кузнецов А.В. Концептуальные подходы к формированию устойчивой мировой валютно-финансовой системы // *Финансы: теория и практика*. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 164–172. – DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-164-172.
10. Лефевр Э. *Воспоминания биржевого спекулянта* / Эдвин Лефевр; пер. с англ. – Москва: Олимп-Бизнес, 2021. – 320 с. – ISBN 978-985-15-4859-6.
11. Барро Р.Д., Сала-и-Мартин Х. *Экономический рост* / пер. с англ. А.Н. Моисеева, О.В. Капустиной. – Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 824 с. – ISBN 978-5-94774-790-4.

12. Смирнов В.Д. Финансовая стабильность и экономическое развитие: расстановка приоритетов // Финансы: теория и практика. – 2025. – Т. 29, № 3. – С. 148–165. – DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-148-165.
13. Шелепов А.В. Оценка роли цифровых платформ и экосистем в экономическом развитии // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 142–162. – DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-08.
14. Срничек Н. Капитализм платформ / Ник Срничек; пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с. – (Социологические исследования). – ISBN 978-5-7598-1854-0.
15. Зингалес Л. Капитализм для народа: как вернуть Америке утраченный ею дух процветания / пер. с англ. – Москва: Институт Гайдара, [б.г.]. – Оригинал: Zingales L. A Capitalism for the People: Recapturing the Lost Genius of American Prosperity. – New York: Basic Books, 2012.

References

1. Kheifets B.A., Chernova V.Yu. Geopoliticheskaya fragmentatsiya i prodovol'stvennaya bezopasnost' // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. – 2025. – № 1. – S. 106–128.
2. Khaushofer K. O geopolitike. Raboty raznykh let: monografiya. – 2-e izd., el. – Moskva: Sotsium, 2020. – 462 s. – ISBN 978-5-91603-628-2.
3. Mel'nikov V.V. Znaniya ob ekonomike i ekonomicheskoye mirovozzreniye // Journal of Institutional Studies. – 2025. – Vol. 17, No 1. – P. 6–17. – DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.1.006-017.
4. Sarygulov A.I., Zvyagintsev A.I., Raypov A., Tik A. Yevraziyskaya integratsiya: real'nost' i perspektivy razvitiya v usloviyakh vneshnikh shokov i fragmentatsii mirovoy trgovli // Terra Economicus. – 2025. – Vol. 23, No 2. – P. 107–125. – DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-107-125.

5. Pisareva O.M. Formirovaniye metodologicheskikh osnovaniy analiza natsional'nogo razvitiya v usloviyakh vneshneekonomicheskoy diskriminatsii // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye). – 2024. – T. 15, № 2. – S. 192–208.
6. Ivanova T.B., Mironova S.M. Sravnitel'nyy analiz razvitiya traditsionnykh i platformennykh otnosheniy zanyatosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. – 2024. – T. 59, № 4. – S. 135–159. – DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-7.
7. Auzan A.A. Tsifrovaya ekonomika kak ekonomika: institutsional'nyye trendy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. – 2019. – № 6. – S. 12–19. – DOI: 10.38050/01300105201963.
8. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global'nyy kapital : v 2 t. – 3-e izd., ispr. i sushchestvenno dop. – Moskva: Lenand, 2015. – ISBN 978-5-9710-1845-2.
9. Kuznetsov A.V. Kontseptual'nyye podkhody k formirovaniyu ustoychivoy mirovoy valyutno-finansovoy sistemy // Finansy: teoriya i praktika. – 2023. – T. 27, № 4. – S. 164–172. – DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-164-172.
10. Lefevr E. Vospominaniya birzhevogo spekulyanta / Edvin Lefevr ; per. s angl. – Moskva: Olimp-Biznes, 2021. – 320 s. – ISBN 978-985-15-4859-6.
11. Barro R.D., Sala-i-Martin Kh. Ekonomicheskii rost / per. s angl. A.N. Moiseyeva, O.V. Kapustinoy. – Moskva: BINOM. Laboratoriya znaniy, 2010. – 824 s. – ISBN 978-5-94774-790-4.
12. Smirnov V.D. Finansovaya stabil'nost' i ekonomicheskoye razvitiye: ustanovka prioritetoV // Finansy: teoriya i praktika. – 2025. – T. 29, № 3. – S. 148–165. – DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-148-165.
13. Shelepov A.V. Otsenka roli tsifrovyykh platform i ekosistem v ekonomicheskom razvitiy // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. – 2023. – T. 18, № 3. – S. 142–162. – DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-08.
14. Srnichek N. Kapitalizm platform / Nik Srnichek; per. s angl. pod nauch. red. M. Dobryakovoy; Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet

«Vysshaya shkola ekonomiki». – Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. – 128 s. – (Sotsiologicheskiye issledovaniya). – ISBN 978-5-7598-1854-0.

15. Zingales L. Kapitalizm dlya naroda: kak vernut' Amerike utrachennyuyu dukh protsvetaniya / per. s angl. – Moskva: Institut Gaydara, [b.g.]. – Original: Zingales L. A Capitalism for the People: Recapturing the Lost Genius of American Prosperity. – New York: Basic Books, 2012.

Контактная информация / Contact Information

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», 117997, г. Москва, Миклухо-Маклая, 6
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117997, Moscow, Miklouho-Maclaya, 6
Динец Дарья Александровна / Daria A. Dinets
dinets-da@rudn.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

1. Статья направляется в редакцию в электронном виде (файл в формате Microsoft Word с расширением *.doc, *.docx) на e-mail: science@veorus.ru:

- Объем полного текста научной статьи, в том числе таблицы и библиографический список, не должен превышать 30 000 знаков с пробелами (\approx 15 страниц установленного образца). Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).
- Шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12 pt, межстрочный интервал — 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.
- Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см; боковые поля: левое поле — 3 см, правое поле — 2 см.
- Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта — 11 pt, межстрочный интервал — 1, без отступа.
- Автоматическая расстановка переносов не ставится. Выделения в тексте можно проводить только *курсивом* или полужирным начертанием букв. Подчеркивание не допускается. В тексте не должны присутствовать повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк.
- Рисунки (фотографии, скриншоты и т.п.) размещаются в тексте статьи, а также прикрепляются отдельно-

ми файлами в форматах .jpeg или .tiff с разрешением не меньше 150 dpi.

- Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией автора.

2. Для публикации статьи необходимо предоставить в электронном виде фотографию(и) автора(ов). Размер файла — не менее 2 Мб, формат — .jpeg или .tiff.

3. Структура статьи:

3.1. Название статьи и информация об авторах:

- Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.
- Название статьи в переводе на английский язык.
- Информация об авторе(ах) на русском языке: Ф.И.О. полностью, должность, место работы автора, ученая степень.
- Информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О., должность, место работы автора, ученая степень.

3.2. Аннотация (Abstract):

- Аннотация на русском языке (до 600 знаков с пробелами) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи).
- Аннотация на английском языке должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

3.3. Ключевые слова (Keywords):

- на русском языке (до 10 слов);
- на английском языке (до 10 слов).

3.4. Текст статьи:

- Полный текст (на русском языке) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста научной статьи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение, цель, материалы и методы, результаты, обсуждение, выводы/заключение.
- Таблицы и рисунки в тексте статьи должны иметь порядковый номер, название, на каждую таблицу и рисунок в тексте должна быть соответствующая ссылка.

3.5. Библиографический список (References):

- Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников (Библиографический список / References) оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать (стандарт транслитерации — BSI), источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru>.
- Пристатейный библиографический список нумеруется последовательно, в порядке первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018). Нумерация ссылок на источники в библиографическом списке должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В библиографическом списке все работы перечисляются в порядке цитирования. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

- Рекомендуется ссылаться на статьи, опубликованные ранее в томах издания «Научные труды Вольного экономического общества России».

4. Контактная информация (Contact information):

- Для каждого автора на русском и английском языках приводятся в конце статьи контактные данные: название и полный почтовый адрес организации(й), которую(ые) он (они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить рекомендательное письмо от организации или научного руководителя (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения «Почты России» на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>.

Подписной индекс в официальном каталоге «Почты России» — ПР999.

По вопросам публикации статей следует обращаться в редакцию:

+7 (495) 609-07-60, science@veorus.ru

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге «Почты России» — **ПР999**

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 г. входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CyberLeninka, Google Академия. Тома Научных трудов ВЭО России размещены на сайте издания — <https://veorus.ru/труды-вэо/>.

ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

Подписной индекс в официальном каталоге «Почты России» — **ПА008**

Журнал «Вольная экономика» издается с 2017 г. Вольным экономическим обществом России. Это полноцветное гляцевое аналитическое издание, ориентированное на широкий круг читателей: профессионалов в области экономики, а также интересующихся этой областью знаний и экономическими практиками. Журнал занимает нишу на медиарынке, является авторитетным изданием для людей, от которых зависит принятие экономических решений в разных областях. Сайт издания — <http://freeeconomy.ru>.

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
Т. 2 (258), 2026

Учредитель: Общественная организация — Вольное экономическое общество России (125375, г. Москва, ул. Тверская, 22В).
Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999.

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России
Адрес издателя и редакции: 125375, г. Москва, ул. Тверская, 22В
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Главный редактор — С.Д. Бодрунов, член-корреспондент РАН,
д.э.н., профессор

Над выпуском работали — А.В. Забурдаева, М.А. Лазарев

Оформление и верстка — С.О. Брылев
Корректор — И.А. Киренкова

Подписано в печать 20 апреля 2026 г.
Формат 14 × 20 см. Бумага офсетная

Выход в свет 01 июня 2026 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3165
Отпечатано в типографии ООО «Клуб печати»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 11, стр. 1

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2026

ISBN 978-5-94160-251-3
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-251-3

9 785941 602513

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
Vol. 2 (258), 2026

Founder: Public organization — Free Economic Society of Russia
(125375, Moscow, Tverskaya St., 22B).
Registration number — ПИ № 77-3786, 06/20/2000.
Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post.

Published by the Free Economic Society of Russia
22B, Tverskaya, 125375, Moscow, Russia
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief — S.D. Bodrunov, Corresponding member of the Russian
Academy of Sciences, Doctor of Economics Sciences, Professor
Publication Editors — A.V. Ziburdaeva, M.A. Lazarev

Design — S.O. Brylev
Press-corrector — I.A. Kirenkova

Signed for printing on April 20, 2026
Format 14 x 20 cm. Offset paper

Publication June 01, 2026
Run of 1,000 copies. Order No. 3165
Printed by Club Print LLC
127018, Moscow, 3rd Maryina Roshcha passage, 40, block 11, bldg. 1

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2026

ISBN 978-5-94160-251-3
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-251-3

9 785941 602513